

Социология

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени

6

2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный уни-
верситет
имени М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
*119992, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М.В. Ломоносова, социо-
логический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.:(495)939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
http://soziologi.ru*

Отпечатано в типографии
ООО «Стромьнка Принт», Москва,
ул. Стромьнка, д. 18

Тираж 300 экз.
Формат А4

Подписано в печать: 30.12.2022

Цена свободная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

**ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ**

*А.И. Антонов, С.А. Барков,
В.П. Васильев, Ю.Г. Волков,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
С.О. Елишев, С.Г. Ивченко,
В.А. Кудрявцев, А.И. Куропятник,
А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
А.А. Осеев, В.Н. Петров,
Н.Л. Полякова, А.Б. Рахманов,
А.Б. Синельников, Н.Г. Скворцов,
Ж.Т. Тощенко, Н.С. Федоркин*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи – до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи дать авторскую справку с полным указанием фамилии, имени и отчества автора (авторов), места работы, звания, должности и e-mail.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Копалиани В.З.</i> Роль современных коммуникационных технологий в функционировании социальных движений на примере Франции.....	5
<i>Кравченко А.И.</i> Метафоризация научного языка в наномире	15
<i>Пивоварова И.В., Барбаков Г.О.</i> Стандарты управления операционными элементами в социологических и маркетинговых исследованиях.....	25

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе	32
<i>Грицких Н.В., Кононова О.Н., Рыбак Н.С.</i> Развитие креативных индустрий в условиях цифровизации.....	39
<i>Гуринович Л.А., Решетникова Е.В., Люберцев П.П.</i> Жизненное пространство работающей молодежи	48
<i>Калинич В.С., Верпатова О.Ю.</i> Волонтерство как средство проявления патриотизма	66
<i>Маслодудова Н.В.</i> Влияние информационного общества на социальные отношения	74
<i>Махова К.Б.</i> Социология туризма в РФ: обзор публикаций за 2012–2021 гг.....	83
<i>Медведев А.В., Медведев Р.А.</i> Безопасность в общественном транспорте как фактор привлекательности общественного мнения.....	89
<i>Равочкин Н.Н., Бобриков В.Н.</i> Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Анализ изменений	98

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

<i>Дзагурова Н.Х.</i> Субъективная удовлетворенность качеством жизни молодыми женщинами (на примере жительниц г. Владикавказ).....	104
--	-----

<i>Чжан Хаолэн.</i> Структура модели социальной стратификации китайского общества.....	109
--	-----

<i>Щедрина Е.В., Ивашова О.Н., Палиивец М.С.</i> Категория «цифровое благополучие» в системе оценки качества жизни.....	114
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Ананишнев В.М., Зотова М.В., Гаврилов Д.В., Пугачев Н.М.</i> Управленческие технологии в процессе формирования политических партий в России.....	122
<i>Ван Бэйбэй.</i> Исследование механизма функционирования и практического пути социальной рабочей станции в социальном управлении	128

<i>Трифонова В.Ю.</i> Влияние гендерного фактора на управленческий потенциал в системе миссии и ценностей компании ...	133
--	-----

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Кудинова А.В., Морозов С.А.</i> Воспроизводство и развитие культуры в культурных индустриях: к постановке проблемы.....	139
<i>Рую Инь, Зихан Ли.</i> Культурная самобытность Китая после 20-го Национального конгресса и построение культурной мягкой силы.....	147

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Давыдов В.А.</i> Эпистемологические аспекты процессов реконструирования и конструирования исторического прошлого	151
---	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Макаренко Е.Д.</i> Влияние государственного управления на накопление и раскрытие человеческого капитала в условиях реализации технологий умного города	155
---	-----

Тетенков Н.Б. Социально-политические причины формирования множественной субъективности 163

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гринченко Е.А. Анализ ценностно-смысловой репрезентации образа нелегального мигранта в региональных СМИ: по результатам контент-анализа 169

Магранов А.С. Эмоциональное состояние студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности 180

Хоссаин Барек, Музыкант В.Л., Нахидуззаман Мд. Распространение слухов в Бангладеше: анализ источников и причин возникновения 189

Роль современных коммуникационных технологий в функционировании социальных движений на примере Франции

Копалиани Виолетта Зазаевна,

аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: violettakopaliani@gmail.ru

Современные социальные движения невозможно представить вне контекста использования современных коммуникационных технологий. В данной статье рассмотрены положительные и отрицательные стороны использования социальных сетей и цифровых платформ для организации, мобилизации и функционирования социальных движений. Приведены примеры использования французскими активистами возможностей современных средств связи для инициирования протеста и его распространения начиная с 2005 года. Несмотря на большую возможность прямого политического участия, поддерживаемого современными технологиями, современные средства связи не всегда предоставляют больший контроль над принятием политических решений. Тем не менее, цифровые платформы представляют возможности для дополнительных форм политической активности, которые сложнее реализовать в офлайн-мире: мгновенное распространение публикаций, поиск сторонников и инициация протеста вне зависимости от времени и места нахождения.

Ключевые слова: социальные движения, онлайн-мобилизация социальные сети, интернет, сеть, мобилизация, цифровые платформы, общественные дебаты.

В течение двух последних десятилетий интернет рассматривался с точки зрения его потенциала для возрождения демократии. В то время, как Франция и другие западные общества сталкиваются со снижением политической активности и участия в выборах, а также с кризисом современных институтов представительной демократии, интернет долгое время играл роль пространства для иных способов общения, коммуникации, вовлечения в общественные обсуждения и решения муниципальных проблем. Действительно, любой желающий может раскритиковать деятельность государственных учреждений в своем блоге, оспорить слова политика или опубликовать призыв к забастовке. К примеру, во Франции первая онлайн-мобилизация с целью влияния на общественные дебаты возникла благодаря многочисленным блогам, появившимся в 2005 году по случаю референдума о Конституции Европейского союза [1].

Благодаря социальным сетям публикации отдельных людей могут затронуть значительное число потенциальных избирателей, а организации, работающие от имени третьих лиц или целых государств, имеют возможность легко вмешиваться в избирательные кампании. Влияние социальных сетей растет вместе с числом их пользователей благодаря тому, что социальные сети предлагают пространство для развлечений, общения и обмена информацией, в том числе для получения новостей и актуальных публикаций. Согласно данным, опубликованным Eurostat в марте 2022 года, 45% населения Франции в возрасте от 16 до 74 лет пользуются интернетом для деятельности в социальных сетях [2].

Для того, чтобы рассматривать роль современных коммуникационных технологий в функционировании социальных движений, необходимо уделить внимание акторно-сетевой теории Б. Латура.

Согласно Б. Латуру, социальное следует понимать как сетевое движение, которое определяется многочисленными взаимосвязями человеческих и нечеловеческих субъектов. Объекты являются активными участниками конструирования социального, поскольку действие не ограничивается преднамеренной деятельностью людей; все, что изменяет существующее положение дел, является действующим лицом [3]. Акторно-сетевая теория показала, что технологии одновременно формируются человеческими отношениями и формируют их посредством открытого процесса, основанного на повседневной практике [4].

В современном мире технологии становятся «агентами», потому что они встроены в конкретные цифровые дискурсы, которые оказывают влияние на организацию человеческих практик [5]. Новые технологии всегда приводят к социальным преобразованиям. Э. Тоффлер утверждал, что интернет-технологии создают новую цивилизацию, которая дистанцируется от старых форм политической организации [6]. Н. Негропonte считал, что интернет создал сдвиг в политической организации, позволив обществам отойти от централизованной политики национального государства [4]. В указанных работах интернет-технологии рассматриваются не только как «агенты», способные преобразовать мир, но также утверждается, что в качестве агентов интернет-технологии приведут к важным политическим и демократическим преобразованиям.

В отличие от этих подходов, П. Гербаудо утверждает, что «сеть» – это не политический агент, а «политическая идеология» [7]. Понятие «сеть» неразрывно связано с идеологиями современных социальных движений, и работа П. Гербаудо подчеркивает, что цифровые дискурсы вплетены в политическую культуру этих движений.

Более ранний анализ структуры социальных сетей был представлен М. Кастельсом, который указал, что онлайн-технологии, и особенно новые интерактивные цифровые платформы, обеспечивают эгоцентричную форму

общения и социальности. Этот тип социальности имеет мало общего с идеей виртуального сообщества, которая пронизывала более ранние представления о социальном взаимодействии в онлайн-мире. Опираясь на Б. Уэллмана, М. Кастельс утверждал, что новая социальность, продвигаемая интернетом является той, в которой индивид становится центральным действующим лицом; это социальность « сетевого индивидуализма » [8]. Согласно М. Кастельсу, сетевой индивидуализм – это социальная модель, а не совокупность изолированных индивидов. Индивиды строят свои сети онлайн и оффлайн на основе своих интересов, ценностей и привязанностей. Таким образом, сетевой индивидуализм организуется вокруг сообществ по выбору, которые являются гибкими, изменчивыми и постоянно меняющимися.

Очевидно, существует множество теоретических подходов к рассмотрению феномена социальных сетей и их влияния на социальные движения и на общество в целом. По мере развития и распространения новых коммуникационных технологий менялось представление ученых о том, какую роль они выполняют в обществе. На смену утверждениям о том, что сеть интернет предлагает качественно новые возможности для интеракции и вовлечения пользователей с целью их совместной работы и творчества, пришло понимание того, что новые средства для коммуникации не так демократичны, как казалось изначально и способствуют укреплению новой формы капиталистической эксплуатации и коллективного надзора [9]. Рассмотрим позитивные и негативные аспекты использования социальных сетей в целях мобилизации, организации и осуществления деятельности социальных движений.

Позитивный аспект использования социальных сетей для функционирования социальных движений

С середины 1990-х годов развитие интернета породило много надежд, связанных с тем, что Ю. Хабермас называет «дели-

беративной демократией» – режимом, при котором граждане обмениваются мнениями, отступают от своих частных интересов и достигают творческих решений для лучшего функционирования всего общества [10].

Интернет действительно позволил большому числу людей участвовать в общественных обсуждениях в обход традиционных средств массовой информации. Прежде всего потому, что, как объясняли П. Димаджио и его коллеги в самом начале 2000-х годов, интернет значительно снижает барьеры для входа и затраты на участие в «цифровой публичной сфере» [1]. Если создание собственной печатной газеты, радиостанции или телевизионного канала сталкивается с препятствиями экономического, административного и технического характера, интернет значительно облегчает возможности для высказываний.

Поскольку активистам необходимо выдвигать требования, получать общественную поддержку и находить способы самовыражения, доступ к средствам массовой информации является ключевым аспектом функционирования социальных движений [11]. При этом участники протестных акций часто критикуют СМИ за предвзятое освещение деятельности общественных движений, которое способствует демонстрации протестующих. Использование новых коммуникационных технологий позволяет участникам демонстраций и социальных движений использовать социальные сети в качестве альтернативных СМИ. Благодаря этому, активисты могут непосредственно участвовать в организации, производстве и распространении собственных новостей [12]. Так социальные сети, выполняя роль альтернативных СМИ, не только играют ключевую роль в тиражировании публикаций в качестве источника информации, но и служат основой для формирования общественных движений. Цифровая среда в свою очередь создает возможности для альтернативной коммуникации. В то время как алгоритмы социальных сетей поддерживают вирусную циркуляцию публикаций, а сами пользователи склонны к случайному

потреблению новостей через сети личных контактов, информация участников социальных движений может охватить большее число пользователей и увеличить свое влияние [13]. Таким образом, интернет расширяет возможности получения и распространения информации, а также повышает интерактивность и скорость коллективных форм общения.

На сегодняшний день социальные движения не могут существовать без представительства в цифровой среде, демонстрация протеста в которой становится составной частью офлайн-протеста [14]. Социальные сети помогают активистам вовлекать других пользователей в деятельность социальных движений с помощью тегов, цитат и упоминаний. Примером этого механизма является использование хэштегов, которые стимулируют общение и обмен контентом. Использование социальных сетей расширяет временные рамки протеста. Активисты могут присоединиться к социальному движению в любое удобное для них время, без необходимости в физическом присутствии в конкретном общественном месте.

Социальные сети предоставляют администраторам сообществ возможности для управления и контроля за другими участниками обсуждений путем исключения тех или иных пользователей и модерации контента [15]. Активисты, ответственные за аккаунты в социальных сетях, могут использовать платформы для сбора средств в целях обеспечения деятельности социальных движений. На сегодняшний день электронная почта, веб-сайты, блоги или социальные сети – все эти онлайн-инструменты для коммуникации используются для организации коллективных действий с целью распространения информации, подписания петиций или координации массовой рассылки протестных сообщений в адрес определенного объекта (учреждения, компании и т.д.) [1]. Другими словами, большая часть традиционных средств действия – листовки, газеты, петиции и т.д. – были адаптированы в интернете.

Важно отметить, что массовые протесты могут происходить без наличия

формальных структур (например, профсоюзов) [16]. Мобилизация снизу вверх происходит, когда призывы к действию проходят через взаимосвязанные личные сети. Одна из основных характеристик сети заключается в том, что она одновременно является средством массового вещания, таким как радио или телевидение, и средством межличностного общения, таким как телефон. Таким образом, первой и наиболее очевидной характеристикой цифровых технологий является резкое снижение барьеров для публикации: сегодня нет ничего проще, чем опубликовать изображение и текст на форуме, на странице или в учетной записи социальной сети со своего мобильного телефона, поделиться этой публикацией с ограниченным числом пользователей или же распространять информацию на более широкую аудиторию, а также отвечать на комментарии и реакции, которые могут последовать. Теоретически такие возможности способствуют расширению публичной сферы по крайней мере, на двух уровнях [17]. С одной стороны, социальные сети расширяют публичное пространство для обсуждения политики и существующих социальных проблем. С другой стороны, они предоставляют частным лицам возможность конкурировать с официальными СМИ и прессой (теми, кто контролирует ход публичных обсуждений).

Однако наравне с позитивным влиянием новых коммуникационных технологий на возможность высказывания и формирования социальных движений, существуют серьезные негативные аспекты использования социальных сетей активистами и участниками социальных движений.

Негативный аспект использования социальных сетей для функционирования социальных движений

Необходимо учитывать, что в рамках функционирования платформ социальных сетей, индивид имеет ограниченные пределы свободы. Это становится очевидным, если принять во внимание тот факт, что функциональные возмож-

ности конкретных цифровых платформ накладывают ограничения на свободу действий пользователей [4]. Кроме того, передача персональных данных и активность в цифровой среде ведет к созданию больших наборов пользовательских данных, которые могут быть использованы в корпоративных целях владельцев цифровых платформ [18]. Появление больших данных сопровождалось эффектом непрозрачного управления пользовательскими данными, а также новыми формами алгоритмического контроля и дискриминации [19].

Кроме того, в то время как техно-коммерческий характер цифровых платформ способствует объединению пользователей благодаря системе алгоритмов, их архитектура не обязательно позволяет этим временным онлайн-толпам развивать прочные отношения, процесс, который необходим для консолидации социальных движений [15]. Платформы социальных сетей облегчают объединение отдельных пользователей, но не формирование организационных структур [20]. Функционирование социальных сетей строится на стимулировании взаимодействия между отдельными пользователями и владельцами страницы, но не между теми людьми, которые еще не знают друг друга. Таким образом, страницы в социальных сетях больше подходят для укрепления партнерских связей. Бизнес-модель платформ социальных сетей воплощается в дизайне, который поощряет межличностные связи в попытке увеличить объем данных, генерируемых пользователями [21]. Таким образом, социальные медиа характеризуются логикой эгоцентричного участия, которая ставит личность выше коллектива, создавая временные онлайн-толпы, а не социальные движения.

Хотя люди могут объединяться в социальных сетях, дизайн этих платформ не способствует сложным взаимодействиям, которые приводят к возникновению социальных движений. Именно личное общение способствует более конкретному ощущению коллектива, позволяя сторонникам движения быстрее

развивать межличностные отношения, общие рамки и организационные структуры [22]. Поэтому изучение социальных движений требует перспективы, охватывающей коммуникационную среду движения и учитывающей роль социальных сетей по отношению к другим платформам и коммуникационным пространствам.

Помимо этого, в последнее время система медиа оказалась уязвимой для ряда отклонений, в которых цифровые технологии, по-видимому, сыграли важную роль. В этом отношении распространение фейковых новостей в интернете стало важным поворотным моментом, который способствовал сдвигу коллективных представлений в сторону эпохи «пост-истины» [17]. Цифровые платформы действительно участвуют в радикализации общественного пространства, где истина является простым результатом информационной конкуренции. В публичном цифровом пространстве доминирует динамика информационного потока, способствующая появлению сенсационного контента, независимо от того, правдива публикуемая информация или нет.

Традиционные СМИ являются жертвами конкуренции со стороны социальных сетей, но они также активно способствуют неправомерному использованию информации и кризису представительной демократии [23]. Средства массовой информации, находящиеся в вечном поиске сенсации, также склонны передавать недостоверную информацию, циркулирующую в социальных сетях. Согласно закону Брандолини, если требуется 10 секунд, чтобы заявить, что Францию собираются «продать» ООН, то потребуется 10 минут на то, чтобы объяснить, почему данная информация неверна [24].

Поскольку социальные сети предоставляют пользователям бесплатные возможности для публичных выступлений, они тем самым способствуют распространению ошибочной информации, систематически подвергая сомнению компетентность, честность или намерения политических лидеров. Кроме то-

го, в виртуальной среде любая критика не имеет временных, финансовых и других ограничений. Таким образом, государственные органы, выборные должностные лица и политические партии сталкиваются с недоверием беспрецедентного масштаба, на которое трудно реагировать, поскольку критика и недовольство носит разнородный и индивидуальный характер, часто не соотносится с реальным положением дел и является противоречивой.

Среди причин создавшейся ситуации можно назвать и упадок идеологий, и недоверие к правительственным партиям, и ослабление посреднических органов, наравне с всеобщим пессимизмом и боязнью серьезных перемен. Социальные сети катализируют выражаемое недовольство.

Примеры использования современных коммуникационных технологий социальными движениями

Обратимся к событиям 2005 года, связанным с французским референдумом за или против ратификации Конституции Европейского союза. В условиях, когда традиционные средства массовой информации отвели лишь ограниченное место высказываниям против ратификации, появились несколько сотен веб-сайтов, которые уделили им гораздо большее внимание. Составляя корпус из 312 сайтов, которые затрагивают эту тему, Г. Фуэтилу показал, что большинство интернет-сайтов выражали свое несогласие с договором. Затем он отметил, что сайты, выступавшие против ратификации, ссылались друг на друга гораздо чаще, чем сайты, на которых отстаивались другие позиции [25]. В данном случае в интернете публиковали свое мнение те люди, которые не имели доступа к традиционным средствам массовой информации и чьи идеи не были представлены в общественных обсуждениях.

На сегодняшний день протест может быть инициирован одиночными активистами благодаря созданию онлайн-петиций, независимо от социальных движений. Это могут быть сай-

ты онлайн-петиций, или сайты, организуемые открытые и плюралистические публичные дебаты с гражданами (например, democratieouverte.org). В 2013 году во Франции был запущена онлайн-платформа «Парламент и гражданин», целью которой является повышение эффективности государственной политики, а также доверия граждан к политическим деятелям. Благодаря платформе парламентарий может предложить законопроект и представить его на рассмотрение гражданам, которые могут делиться своими мнениями и предложениями (parlement-et-citoyens.fr) [26]. Французы используют современные коммуникационные технологии, чтобы предложить новые способы для ведения политики (Mavoix.info), организации демократических процессов путем открытого отбора кандидатов для участия в выборах (Laprimaire.org) и продвижения более прямых форм демократии ([Le Parti Pirate](http://LePartiPirate.org)). Электронные петиции создаются посредством специальных организаций, как например Change.org или [Avaaz](http://Avaaz.org), которые выступают в качестве координаторов такой деятельности. 29 мая 2018 года П. Людоски запустила петицию на сайте Change.org за снижение цены на топливо на заправочных станциях на фоне непрерывного роста цены с 2016 года, что повлекло за собой возникновение движения «желтых жилетов» [27]. Тем самым новые онлайн-средства могут спровоцировать общественные дебаты, социальные волнения и даже повлиять на принятие политических решений.

Указанный пример использования онлайн-петиции для выражения социального недовольства и организации социального движения во Франции не первый. В 2016 году с помощью той же платформы Change.org было собрано почти 1,4 миллиона подписей против трудовой реформы [17]. С одной стороны, цифровые платформы стали удобным и простым инструментом для опротестования решений политиков. С другой стороны, простота присоединения к петиции частично привела к обесцениванию данного способа действия, что получило название «клик-активизм» (кликтивизм или

слэктивизм), который не очень эффективен с политической точки зрения [28].

Возвращаясь к движению «желтых жилетов», участники социального движения активно использовали социальные сети в качестве собственных средств массовой информации. Социальные сети играли ключевую роль в тиражировании публикаций в качестве источника информации, стали основными площадками для организации движения «желтых жилетов». На волне растущего недовольства, в этот период французское правительство также использовало цифровую платформу для решения социальных проблем, озвученных участниками движения. В качестве реакции на кризис «желтых жилетов», в декабре 2018 года правительство анонсировало начало Большого Национального Обсуждения (*Grand Débat National*). Обсуждение было организовано вокруг четырех тем: экологический переход (*transition écologique*), налогообложение и государственные расходы (*fiscalité et dépenses publiques*), демократия и гражданство (*démocratie et citoyenneté*), организация государственного аппарата и государственных услуг (*organisation de l'État et des services publics*). Обсуждение приняло множество форм: организовывались местные собрания (всего 10 134), принимались письма с предложениями (27 374), но, пожалуй, самым большим процентом участия был достигнут на онлайн-платформе granddebat.fr. с почти 2 млн человек, принявших участие в обсуждении [29]. Онлайн консультирование началось 22 января 2018 года и закончилось 18 марта 2019 года, и позволило всем гражданам анонимно ответить на вопросы по каждой теме обсуждения. Для участников предлагалось два формата: быстрый опрос, включающий в себя 12 закрытых вопросов по каждой теме, а также детальное обсуждение, где участники могли без ограничений развернуто отвечать на расширенную серию вопросов по каждой теме. Вопрос репрезентативности, по-видимому, имеет решающее значение для оценки результатов национальных обсуждений. Проблема репрезентативности важна,

поскольку Большое Национальное Обсуждение стало ответом на движение желтых жилетов, которое, в частности, требовало возврата к формам прямой демократии [30].

Существует положительная корреляция между количеством публикаций в группах Facebook с количеством забастовок движения «желтых жилетов», количеством групп и числом участников этих групп, что говорит о большом влиянии коммуникационных технологий на организацию социальных движений [27]. Помимо этого, на успех мобилизации участников движения влияет платформа, на которой осуществляется их взаимодействие. Важную роль играет интерфейс, с помощью которого люди могут выражать свое мнение. Интерфейс платформ может служить как тормозом, так и стимулом для участия.

Подводя итоги, следует отметить, что цифровые технологии существенно изменяют условия для осуществления демократии, но сами эти преобразования имеют неоднозначный характер. Несмотря на то, что социальные движения в последние годы мобилизуются посредством социальных сетей, сами цифровые технологии не изменяют структурную асимметрию интересов в общественных обсуждениях и политической ангажированности, основанных на социальных, экономических и культурных различиях.

В целом, контроль над процессами принятия решений в рамках представительной демократии не обязательно усиливается цифровыми технологиями. Действительно, гражданин имеет более легкий доступ к большим объемам информации, может без труда публиковать свое мнение и обмениваться информацией по темам, которые он считает важными, а ресурсы, доступные ему для привлечения и мобилизации других участников, находятся в пределах его непосредственной досягаемости. Однако, в свою очередь, этот же гражданин не всегда способен критически оценивать и определять истину в массе доступной информации. Современные коммуникационные технологии не позволяют избежать

противоречивых аспектов общественных обсуждений, которые напротив поляризуются благодаря социальным сетям. Наконец, способность к мобилизации с помощью цифровых технологий не гарантирует большей эффективности воздействия на процессы принятия решений. Такие мобилизации вполне могут преследовать и антидемократические цели.

Таким образом, цифровые технологии далеки от того, чтобы быть этим совершенным инструментом для выражения общественного недовольства. Современные коммуникационные технологии не приводят ни к более демократической мобилизации, ни к возвращению к политической жизни маргинальных слоев населения.

Литература

1. Beuscart J.S., Dagiral E. (2016) *Sociologie d'internet*. Armand Colin, series: «Cursus».
2. Digital economy and society statistics – households and individuals [Электронный ресурс] URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_households_and_individuals#Internet_usage (дата обращения 19.10.2022).
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию [Текст] / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014–384 с.
4. Barassi V. (2015) *Activism on the Web: Everyday Struggles Against Digital Capitalism*. Abingdon: Routledge.
5. Van Dijk J.A. (2009) *The Myth of Digital Democracy; Digital Citizenship, the Internet, Society and Participation*. JASIST. № 61. P. 631–633. <https://doi:10.1002/asi.21207>.
6. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. К.Ю. Бурмирова и др. Москва: АСТ: АСТ Москва, 2009.
7. Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press.

8. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. – Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та). 2004.
9. Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.
10. Хабермас Ю. Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. XI / пер. с нем. Б.М. Скуратова. – М.: Издательство «Весь мир», 2012. с. 134.
11. Добринская Д. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. № 3. С. 21–38.
12. Feenstra R., Flesher C. (2019) *Routledge Handbook of Contemporary European Social Movements Protest in Turbulent Times*. P. 315–339.
13. Dolata U. (2017) Social movements and the Internet: The sociotechnical constitution of collective action, SOI Discussion Paper, No. 2017–02, Universität Stuttgart, Institut für Sozialwissenschaften, Abteilung für Organisations und Innovationssoziologie, Stuttgart.
14. Milan S. (2015) When Algorithms Shape Collective Action: Social Media and the Dynamics of Cloud Protesting. *Social Media + Society*, 1(2). <https://doi.org/10.1177/2056305115622481>.
15. Meikle G. (Ed.) (2018) *The Routledge Companion To Media And Activism* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315475059>.
16. Greijdanus H., de Matos Fernandes C.A. (2020) The psychology of online activism and social movements: Relations between online and offline collective action. *Current Opinion in Psychology*, 35, 49–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.003>.
17. Loveluck B. (2017) La démocratie au prisme du numérique. Patrick Troude-Chastenot. *Penser et penser la démocratie*, Classiques Garnier, pp.145–166, 2017, Rencontres, doi: 978–2–406–07374–1. hal-02091523.
18. Scholz T. (Ed.) (2012) *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203145791>.
19. Treré E. (2018) *Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>.
20. Juris J.S. (2012) Reflections on #Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation. *American Ethnologist*, 39: 259–279. <https://doi.org/10.1111/j.1548–1425.2012.01362.x>.
21. Poell T., van Dijck, J. (2015) *Social Media and Activist Communication*. In C. Atton (ed.) *The Routledge Companion to Alternative and Community Media*. New York: Routledge, pp. 527–37.
22. Kavada A. (2015) Creating the collective: social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor, *Information, Communication & Society*, 18:8, 872–886, doi: 10.1080/1369118X.2015.1043318.
23. Costa O. (2020). *Mouvements sociaux et réseaux sociaux, L'Ena hors les murs. Gouverner à l'ère du numérique*, № 499, P. 49–50.
24. Swynghedauw B. (2020). Le principe de Brandolini et les fake news. *médecine/sciences*. Doi: 36. 654–654. 10.1051/medsci/2020114.
25. Fouetillou G. (2007). Le web et le traité constitutionnel européen: Écologie d'une localité thématique compétitive. *Réseaux*, 144, 279–304. <https://www.cairn.info/revue-2007–5-page-279.htm>.
26. Anizon L. (2015) *Parlement et citoyens: un dispositif de démocratie ouverte* [Электронный ресурс] URL: https://www.citego.org/bdf_fiche-document-364_fr.html (дата обращения 20.10.2022).
27. Boyer P.C., Delemotte T. Les déterminants de la mobilisation des "gilets jaunes" CREST, École Polytechnique, France 26.07.2019 [Электронный ресурс] URL: <http://crest.science/RePEc/wpstorage/2019–06.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).
28. George J., Leidner D. (2019) From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism, *Information and Organ-*

- ization, Volume 29, Issue 3. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
29. Le Grand Débat National [Электронный ресурс] URL: <https://granddebat.fr/> (дата обращения 09.03.2021).
 30. Algan Y., Faucault M. Qui sont les gilets jaunes et leurs soutiens? « Portrait de la France malheureuse » // *Sciences Po CEVIPOF* 18.02.2019 [Электронный ресурс] URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/qui-sont-les-gilets-jaunes-et-leurs-soutiens.html> (дата обращения 25.10.2020).

THE ROLE OF MODERN COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE FUNCTIONING OF SOCIAL MOVEMENTS ON THE EXAMPLE OF FRANCE

Kopaliani V.Z.

Lomonosov Moscow State University

Modern social movements cannot be imagined without the usage of modern communication technologies. This article examines the positive and negative aspects of social networks and digital platforms for the organization, mobilization and functioning of social movements. The article provides some examples of French activists using the modern means of communication to initiate a protest since 2005. Modern means of communication do not always provide greater control over political decision-making, despite the greater possibility of direct political participation supported by modern technologies. Nevertheless, digital platforms create opportunities for additional forms of political activity that are more difficult to implement in the offline world, e.g. instant distribution of publications, search for supporters and initiation of protest regardless of time and location.

Keywords: social movements, online mobilization, social networks, Internet, network, mobilization, digital platforms, public debate.

References

1. Beuscart J.S., Dagiral E. (2016) *Sociology of the internet*. Armand Colin, series: "Curusus".
2. Digital economy and society statistics – households and individuals URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Digital_economy_and_society_statistics_-_households_and_individuals (accessed 19.10.2022).
3. Latour B. *Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network-Theory* (translated by I. Polonskaya) Higher School of Economics, 2014–384 p.
4. Barassi V. (2015) *Activism on the Web: Everyday Struggles Against Digital Capitalism*. Abingdon: Routledge.
5. Van Dijk J.A. (2009) *The Myth of Digital Democracy; Digital Citizenship, the Internet, Society and Participation*. JASIST. № 61. P. 631–633. <https://doi:10.1002/asi.21207>.
6. Toffler A. *The Third Wave*. (translated by K. Yu. Burmistrova) Moscow, 2009.
7. Gerbaudo P. (2012) *Tweets and the Streets: Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Press.
8. Castells M. *The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society* (translated by A. Matveeva, edited by V. Kharitonov. – Yekaterinburg: U -Factoria (with the participation of the publishing house of the Humanitarian University). 2004.
9. Zuboff S. (2019) *The Age of Surveillance Capitalism*. New York: Public Affairs.
10. Habermas J. *Ach, Europa* (translated from German by B.M. Skuratov). Publishing House "The Whole world", 2012. p. 134
11. Dobrinskaya D. E. (2016). *Sociological understanding of the Internet: Theoretical approaches to Network research (beginning)*. Bulletin of the Moscow University. Series 18. *Sociology and Political Science*, 22(3), 21–38.
12. Feenstra R., Flesher C. (2019) *Routledge Handbook of Contemporary European Social Movements Protest in Turbulent Times*. P. 315–339.
13. Dolata U. (2017) *Social movements and the Internet: The sociotechnical constitution of collective action*, SOI Discussion Paper, No. 2017–02, Universität Stuttgart, Institut für Sozialwissenschaften, Abteilung für Organisations und Innovationssoziologie, Stuttgart.
14. Milan S. (2015) *When Algorithms Shape Collective Action: Social Media and the Dynamics of Cloud Protesting*. *Social Media + Society*, 1(2). <https://doi.org/10.1177/2056305115622481>.
15. Meikle G. (Ed.) (2018) *The Routledge Companion To Media And Activism* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315475059>.

16. Greijdanus H., de Matos Fernandes C.A. (2020) The psychology of online activism and social movements: Relations between online and offline collective action. *Current Opinion in Psychology*, 35, 49–54. <https://doi.org/10.1016/j.copsyc.2020.03.003>.
17. Loveluck B. (2017) Democracy through the prism of digital technology. *Patrick Troude-Chastenet. Thinking and healing democracy*, Garnier Classics, pp.145–166. doi: 978–2–406–07374–1. hal-02091523.
18. Scholz T. (Ed.) (2012) *Digital Labor: The Internet as Playground and Factory* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203145791>.
19. Treré E. (2018) *Hybrid Media Activism: Ecologies, Imaginaries, Algorithms* (1st ed.). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315438177>.
20. Juris J.S. (2012) Reflections on #Occupy Everywhere: Social media, public space, and emerging logics of aggregation. *American Ethnologist*, 39: 259–279. <https://doi.org/10.1111/j.1548-1425.2012.01362.x>.
21. Poell T., van Dijck, J. (2015) *Social Media and Activist Communication*. In C. Atton (ed.) *The Routledge Companion to Alternative and Community Media*. New York: Routledge, pp. 527–37.
22. Kavada A. (2015) Creating the collective: social media, the Occupy Movement and its constitution as a collective actor, *Information, Communication & Society*, 18:8, 872–886, doi: 10.1080/1369118X.2015.1043318.
23. Costa O. (2020). *Social movements and social networks, The Ena outside the walls. Governing in the digital age*, № 499, P. 49–50.
24. Swynghedauw B. (2020). The Brandolini principle and fake news. *medicine/science*. doi: 36. 654–654. 10.1051/medsci/2020114.
25. Fouetillou G. (2007). The web and the European constitutional treaty: Ecology of a competitive thematic locality. *Networks*, 144, 279–304. <https://www.cairn.info/revue-2007-5-page-279.htm>.
26. Anizon L. (2015) *Parliament and citizens: an open democracy mechanism*. URL: https://www.citego.org/bdf_fiche-document-364_fr.html (accessed 20.10.2022).
27. Boyer P.C., Delemotte T. The determinants of the mobilization of the yellow vests. CREST, École Polytechnique, France 26.07.2019 URL: <http://crest.science/RePEc/wpstorage/2019-06.pdf> (accessed 23.02.2020).
28. George J., Leidner D. (2019) From clicktivism to hacktivism: Understanding digital activism, *Information and Organization*, Volume 29, Issue 3. <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.04.001>.
29. The Big National Debate URL: <https://granddebat.fr/> (accessed 09.03.2021).
30. Algan Y., Faucault M. Who are the Yellow Vests and their supporters? «Portrait of unhappy France» // *Sciences Po CEVIPOF* 18.02.2019 URL: <https://www.sciencespo.fr/cevipof/fr/content/qui-sont-les-gilets-jaunes-et-leurs-soutiens.html> (accessed 25.10.2020).

Метафоризация научного языка в наномире

Кравченко Альберт Иванович,

доктор социологических наук, профессор,
ведущий аналитик кафедры истории и теории
социологии социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

В статье рассматривается процесс метафоризации научного знания на примере нанотехнологии; приводятся исторические примеры употребления образного доказательства в построениях Галилея; реконструируется рационалистические метатренды, касающиеся машинных метафор как способа влияния на общественное сознание. Автор приходит к выводу о том, что использование полярных приемов в науке – абстрактно-логических формулировок и уравнений, апеллирующих к нашему рассудку, и машинных метафор, обращенных к образно-чувственному началу психики, – отражает два противоположных типа культуры, два разных стиля мышления, происходящих из противопоставления чувственного и рационального, души и тела.

Ключевые слова: нанонаука, нанороботы, метафоризация научного языка, нанотехнологическая революция, машинные метафоры.

В последние десятилетия, отмечают Жиль Фоконье и Марк Тернер [Fauconnier, Turner, 2008], изучение концептуальных отображений (conceptual mappings), в том числе метафорических, привлекает все большее внимание специалистов не только в сфере лингвистики, но также в науковедении, а именно для анализа таких проблемных областей, как научное открытие, математическое мышление и компьютерные интерфейсы. Все это потребовало переосмысления сущности и роли метафоры в науке и философии. В своей теории концептуальной интеграции (Conceptual Integration) Ж. Фоконье и М. Тернер представили «много-пространственную» модель (many-space model) метафоры и концептуальной проекции, согласно которой элементы различных областей смешиваются, в результате чего происходит интеграция ментальных пространств в подсознании человека [Fauconnier, 1997; Fauconnier, Turner, 2006]. В естествознании в целом, в физике, биологии, технике и нанонауке в частности чаще всего употребляются два типа метафор. Первый тип – *ландшафтные метафоры*: волна и поток электронов, вершина треугольника, векторное поле скоростей и т.д. Второй тип – *фитоморфная метафора*: ветвящиеся структуры, квадратный корень, кора головного мозга, ядерная реакция. Оба типа подходят под определение метафоры *онтологического* субтекста. Для образования метафорического астрономического термина «черная дыра» основой выступает метафорическая модель «космическое пространство – ткань» [Fauconnier, Turner M., 2008]. Язык в науке ассоциируется с открытой средой или незамкнутым пространством, которое способно постоянно расширяться, изменяться и видообразовываться.

Метафоризация научного языка в наномире начинается с самых первых шагов – с публикации в 1986 г. книги «Машины созидания: грядущая эра нанотехнологии» Эрика Дреклера. Уже первые слова автора о том, что «спо-

способность упорядочивать атомы лежит в основе технологии», является метафорой и натяжкой, поскольку атомный мир никакому упорядочению с нашей стороны не поддается. Любая техника создания, сборки, компоновки или перекомпоновки предполагает как раз ту самую «способность упорядочивать», которая для определения квантового мира неуместна. Однако слова произнесены, яркая реклама новой сферы человеческой деятельности сделана, общественное сознание в шоке. Метафора достигла своей главной цели – привлечь всеобщее внимание к завораживающему нанометровому миру. Сделаем гипотетическое утверждение: не примени отец нанотехнологической революции Э. Дрекслер такой журналистско-лингвистический прием – *научная метафора*, – судьба нанотехнологий, а, возможно, и человеческой цивилизации на современном этапе, могла быть совсем иной. Впрочем, и первая теоретическая публикация в 1959 г. выдающегося американского физика Р. Фейнмана «Внизу полным-полно места: приглашение в новый мир физики» кроме термина «физика» никаких точных понятий не содержит – сплошь метафоры и образы обыденного языка. Р. Фейнман предложил новую процедуру – физический синтез, по образцу и подобию химического синтеза. Он так и выразился, но предложил складывать не молекулы, а отдельные атомы, т.е. опуститься на более глубокий уровень строения материи.

Прошла четверть века, пока Э. Дрекслер не придумал для предсказаний Р. Фейнмана подходящего слова – нанотехнологии. Дрекслера вдохновили идеи Фейнмана. Он развил их дальше и подготовил научно-популярную книгу. Но она пока не привлекла внимания предпринимателей. Поэтому в 1992 г. он создает свою организацию – Foresight Institute, целью которого стала пропаганда, популяризация молекулярных нанотехнологий (molecular nanotechnology, или MNT), привлечение общественного внимания и спонсорских денег [Phoenix, 2003]. Действительно, с середины 1990-х до конца 1990-х годов в США произо-

шел перелом (многие называют его нанотехнологической революцией): в исследованиях и промышленности мощным потоком потекли миллиарды долларов, открывались многочисленные центры, кафедры, журналы, появилась своя, нанотехнологическая, прослойка и свои, нанотехнологические, читатели.

Анализу подобных процессов и непосредственно роли метафоры в языке науки и нанонауки, а также в нанотехнологическом дискурсе посвящены работы Дж.К. Питта [Pitt, 2008, 2007, 1992], на которых имеет смысл остановиться подробнее. Ни Коперник, ни Галилей не собирались изучать то, как физика объясняет движение Земли. В лучшем случае, пишет Дж.К. Питт, они лишь могли предложить различные описания структуры Солнечной системы [Pitt, 2008. P. 92]. Существовало много данных в поддержку новой теории, но они были столько же эстетичны, как и все другие. Замену геоцентрического взгляда на гелиоцентрический многим в то время невозможно было понять. Центральное положение Земли в центре физической картины мира в средние века было решающим моментом для идентификации образованных людей Западной Европы, понимания ими, кто они такие. Физические аргументы Аристотеля о центральном месте Земли хорошо корреспондировало с положениями богословия, вытекающими из первой книги Бытия [Pitt, 1992].

Из учения Аристотеля мы получаем знания не только о центральном положении Земли как планеты, но также о ее сферичности. Земля как элемент в общей системе является самым тяжелым. После того, как хаос концентрируется в центре, он падает вниз. В Книге Бытия мы читаем, что Бог создал человека по Своему образу и дал ему власть над Землей. Сложите их вместе, и вы получите мужчину, по образу Божьему, в центре сотворенной Богом вселенной с владычеством над Землей. Отсюда человек как центр интересов и внимания Бога. Стоит лишь переместить Землю из центра на окраину и все разваливается. Нет никаких доказательств, что Бог видит мужчину иначе, что Земля – лишь

одна из многих планет. Объяснения Аристотеля о том, почему Земля там, где она находится, и что она имеет сферическую форму, сегодня кажутся недостаточными [Pitt, 1992].

Итак, что же Галилей сделал? Он не призывал физику объяснять то, как движется Земля. Кроме того, однако, он должен был успокоить людей, что они сами занимают в картине мироздания подобающее место. Чтобы решать обе проблемы, он делает две вещи. Он вводит язык, понятный простым смертным. Он создает для них не только иллюзию доступности таинственного знания науки, но выступает платформой их социальной общности. Это язык геометрии. Большинство физических соображений Аристотеля приняли форму концептуальной аргументации: если это означает именно это, то это самое наступает. Удивительно, но в «Диалоге о двух главных системах» Галилей не пытается опровергнуть учение Аристотеля. Он совершает гораздо более тонкий ход. Он перекладывает аргументы Аристотеля на язык геометрии [Pitt, 2008. P. 92]. Галилей апеллирует к принципам евклидовой геометрии и рисует схему, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения. В остальной части «Диалога» он прибегает к технике диаграмм, используя евклидову геометрию, с помощью чего доказывает теорию пункт за пунктом [Pitt, 1992].

Второй шаг был еще проще и гениальнее, утверждает Дж.К. Питт. При отсутствии небесной физики Галилей, тем не менее, предлагает псевдогеометрическое объяснение о том, что Земля движется. В этом двоякая выгода: доказательство посредством ликвидации и условное доказательство. Он утверждает, что только в предположении о том, что Земля движется, мы можем объяснить, почему есть приливы – наиболее спорная проблема в то время. Подобно тому, как Земля вращается вокруг своей оси, море заливают воду на палубу баржи и делает так, что баржа то ускоряется, то замедляется. Это изюминка, но аргументация перегружена геометрическими диаграммами и метафорическими рас-

суждениями [Pitt, 2007]. Никаких цифр и точных расчетов.

Галилей по существу сконструировал два метода: во-первых, на протяжении своей книги он легитимизировал обращение к геометрии как смешанному языку (*lingua franca*). Во-вторых, он прибегает к метафоре – баржи везут воду с материка в Венецию. Способ, каким вода плещется взад и вперед, иллюстрирует его схему приливов и отливов. Следовательно, говорит он, Земля движется, что и требовалось доказать. Методологическая «подстава» заключалась в том, что он применил знакомые его читателям повседневные образы, в частности, качание баржи на воде, для объяснения незнакомых явлений, как-то движение Земли [Pitt, 1992]. К подобному трюку очень часто прибегают и современные ученые.

С логической точки зрения подобное доказательство незаконно. Но метафора баржи была весьма убедительной. Образованному мирянину того времени было легко понять ее. Использование метафоры или аналогии, чтобы прояснить свою точку зрения, служило довольно распространенным приемом. Кроме того, Галилей потворствует аудитории, убеждая ее в том, что она способна разобраться в научной казуистике, понять сложные геометрические доказательства. Таким способом Галилей аутентично доносит до читателя свои объяснения и одновременно снижает страхи аудитории.

Если мы пытаемся понять эпистемическую роль метафоры баржи, то у нас есть несколько вариантов. Либо Галилей предлагает доказательство того, что заставляет нас изменить наше мнение на рациональных основаниях, либо он делает что-то еще. Скорее всего второе, поскольку строго научное и рациональное доказательство потерпело неудачу. Дж. Питт полагает, что сочетание геометрических махинаций и образной метафоры баржи выступало у Галилея основным приемом научного убеждения [Pitt, 2008. P. 93].

В современных СМИ создано великое множество негативных метафор о нанонауке и нанотехнологиях. Среди

них идея Эрика Дрекслера о самовоспроизводящихся нанороботах, которые существуют пока еще в нашем воображении, но уже напугали огромное число обывателей. Нанометафоры угрожающе действуют особенно на сознание технофобов, поскольку нанороботы Дрекслера должны быть самопрограммируемыми. Что нам делать, если они получат автономию и захватят мир? В двух статьях в сентябре 2001 г. в журнале *Scientific American* (довольно безопасном месте, чтобы предложить этот аргумент, так как его читатели положительно настроены к достижениям нанонаука и нанотехника) лауреат Нобелевской премии Ричард Смолли пытался развеять виртуальные страхи. Он доказывал, что наноробототехнический сценарий Дрекслера не может осуществиться [Буено, 2004]. Хотя аргументация Р. Смолли не полностью повторяет схему Галилея, считает Дж. Питт, но в целом очень похожа на нее.

Предыстория такова. В 2003 г. Р. Смолли и Э. Дрекслер – два выдающихся авторитета в области нанонауки и нанотехнологий – вступили в открытую полемику на сайте онлайн-журнала *Chemical & Engineering News*, с содержанием которой могут ознакомиться миллионы читателей [Baum, 2003]. Оба ученых, защитники нанотехнологий, в доказательствах своей точки зрения и опровержениях оппонента пользуются не только строгими определениями, но и множеством метафор. Метафоры упрощают научный язык, делают его доступным широкой аудитории, они необходимы в общественной полемике. Но специалисты, комментирующие нанодиспут двух выдающихся ученых, задаются вопросами: а насколько метафоры уместны в научном диалоге? Не искажают ли они сущность позиции, не привносят ли они в дискурс ненужных отклонений, ассоциаций, неточностей?

Основной аргумент Р. Смолли против Э. Дрекслера заключается в том, что ассемблеры – козырная карта Дрекслера – невозможно собирать механическим образом самими же ассемблерами или, лучше сказать, репликаторами,

поскольку операция «складирования» атом-за-атомом не поддается человеческому контролю. Грубо говоря, нельзя собрать миниатюрного робота так же, как в мастерской на верстаке мы собираем двигатель или ремонтируем электродрель. В автосервисе для сборки мастер использует свои пальцы и механические приспособления. В наномире никакие пальцы либо их механические двойники недопустимы. Здесь «пальцы» окажутся, по метафорическому выражению Р. Смолли, слишком «толстыми» и слишком «липкими». Отсюда и две метафоры, вошедшие в наносленг, – «толстые пальцы» и «липкие пальцы». Всего Смолли употребляет как минимум шесть метафор, полемизируя с Дрекслером: любовь, вальс, нанороботы, армия, толстые пальцы и липкие пальцы. Любовь наглядно описывает притяжение атомов; вальс – их спонтанное взаимодействие друг с другом; армия – неисчислимое множество атомов в квантовом пространстве, а также требующиеся для их сборки ассемблеры и репликаторы[□]; нанороботы – конечный продукт наносборки; толстые и липкие пальцы – громоздкие механические приборы, собирающие ассемблеры из отдельных, вечно вальсирующих, атомов. Кроме метафор Смолли употребляет и специальные термины, скажем, энзимы, химический синтез и др. Но и они вызвали у специалистов критические нарекания.

Смолли утверждает, что мыслить взаимодействие атомов наподобие притяжения двух людей – положил вместе и получил результат, неправильно. Химия любви и химические реакции в наномире неуместны. Там другие законы – квантовые, где элементарные частицы подчиняются принципу неопределенности Гейзенберга [Eigler, Schweizer, 1990]. В пространстве, примерно в один нанометр, где соответствующие атомы должны взаимодействовать, есть и другие атомы. Эти 12 или 15 атомов, утверждает Р. Смолли, участвуют в «трехмерном вальсе» (вторая метафора). Метафора любви имеет отношение к тому, как атомы притягиваются друг к другу. По Смолли, это не так же просто, как со-

единить двух людей. Положите двух человек вместе и у них завяжется любовь. Положите два атома вместе, и вполне очевидно, что ничего не произойдет. Химия атомного сродства иная: некоторые атомы проявляют связь с большей готовностью, чем другие [Pitt, 2008. P. 95].

Один единственный наноробот никому не нужен, поскольку на генерирование даже крошечного количества продукта ему потребуются миллионы лет. Если нанороботы смогут копировать себя и даже размножаться, мы получим целую армию нанороботов (третья метафора), которая увеличит скорость производства своих реплик. Но тогда мир станет невозможным. Нанороботы могут мутировать (четвертая метафора) и выйти из-под контроля, заполняя мир «недифференцированной массой серой слизи» (пятая метафора) или просто устраняя надобность в людях [Pitt. 2008. P. 94–95].

Метафора «липкие пальцы» в устах Р. Смолли звучит так: «Атомные руки манипулятора прикасаются к другому атому, который находится в движении. Следовательно, невозможно поставить данный атомный блок точно в нужное место». Ситуация на наноуровне, утверждает Смолли, довольно неустойчивая – атомы находятся в постоянном движении, стационарный нанобот построить нельзя. Однако это не аргумент, считает Дж. Питт, а риторический прием – предположение вместо доказательства метафоры [Pitt. 2008. P. 96].

Метафора «толстые пальцы» повествует о следующем: все, чем мы пользуемся, чтобы манипулировать атомами на нано-уровне, слишком крупное, чтобы уместиться в заданной области. А потому мы не в состоянии контролировать атомы. Однако Дж. Питт возражает: непонятно, почему область сборки атомов настолько мала и почему она вообще ограничена. Смолли не отвечает, считая, что мы обязательно должны собирать нанороботы «толстыми пальцами» [Pitt. 2008. P. 96]. Согласно метафоре «липкие пальцы» атомы имеют тенденцию прилипнуть друг к другу. Поэтому, когда мы выбираем атом и поме-

щаем его в другом месте, атом стремится остаться на месте. Силы межатомных связей не отпускают его, и, следовательно, мы не сможем ни переместить старый атом, ни поместить рядом с ним новый, собираясь строить молекулярные блоки. Против Р. Смолли выдвинуты два контраргумента. Во-первых, химия не говорит ни о какой «любви» атомов, а потому метафора любви Смолли неверна. Во-вторых, наука располагает эмпирическими доказательствами того, что атомы можно перемещать туда, куда мы хотим. Доказательство представлено в виде картинки, где два исследователя из IBM написали название своей компании атом за атомом [Pitt. 2008. P. 96].

Так можно или нет провести параллели между Галилеем и Смолли? Оба они, пишет Дж. Питт, начинают с знакомого метода – аристотелевского метода доказательства на основе любви. Потом они переходят к математике. Наконец, обращаются к новым метафорам – баржи и «толстых пальцев». Геометрический аргумент Галилея о приливах здесь неприменим – математика Смолли корректная, но в ключевых пунктах он полностью переходит к метафорам. Пока не ясно, насколько метафоры Смолли достаточны сами по себе и могут решить проблему. На самом деле мы сталкиваемся с большим числом проблем, чем можем решить. Можно ли метафоры фальсифицировать (в терминах Поппера) эмпирическими данными? Могут ли метафоры успешно функционировать в качестве аргументов? Метафора баржи Галилея неверна не потому, что не подтверждена эмпирическими данными, а потому, что она просто не имеет под собой никакой научной физики. В случае Смолли не все так ясно. В то время как изображение IBM, кажется, предполагает, что, по крайней мере, метафора «липкие пальцы» неверна, у нас возникает вопрос: набор букв IBM на нано-уровне действительно аналогичен строительству нанороботов и других нанопродуктов?

Так в чем же заключается опровержение Дрекслера со стороны Р. Смолли? Мы должны понимать эпистемиче-

скую ценность метафоры, обладающей известной риторической властью. Когда мы закладываем вместо того, чтобы доказывать, мы вдруг обнаруживаем, что наши старые понятия, используемые в качестве доказательства и подтверждение теоретических выкладок, меняются с течением времени и получают новое содержание. Философы в течение многих лет отказывались придавать какую-либо эпистемическую ценность метафорам, пусть и научным, а также вводить в науку риторические приемы. К. Поппер отвергал логику открытия, в которой метафоры играли решающую роль, а позитивисты сосредоточились исключительно на логике универсальных и неизменных понятий в науке. Как известно, философы использовали метафоры со времен Гераклита (нельзя войти дважды в одну и ту же реку) и Платона (метафора, или образ пещеры). Но если существует эпистемология метафоры, то подобные философские позиции должны быть пересмотрены.

Современные нанотехнологии заставляет философию науки признать, что существует также плюрализм меняющихся эпистемических понятий, используемых при анализе науки, и это расширяет философскую область анализа. В какой степени, задается вопросом Дж. Питт, изменения в области научной эпистемологии зависят от исторического и социального контекста? В свете всего сказанного дальнейшее формирование нормативов строгого научного дискурса, суждений и доказательств должно использовать также риторические приемы ученых, подобно тому как в философии используют категории и понятия с учетом того контекста, в котором они возникли. В своей статье [Pitt. 2008. P. 90–99] Дж. Питт доказывает, что Смолли и Галилей используют методологию, которую можно охарактеризовать как политическую стратегию, предназначенную больше для убеждения, чем для выяснения научной истины.

Не всегда аудитория ученых состоит из их коллег, как в случае со статьей Смолли в профессиональном журнале. Иногда аудиторией выступает образо-

ванная публика, как в случае с читательской аудиторией книг Дрекслера. В такой ситуации мы должны себя спросить: нужно ли обращаться к разным аудиториям на общем языке метафор? Не подрывается ли тем самым их смысл и значение? Насколько эффективно использование метафоры «липких пальцев» Р. Смолли для читателей Э. Дрекслера, выросших на повествованиях о нанороботах? Несомненно, подобный философский (а, возможно, и социологический) вопрос требует дальнейшей эмпирической проработки.

У Дрекслера нашлось немало оппонентов в дискурсе по важнейшим методологическим вопросам нанонауки. Язык метафор, по мнению некоторых из них, может скомпрометировать сущность новой науки. Самая опасная и вредоносная – машинная метафора. По мнению многих ученых, Дрекслер пытался строить живую жизнь по образу и подобию мертвой. Иными словами, он пытался создавать ассемблеры наподобие живых клеток, не видя принципиальной разницы между механикой и биологией.

Э. Дрекслера и его противников, считает Б. Бенсауде-Винсент [Bensaude-Vincent, 2004], объединяет общий интерес к биологическим системам. В легендарном пророчестве Р. Фейнмана имелась краткая отсылка к биологическому материалу, благодаря которому можно хранить огромное количество информации в компактных ячейках. С 1959 г. ученые и инженеры уделяли большое внимание молекулярной биологии, хотя термин «нанотехнологии» придуман много позже. Био-вдохновение преобладало и тогда, когда подход «снизу-вверх», метод конструирования молекула к молекуле (а не атом к атому, как позже) был назван одной из главных целей нанотехнологий. В отличие от структур, разработанных инженерами на макроуровне, биоматериалы строятся снизу-вверх. Биологический организм и жизнь в целом появляются благодаря склеиванию атомов или групп атомов, а не вырезанием заданной модели из сырого материала. Конвергенция нанотехноло-

гий и биотехнологий основана на том, что «био есть нано», а биоматериалы структурируются снизу-вверх. Дискуссия о возможностях нанотехнологий в основном сводится к вопросу о том, «что есть наномашина?». Однако понятие машины само по себе является полисемичным, оно предполагает разнообразные виды живых систем и учит извлекать разные уроки из сферы наноструктур.

В последние десятилетия метафора машины активно проникла в язык биологов, которые всегда изучали принципиально немашинные системы. В ранние времена молекулярной биологии такие метафоры служили исключительно для транскрипции и трансляции ДНК. В настоящее время любая форма организованной активности в клетке описывается как машина: рибосомы – это сборочные линии, АТФ-синтаза, поставляющая в клетки энергию, – вращающийся молекулярный мотор, полимеразы – копировальные аппараты, протеазы и протеосомы – бульдозеры, мембраны – электрические барьеры [Godsell, 2003]. Хотя биологи в целом согласны, что живые системы являются продуктом эволюции, а не дизайна, они описывают их как устройства, предназначенные для выполнения технических задач. Действительно, если биологи могут научить нас технике производства, это происходит потому, что живая клетка теперь рассматривается как завод или фабрика, переполненная биомашинами.

Заметными машинные метафоры стали также в химии и материаловедении. Одна из главных целей нанотехнологических программ заключается в создании наномашин, которые будут делать работу лучше, чем обычные машины. Язык молекулярной биологии и материаловедения обильно насыщен машинными метафорами. Через непрерывный процесс взаимного перевода понятий и образов, две науки построили общую парадигму, базирующуюся на искусственном (artificialist – искусственно сделанное) видении природы.

Отцом машинных метафор стал Э. Дрексlera, для которого нанотехнология – это «молекулярная мануфакту-

ра» (molecular manufacture). Хотя понятие молекулярной инженерии не новое. Еще в 1950-е годы этот термин использовали ученые, продвигавшие материаловедение и инженерию (MSE) в американские университеты. В то время как Дрекслер все свое внимание сосредоточил на создании универсальных ассемблеров, его оппоненты поставили под сомнение идею их производства, хотя не отклонили машинные метафоры. Джордж Уайтсайдс, профессор химии Гарвардского университета, опубликовал свои возражения против молекулярных ассемблеров Дрексlera в статье «Былое и грядущее наномашин» [Whitesides, 2001]. Уайтсайдс противопоставляет антропогенные машины натуральным машинам, хотя не ставит под сомнение машинные метафоры. «Наноразмерные машины уже существуют в виде функциональных молекулярных компонентов живых клеток, например, молекул белка или РНК, агрегатов молекул и органелл («маленькие органы»), в огромном разнообразии и изощренности... Вопрос теперь в том: Какие наиболее интересные проекты будут использованы для будущих наномашин? А если таковые имеются, то какой риск они представляют?» [Whitesides, 2001. P. 78]. Уайтсайдс считает программу химических реакций путем размещения реагентов в правильном положении Дрексlera бесполезной [Whitesides, 2001. P. 83]. Иными словами, спор между Дрекслером и Уайтсайдсом шел вокруг двух конкурирующих моделей машин. Оба были согласны, что нанотехнологии должны черпать свое вдохновение из живых организмов, но они расходились в том, когда дело доходило до способа изготовления наномашин [Bensaude-Vincent, 2004. P. 71–73].

Машинные метафоры Дрексlera – всевозможные распорки, кабели, крепежи, клей, двигатели, подшипники, контейнеры, насосы и зажимы, из которых состояли живые тела Дрексlera, удивительно напоминают животные машины Декарта. В обоих случаях живая машина сделана из набора независимых частей – нескольких строительных блоков – механически собран-

ных дизайнером. Дрекслер задумывал молекулы в виде жестких блоков, аналогичных частям конструктора Tinker Toys – будь то Мессано или Lego конструкторы. Функции, выполняемые различными частями молекулярных машин, также механические: перемещать, передавать силу, нести, держать, хранить и т.д.

Образ машины применительно к человеческому телу, впервые появился у Р. Декарта. Для того чтобы объяснить, как функционирует человеческое тело или тело животного, пишет Декарт в «Страстях души», нам не нужно привлекать душу в качестве объяснительной причины. Жорж Кангильем охарактеризовал телеологию, присущую декартовым механизмам, как «технологический антропоморфизма» [Canguilhem, 1971]. В отличие от Галилея, полагавшего, что физика должна исследовать, как происходят явления, Декарт считал, что физика должна отвечать на вопрос, почему происходят явления. Декарт поставил задачу математизации физики по типу евклидовой геометрии.

Сравнения идей Дрекслера с идеями Галилея и Декарта не случайны. Нанотехнология возрождает древнейшие мечты человечества о превращении механического в биологическое, и, наоборот, об усовершенствовании человеческого организма при помощи механических устройств, таких же совершенных, как и сама жизнь. Если раньше такое не удавалось в силу несовершенства технологий, то в начале XXI века об этом можно думать вполне серьезно. Таким образом, философские и теоретико-методологические истоки нанонауки и нанотехнологий не новы. Такова общая тенденция развития философии рационализма, традиции которой, на наш взгляд, продолжает сегодня нанонаука.

Теория живых машин Декарта выдвинула ряд задач, которые можно было выполнить только с появлением наномашин. Процесс атомной сборки ассемблеров описан у Дрекслера через метафору «механосинтеза», или «использования механического управления для

того, чтобы разместить молекулы таким способом, какой необходим для построения сложных объектов» [Drexler, 1995]. Ключевое слово – «молекулярный ассемблер». Это волшебная палочка, которая связывает воедино разбросанные по вселенной атомы, заставляя их выполнять полезные людям задачи. Молекулярные ассемблеры – это «устройства, способные направлять химические реакции, позиционируя реактивные молекулы с атомной точностью» [Drexler, 2003. P. 10]. Молекулярные ассемблеры трактуются как универсальные устройства, которые могут работать со всеми видами материалов таким же образом, как природа строит живые существа из рибосом и белков.

В программе Дрекслера соединяются две модели машин. С одной стороны, описание молекулярного производства опирается на классическую механику, оперируя только такими понятиями, как пространство, материя и движение. Здесь нет места спонтанности и индивидуальности. Молекулярные машины, как часовые механизмы, требуют приложения рук, таланта и ума часового мастера. С другой стороны, Дрекслер многое позаимствовал из биологических систем, которые работают под программным управлением. Система ДНК-РНК обеспечивает код и инструкции для функционирования машины. Белок выполняет монтажные работы в соответствии с жесткими инструкциями. Молекулярная производство Дрекслера описывается в явном противоречии с химическим производством [Bensaude-Vincent, 2004]. Хотя высказываются и другие точки зрения [Rietman, 2001].

Естественное и искусственное, биологическое и механическое – два разных, а, может быть, и противоположных типа культуры, стиля мышления и философствования в человеческой цивилизации, берущих свое начало в противопоставлении чувственного и рационального, души (духа) и тела. Этой традиции много тысяч лет. Нет ничего удивительного, что обе тенденции мыслить, изучать и конструировать сохранились до наших дней.

Литература

1. Baum R. Nanotechnology: Drexler and Smalley make the case for and against «molecular assemblers» // CENEAR: Chemical & Engineering News December 1, 2003. Vol. 81. No 48. P. 37–42. Электронный ресурс: <http://pubs.acs.org/cen/coverstory/8148/8148counterpoint.html>
2. Bensaude-Vincent B. Two Cultures of Nanotechnology? // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry, Vol. 10. No.2 (2004). P. 65–82.
3. Bueno O. The Drexler-Smalley Debate on Nanotechnology: Incommensurability at Work? // International Journal for Philosophy of Chemistry, (2004) 10(2). P.83–98.
4. Canguilhem G. Machine et organisme // La connaissance de la vie, Hachette, Paris, 1971. P.113–114.
5. Drexler K. Open Letter to Richard Smalley // Small Times, May/June, 2003.
6. Drexler K.E. Introduction to nanotechnology // Krummenacker M., Lewis J. (eds.). Prospects in Nanotechnology. Proceedings of the 1st general conference on nanotechnology: developments, applications, and opportunities. N.Y., 1995.
7. Eigler D.M., Schweizer E.K. Positioning Single Atoms with a Scanning Tunneling Microscope // Nature 1990. 344. P.525–526.
8. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, 1985.
9. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / Ed. by D. Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
10. Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor // Gibbs R. (ed.) Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, 2008. P. 53–66.
11. Godsell D. Living Machinery. Bionanotechnology: Lessons from Nature. N.-Y., 2003.
12. Phoenix C. Of Chemistry, Nanobots, and Policy // CRN, december 2003: <http://www.crnano.org/Debate.htm>
13. Pitt J.C. Seeing Nature: Origins of Scientific Observation // Conceptions de la Science: Hier, Aujourd’Hui et Demain (ed.) R.M. Burian and J. Gayon, Brussels: Ousia, 2007. P. 272–289.
14. Pitt J.C. Galileo, Human Knowledge, and the Book of Nature. Dordrecht, 1992.
15. Pitt J.C. Small Talk: Nanotechnology and Metaphor // Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science (2008). Vol. 2, No 1. P.90–99.
16. Rietman E.A. Drexler hypothesis of a universal assembler is supported not by theoretical arguments alone but by existence proof in the form of biological life // Molecular Engineering of Nanosystems. New York & Berlin, 2001.
17. Whitesides G. The Once and Future nanomachines // Scientific American, 2001 (Sept.). P.78–83.
18. Zhang S. Fabrication of novel biomaterials through molecular self-assembly // Nature Biotechnology, (2003) 21. No. 10. P.1171–1178.

METAPHORIZATION OF THE SCIENTIFIC LANGUAGE IN THE NANOMIR

Kravchenko A.I.

Lomonosov Moscow State University

The article deals with the process of metaphor scientific knowledge on the example of nanotechnology; are historical examples of the use of figurative evidence in the constructions of Galilee; reconstructed rationalist metatrends on machine metaphors as a way to influence public consciousness. The author concludes that the use of polar methods in science – abstract logical formulas and equations, appealing to our reason, and machine metaphors facing the figurative sense-top psyche – reflects two opposite types of cultures, two different styles of thinking, originating from contrasting sensory and rational, body and soul.

Keywords: nanoscience, nanorobots, metaphorization scientific language, nanotechnology revolution, machine metaphors.

References

1. Baum R. Nanotechnology: Drexler and Smalley make the case for and against «mo-

- lecular assemblers» // CENEAR: Chemical & Engineering News December 1, 2003. Vol. 81. No 48. P. 37–42. Электронный ресурс: <http://pubs.acs.org/cen/coverstory/8148/8148counterpoint.html>
2. Bensaude-Vincent B. Two Cultures of Nanotechnology? // HYLE – International Journal for Philosophy of Chemistry, Vol. 10. No.2 (2004). P. 65–82.
 3. Bueno O. The Drexler-Smalley Debate on Nanotechnology: Incommensurability at Work? // International Journal for Philosophy of Chemistry, (2004) 10(2). P.83–98.
 4. Canguilhem G. Machine et organisme // La connaissance de la vie, Hachette, Paris, 1971. P.113–114.
 5. Drexler K. Open Letter to Richard Smalley // Small Times, May/June, 2003.
 6. Drexler K.E. Introduction to nanotechnology // Krummenacker M., Lewis J. (eds.). Prospects in Nanotechnology. Proceedings of the 1st general conference on nanotechnology: developments, applications, and opportunities. N.Y., 1995.
 7. Eigler D.M., Schweizer E.K. Positioning Single Atoms with a Scanning Tunneling Microscope // Nature 1990. 344. P.525–526.
 8. Fauconnier G. Mental Spaces. Cambridge, 1985.
 9. Fauconnier G., Turner M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / Ed. by D. Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
 10. Fauconnier G., Turner M. Rethinking Metaphor // Gibbs R. (ed.) Cambridge Handbook of Metaphor and Thought. Cambridge, 2008. P. 53–66.
 11. Godsell D. Living Machinery. Bionanotechnology: Lessons from Nature. N.-Y., 2003.
 12. Phoenix C. Of Chemistry, Nanobots, and Policy // CRN, december 2003: <http://www.crnano.org/Debate.htm>
 13. Pitt J.C. Seeing Nature: Origins of Scientific Observation // Conceptions de la Science: Hier, Aujourd’Hui et Demain (ed.) R.M. Burian and J. Gayon, Brussels: Ousia, 2007. P. 272–289.
 14. Pitt J.C. Galileo, Human Knowledge, and the Book of Nature. Dordrecht, 1992.
 15. Pitt J.C. Small Talk: Nanotechnology and Metaphor // Spontaneous Generations: A Journal for the History and Philosophy of Science (2008). Vol. 2, No 1. P.90–99.
 16. Rietman E.A. Drexler hypothesis of a universal assembler is supported not by theoretical arguments alone but by existence proof in the form of biological life // Molecular Engineering of Nanosystems. New York & Berlin, 2001.
 17. Whitesides G. The Once and Future nanomachines // Scientific American, 2001 (Sept.). P.78–83.
 18. Zhang S. Fabrication of novel biomaterials through molecular self-assembly // Nature Biotechnology, (2003) 21. No. 10. P.1171–1178.

Стандарты управления операционными элементами в социологических и маркетинговых исследованиях

Пивоварова Ирина Валерьевна,

доцент, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: pivovarovaiv@tyuiu.ru

Барбаков Григорий Олегович,

доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет
E-mail: barbakovgo@tyuiu.ru

В статье рассмотрен государственный стандарт, регламентирующий исследования рынка, общественного мнения и социальных проблем. В частности, проанализирован такой его важнейший раздел, как управление операционными элементами. В работе показаны такие аспекты изучаемой проблематики, как: оценка возможностей реализации отдельных исследовательских проектов, график мероприятий проекта, мероприятия по поддержке и кооперации с клиентами. Показаны особенности регламентации разработки исследовательского инструментария, формирования выборки и обработки данных. Показаны технические моменты исследования: мониторинг выполнения мероприятий исследования; обращение и хранение материалов и документов, связанных с проектом, а также предоставление материалов по результатам исследования.

Ключевые слова: Социология, стандарт, программа исследования, методология, методика, менеджмент качества.

Сегодня социологические и маркетинговые исследования представляют собой глобальную отрасль экономики. Значительная часть средств, затрачиваемых на проведение таких исследований, приходится на транснациональные проекты, включающие множество стран мира. Систематическое измерение складываемых в такие проекты показателей с целью получения сопоставимых и непротиворечивых данных возможно только при единой методологии, которую может обеспечить стандартизация.

Стандартизация представляет собой важнейший аспект для нормального функционирования любой системы, для эффективного управления любым процессом. В сфере социальных исследований стандарты также необходимы, они содействуют развитию взаимодействия между различными специалистами, связанными с процессом организации и реализации исследования. Другим фактором, объясняющим важность стандартизации, является методический аудит, реализация которого невозможна без наблюдения и регистрации за происходящим, без детального описания любых значимых событий, возникающих в ходе полевого этапа исследования [1].

Сегодня в нашей стране действует ГОСТ Р ИСО 20252–2014 «Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем». Словарь и сервисные требования», введённый в действие 25 апреля 2014 г. В настоящей работе проанализируем ключевой раздел данного стандарта, посвящённый управлению операционными элементами в исследованиях.

Оценка возможностей реализации отдельных проектов должна предшествовать принятию решения о возможности проведения исследования для заказчика. Исследовательская организация должна провести внутреннюю и внешнюю экспертизу планируемого проекта и определить методы, с целью

оценки наличия необходимых ресурсов для его успешной реализации. В ходе взаимодействия с заказчиком исследования важно установить, что его требования понимаются правильно, поэтому в ходе реализации проекта, на различных этапах должна осуществляться коммуникация с клиентом. При этом все существенные договорённости должны быть оформлены документально. Любые неопределённости, связанные с проектом, должны быть адекватно разрешены до начала его реализации. В ходе предварительного обсуждения механизма реализации проекта необходимо согласовать исследовательские цели и задачи, а в случае необходимости внести корректировки или предложить более подходящий метод исследования. Вопросы, связанные с обеспечением конфиденциальности респондентов и защиты их данных должны обсуждаться отдельно ввиду их особой значимости.

Программа исследования. Результатом первого этапа работы над проектом должна стать программа социологического (маркетингового) исследования. Программа исследования – это документ, содержащий описание всех этапов и шагов реализации проекта, с указанием на конкретные сроки. Структура и содержание программы может незначительно различаться в зависимости от области применения и типа планируемого исследования. Рассмотрим компоненты программы социологического исследования, рекомендуемые для включения рассматриваемым стандартом.

Цели и методология исследовательского проекта. Содержание данного раздела должно соответствовать выводам и заключениям, которые заказчик рассчитывает получить по результатам реализации проекта.

Область распространения услуг. Включает в себя информацию об основных блоках исследовательского инструментария: анкеты, плана интервью, гайда фокус-группы и т.д.

Выборка. Данный раздел включает информацию о целевой совокупности элементов исследования (генеральной совокупности) и процедуре формирова-

ния выборочной совокупности. Объём выборки часто влияет на стоимость исследования, поэтому, в случае необходимости, можно привести оценку доли выборочной совокупности от генеральной. В количественных исследованиях, где это применимо, необходимо указать о степени репрезентативности выборки.

Степень детализации описания выборки может быть различной, но включать в себя описание метода выборки, а также процесса рекрутинга или отбора респондентов. При указании размера выборки необходимо охарактеризовать степень достоверности результатов. В проектах с использованием качественных методов исследования важно указать способ отбора респондентов для участия в исследовании и учесть временной диапазон, предшествовавший моменту участия респондентов в исследованиях с использованием качественных методов (если таковое имело место). Подлежит определению и количество респондентов, предполагаемых для участия в исследовании

Описание процесса сбора и работы с данными. В программе исследования необходимо отметить аспекты, имеющие отношение к сбору и обработке данных. Так, необходимо указывать объём вопросника, продолжительность интервью или фокус-групп. должны указываться в программе исследования. В проектах с использованием качественных методов должен необходимо фиксировать тип места, где происходит коммуникация с респондентами, а также описываться любые технические и иные средства, планируемые к использованию исследователем.

Вторичный анализ (кабинетное исследование). В случаях, когда планируется анализ вторичных данных, важно описать источники данных, способы их использования и интеграции.

Подготовка отчётов и представление результатов. В программе исследования необходимо указывать все сведения и материалы, включая их формат и средства доставки, которые будут представлены в итоговом отчёте. Отдельно следует прописать будут ли включены в ито-

говый отчёт транскрипты интервью или фокус-групп, а также будут ли переданы заказчику аудио- и видеозаписи. Здесь очень важно учитывать гарантии конфиденциальности, данные респондентам.

Взаимодействие с субподрядчиками. В программе исследования необходимо чётко указывать, какие этапы исследования планируются реализовать при помощи сторонних организаций. Информация о субподрядчиках должна быть максимально прозрачной и доступной для клиента.

Нормативно-правовое соответствие. Программа исследования должна соответствовать местному законодательству и соблюдать все юридические требования к своему содержанию. Также в процессе разработки программы необходимо учитывать имеющиеся профессиональные и этические требования, и ссылаться на них в соответствующих разделах документа.

Финансовые условия. В программе исследования должна указываться стоимость предоставляемых услуг. Также должны быть оговорены условия оплаты, валюту платежа и сведения о налоговых отчислениях. Важно установить период времени, в рамках которого указанные цены остаются действительными. Факторы, которые могут повлиять на изменение стоимости планируемых работ, должны быть заблаговременно спрогнозированы и чётко идентифицированы.

График мероприятий проекта. График мероприятий проекта, может быть, как включён в программу исследования, так и быть предоставлен заказчику в виде отдельного документа. График должен включать в себя информацию о сроках предоставления клиентом необходимых для исследования, материалов; сроке согласования клиентом программы исследования и инструментария; временной интервал, в течение которого будет осуществляться сбор данных; срок предоставления результатов исследования.

Мероприятия по поддержке и операции с клиентами. Клиент должен иметь возможность участвовать в работе над исследовательским инструментарием.

Прежде чем запускать инструментальный в работу, он должен быть согласован с заказчиком, а соответствующее решение клиента должно быть оформлено документально. Клиент может наблюдать за процессом сбора данных только в том случае, если респонденты дали на это согласие и при условии, что сведения об их личности будут защищены в соответствии с требованиями законодательства и профессиональных кодексов.

Разработка исследовательского инструментария. В лонгитюдных исследованиях часто возникает необходимость пересмотра и корректировки исследовательского инструментария. В каждом таком случае необходимо фиксировать произведённые изменения и сообщать о возможных последствиях пересмотра.

Перевод. В случаях, когда возникает необходимость перевода исследовательского инструментария на другой язык, такой перевод должны осуществлять специалисты имеющие соответствующие лингвистические навыки и имеющие опыт перевода и написания.

Пилотажное исследование с целью предварительного тестирования должно осуществляться для всех анкетных вопросников в том случае, если клиент посчитает это необходимым. Результаты тестирования также должны оформляться документально. Предварительное тестирование может проводиться в различных форматах от пробного интервью, среди сотрудников организации, до полномасштабных пилотажных исследований с участием реальных респондентов. Формат тестирования должен быть согласован с заказчиком или оговариваться в программе исследования.

Инструктаж. Исследовательская компания должна обеспечить надлежащий уровень инструктажа исполнителей полевого этапа исследования: модераторов и интервьюеров. В случае привлечения к работам субподрядчиков они также должны быть проинструктированы. Модераторы фокус-групп и углубленных интервью должны быть проинструктированы в отношении тематики и характерных особенностей исследуемых областей.

Электронные анкеты. Исследовательская компания должна обеспечить наличие спецификаций по сбору и анализу данных, когда речь идёт о проектах с использованием электронных анкет или используются онлайн-средств сбора данных. Процедуры тестирования дизайна электронных форм анкетных вопросов необходимо поддерживать в рабочем состоянии, а информация о типах тестов, лицах, задействованных в их проведении, а также подтверждение приёма клиентов электронной копии анкеты должны документироваться.

Формирование выборки и обработка данных. Тип и структура выборки должны основываться на выбранной процедуре отбора (например, стратификационная, кластерная, гнездовая выборка). Метод, используемый для формирования выборки, должен быть описан в программе исследования. Характеристики выборки, включая выборки, предоставляемые третьими сторонами (например, выборки, закупаемые у других поставщиков или предоставленные клиентом), подлежат проверке исследовательской компанией на основе критериев, присутствующих данному исследовательскому проекту. Это в равной мере применимо как к полевому исследованию, осуществляемому самой компанией, так и к работе, выполняемой субподрядчиками.

Размер выборки должен устанавливаться таким образом, чтобы полученная при её вычислении статистическая ошибка была допустима для целей исследовательского проекта.

Используемый метод выборки должен обеспечивать вероятность попадания каждого элемента изучаемой совокупности в данную выборку. Источник информации, используемый для отбора людей и/или элементов выборки, должен быть оформлен документально. Последующее оценочное взвешивание и обобщение ответов респондентов используются для того, чтобы скорректировать погрешности в структуре выборки. Такие погрешности могут возникнуть вследствие пропусков и ошибок при ответе на вопросы, недостаточной степени охвата, а также по ряду других причин.

Неслучайные выборки могут быть сформированы, в том числе, из онлайн и оффлайн панелей, социальных сетей, списков респондентов, принимавших участие в других проектах компании и др. Кроме того такие выборки могут формироваться из нескольких источников.

При использовании неслучайных выборок исследовательская компания должна документировать и предоставлять клиенту:

- описание выборочной совокупности, источников и методов, посредством которых была сформирована выборка, описание способы приобретения соответствующих баз данных с респондентами, а также генеральной совокупности, для оценки которой она предназначена;
- способы отбора респондентов из приобретенных баз данных или иных источников (например, соц. сетей). При этом необходимы указания на средства, применяемые для обеспечения репрезентативности выборки в отношении генеральной совокупности, включая любые используемые квоты;
- критерии, используемые в процессе отбора выборки, включая любую информацию, связанную с ошибками при ответе на вопросы;
- расчёт объема выборочной совокупности;
- описание всех проблем, возникавших в процессе формирования выборки и способы их преодоления;
- алгоритмы оценочного взвешивания и проектирования любых изменений при ремонте выборки;
- метод сбора данных для используемой выборки;
- пригодность используемой выборки для решения поставленных задач;
- оценка валидности и репрезентативности выборки, и связанные с этим выводы в отношении качества полученных данных;
- любую другую информацию, позволяющую оценить возможные отклонения и погрешности выборки.

В случае формирования квотной выборки, параметры генеральной совокуп-

ности должны быть известны и определены по адекватным критериям. Обязательна информация об используемых средствах контроля в отношении квот. В этой связи должно быть четко определено количество интервью, подлежащих контролю требуемых для каждой характеристики квотной выборки.

В случае, если в ходе работы с базой данных осуществляется взвешивание выборки, его алгоритм, а также информация о переменных, используемых в качестве весов, должны быть задокументированы. Клиенту, по запросу должны предоставляться сведения о первичном источнике и об исходных данных для оценочного взвешивания. Взвешенные и невзвешенные структуры выборок также должны храниться, а информация о них быть документально оформлена.

В количественных исследованиях обработка данных должна осуществляться таким образом, чтобы минимизировать любые возможные ошибки. Также должен быть предусмотрен механизм проверки, проверки кодирования открытых вопросов на наличие ошибок и корректность анализов и табуляции.

Мониторинг выполнения мероприятий исследования. Процесс реализации социологического исследования должен подвергаться систематическому мониторингу, чтобы они выполнялись в соответствии с утвержденными спецификациями. Наиболее важные этапы исследовательского проекта включают процедуру формирования выборки, разработку инструментария исследования, сбор данных, их обработку, анализ и формирование итогового отчёта. Фиксируемая информация должна касаться как самих проблем, так и любых действий, предпринимаемых для их устранения. Наряду с универсальными процедурами, для каждого отдельного проекта могут быть разработаны отдельные инструкции, учитывающие его специфику.

Обращение и хранение материалов и документов, связанных с проектом. Исследовательская организация должна координировать вопросы, связанные с обращением, хранением

и содержанием материалов и продуктов, предоставленных клиентом. Также необходимо согласовать дальнейшие действия по отношению к материалам проекта по окончании его реализации. Компания должна обеспечить бережное обращение, хранение и защиту предоставленной ей документации и материалов в соответствии с инструкциями клиента или внутренними процедурами. При их транспортировке необходимо использовать безопасные формы упаковки и методы перемещения.

В случаях, когда в ходе реализации проекта документы, материалы и продукты предоставляются интервьюерам или респондентам, или используются каким-либо другим способом, необходимо обеспечить чтобы они не были повреждены, испачканы или видоизменены каким-либо иным образом способным повлиять на полученные результаты. Информация о безопасном использовании и обращении с материалами и соответствующие инструкции должны быть доведены до респондентов и интервьюеров. Документы, материалы и продукты должны использоваться таким образом, чтобы условия исследования были одинаковы для всех лиц.

Исследовательская компания должна обеспечить конфиденциальность при обращении с любыми предоставленными клиентом документами, материалами, продукцией и базами данных, имеющими конфиденциальный или уязвимый характер. Если существует необходимость передачи таких материалов в исследовательских целях другим лицам, например субподрядным организациям, контроль также должен осуществляться в полной мере. Доступ к материалам должен быть ограничен только теми лицами, кто непосредственно вовлечён в исследовательский проект. Информация, содержащая подробные сведения о специальных мерах по защите конфиденциальности, должна документироваться и предоставляться клиенту по запросу.

Представление результатов исследования. Все результаты исследования, связанные с целями и задачами, должны быть представлены в отчёте в полном

объёме. Любые данные количественного характера, должны быть представлены в такой форме, чтобы читатель мог видеть не только относительные величины (например, проценты или доли), но и абсолютные (например, количество респондентов, ответивших на тот или иной вопрос). Для этого либо абсолютные значения должны представляться параллельно с относительными, либо, когда приводятся процентные величины, должна указываться база, относительно которой ведется отсчет. Сведения о точности всех сообщаемых данных и материалов подлежат проверке исследовательской организацией, перед тем как они будут направлены клиенту.

Интерпретация. В ходе интерпретации результатов исследования очень важно ориентироваться на проблему исследования. Любые выдвигаемые тезисы должны подтверждаться собственными эмпирическими данными, а где это возможно, сопоставляться с другими (вторичными) данными. Интерпретации полученных данных, а также рекомендации, сделанные на этой основе, следует отделять от личных взглядов и мнений

Формат, в котором результаты исследования предоставляются клиенту, как правило, оговаривается в программе исследования или согласуется в ходе непосредственного взаимодействия клиента и исследовательской организации. Для долгосрочных исследований содержание и периодичность предоставления отчетной информации должна документироваться и согласовываться с клиентом отдельно.

Методология исследования должна быть задокументирована настолько подробно, чтобы можно впоследствии была возможность аналогичный проект воспроизвести повторно.

Для разъяснения клиенту тех аспектов исследования, которые могут вызвать у него вопросы, целесообразно проводить презентацию результатов проекта. В презентации должны принимать участие только те лица, кто хорошо знаком с ходом реализации и результатами проекта, а также сотрудники, в совершенстве владеющие методом, по-

средством которого осуществлялся данный исследовательский проект.

Публикация или использование результатов исследования в других целях, может осуществляться в случаях, если проект реализовывался за счёт собственных средств исследовательской компании или с согласия клиента. В публикациях по результатам исследовательского проекта эмпирические данные должны чётко отделяться от их интерпретации.

Документы, связанные с исследованием. Записи, связанные с исследованием, должны иметь надлежащую маркировку, которая могла бы позволить исследовательской компании оперативно идентифицировать и восстановить их. Для возможности проведения ревизии по завершению проекта первичные материалы (заполненные бланки анкет, файлы с базами, записи и транскрипты фокус-групп) и копии всей проектной документации следует хранить на протяжении определенного периода времени: первичные записи – 12 месяцев; копии других документов – 24 месяца.

В некоторых случаях, например, с целью соблюдения требования законодательства или в случае запланированных аудиторских проверок, сроки хранения документов, относящихся к проекту могут быть увеличены.

Если данное исследование повторяют позднее или если в рамках этого же проекта проводится дополнительное исследование (до окончания требуемого срока хранения), отсчёт сроков хранения устанавливается после завершения всего исследовательского проекта заново. Клиент должен быть проинформирован об установленных сроках хранения. Исследовательская компания и клиент могут договориться об изменении сроков хранения документов, но такое соглашение должно быть задокументировано.

Все записи, связанные с проектом, должны храниться с соблюдением требований безопасности. Исследовательская организация должна обеспечить надёжную защиту результатов исследований в период их хранения в архивах. Это в полной мере касается материалов

и данных, сохраняемые на электронных носителях. Особые меры предосторожности должны применяться к документам, содержащим персональные данные о респондентах. Если во внутренних инструкциях, связанных с хранением данных не оговорено иное, все документы, относящиеся к исследованию, должны предоставляться только для аудиторских проверок.

В заключение отметим, что качество является ключевой характеристикой организационной культуры исследовательской организации, показателем её профессионализма. Причиной недоверия, которое может возникнуть к социологическим и маркетинговым службам, чаще всего являются непреднамеренные ошибки персонала, которые, в свою очередь появляются вследствие изменения стандартного алгоритма исследования [3]. Наличие национальных стандартов в области социальных исследований является важным фактором повышения качества маркетинговых и социальных исследований.

Литература

1. ГОСТ Р ИСО 20252–2014 Исследование рынка, общественного мнения и социальных проблем. Словарь и сервисные требования (Переиздание) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200110455/titles> (дата обращения: 24.11.2022). – Текст: электронный.
2. Rogozin D.M. Methodical audit of the mass survey / Д. М. Рогозин, В. В. Картавец, Н. И. Галиева -М.: Дело, 2016. –358 с.
3. Yurasova M.V. Problems of the quality of empirical research // Bulletin of the University. 2016. № 11. С. 260–265.

4. Callegaro M., Manfreda L.K., Vehohar V. Web survey methodology. Los Angeles, CA: Sage, 2015.

STANDARDS FOR MANAGING OPERATIONAL ELEMENTS IN SOCIOLOGICAL AND MARKETING RESEARCH

Pivovarova I.V., Barbakov G.O.

Tyumen Industrial University

The article considers the state standard that regulates market research, public opinion and social problems. In particular, such an important section of it as the management of operational elements is analyzed. The paper shows such aspects of the issues under study as: assessment of the possibilities for the implementation of individual research projects, the schedule of project activities, support activities and cooperation with clients. The features of the regulation of the development of research tools, sampling and data processing are shown. The technical points of the study are shown: monitoring the implementation of research activities; handling and storage of materials and documents related to the project, as well as the provision of materials based on the results of the study.

Keywords: Sociology, standard, research program, methodology, technique, quality management.

References

1. GOST R ISO 20252–2014 Research of the market, public opinion and social problems. Dictionary and service requirements (Reprint) // Electronic fund of legal and regulatory documents URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200110455/titles> (date of access: 11/24/2022). – Text: electronic.
2. Rogozin D.M. Methodical audit of the mass survey / D.M. Rogozin, V.V. Kartavtsev, N.I. Galiyeva – M.: Delo, 2016. – 358 p.
3. Yurasova M.V. Problems of the quality of empirical research // Bulletin of the University. 2016. No. 11. P. 260–265.
4. Callegaro M., Manfreda L.K., Vehohar V. Web survey methodology. Los Angeles, CA: Sage, 2015.

Киберсуицид и кибербуллинг в современном обществе

Ардашев Роман Георгиевич,
кандидат юридических наук, Сибирский
юридический институт МВД России
E-mail: ardachev.rg@bk.ru

В статье представлен анализ воздействия цифрового мира на суицидальные мысли и действия молодых людей. Отдельно рассматриваются такие формы деструктивного поведения как кийерсуицид и кибербуллинг. Приводятся результаты лонгитюдного исследования, направленного на изучение воздействия виртуальной среды на суицидальные мысли и попытки среди подростков.

Ключевые слова: киберсуицид, кибербуллинг, суицид, деструктивное поведение, анонимия

Цифровизация мира наполняет современный социум новыми формами и структурами, создавая свои собственные механизмы и форматы воздействия на психику человека или даже целых сообществ. Необходимо понимать эту логику, отслеживать потенциально опасные формы социального развития и по возможности их пресекать.

Киберпространство обладает собственной логикой и формами социального развития, оно наполнено новыми смыслами, профессиями, сферами жизни и деятельности формируется в цифровом мире. Сфера виртуальности все чаще становится рычагом и модулятором отношений не только в виртуальной, но и реальной жизни.

- Это воздействие происходит через:
- подмену ценностей (когда за притягательными и «правильными» словами стоят совершенно иные смыслы и формы поведения);
 - навязывание новых убеждений и стратегий мышления (не свойственных человеку, но когда он находится в сложной ситуации и не может рационально все воспринимать, ему легко навязать то, что он не принял, если бы находился в обычном состоянии);
 - конструирование новых, зачастую альтернативных моделей поведения (ради высшей цели или чтобы кому-то отместить, что-то доказать, показать и т.д.).

Цифровизация способствует, в том числе, и формированию цифровой преступности, цифровых форм и условий подталкивания молодых людей к суициду. В этой связи важно говорить о правовой защите молодых людей, о правах человека не только в реальном, но и виртуальном мире. Поэтому, мы можем выделить угрозы суицидального поведения молодежи в цифровую эпоху.

Насилие в цифровом пространстве получило название кибербуллинга, оно может отражаться в посылаемых сообщениях и комментариях, угрозах, шан-

таже, запугивании и давлении, может остаться только в онлайн пространстве или перейти в реальное преследование.

Все проявления насилия, осуществляемого в виртуальном пространстве, приводят к апатии, депрессии, унынию тех, на кого оно направлено. И также становятся основанием для суицида или его называют киберсуицид (когда причины суицида находятся в травле со стороны интернет-сообщества). И мотивом суицида может служить протест (месть), призыв, избегание, самонаказание, отказ от жизни (т.е. классические мотивы суицида).

Также можно использовать и более экзистенциальный подход в выделении типов людей, стремящихся совершить суицид после виртуального давления:

- искатели смерти – лица, преднамеренно совершающие суицидальные действия, при осуществлении которых спасение невозможно или маловероятно;
- инициаторы смерти – неизлечимо больные люди, осуществляющие действия, направленные на прекращение оказания им помощи (отсоединение иглы или канюли), что приводит к смерти;
- игроки со смертью – лица, осознанно стремящиеся к неоправданному риску и создающие ситуации, при которых низка вероятность выживания;
- одобряющие смерть – лица, честно и открыто говорящие о своем желании умереть, но не предпринимающие для этого никаких активных действий. Этот тип часто встречается среди одиноких стариков и тревожных подростков и молодых людей.

Эти типы являются обобщенными системами, позволяющими объединить виртуальное подталкивание к суициду относительно организованной системой давления на психику человека или группы людей. В каждом случае, определенное внешнее воздействие (в т.ч. через общение в сети Интернет) – для каждого типа свое – может стать толчком к реализации суицидального поведения.

Также осуществляется воздействие на общественное мнение. Оно форми-

руется через СМИ и Интернет и конструирует различную степень напряжения, тревожности, а порой и агрессии, особенно после массовых убийств в школах. В работе О.А. Полюшкевич, Р.В. Иванов, И.А. Журавлева, А.В. Завьялов [7] раскрыты особенности социального воздействия массового убийства школьников в Керчи, также в более ранних работах автора анализируются причины, условия и особенности суицида подростков и молодежи [1–6].

Таким образом, виртуальное пространство, может быть наполнено агитационной пропагандой насилия (как в отношении окружающих, так и в отношении самого себя), развиваться в формате кибербуллинга и киберсуицида. Результатом этого становится формирование сообществ, в которых подводится человек к совершению преступления. А также формируется негативное общественное мнение в оценках последствий совершенных преступлений.

Особенности организации исследования и интерпретация результатов

Данная работа является результатом продолжающегося лонгитюдного исследования по причинам и особенностям совершения попыток суицида в школах. В частности, посвящена киберсуициду и подстрекательству к суициду через виртуальное взаимодействие. В онлайн опросе жителей России (n=1250), приняло участие 57% женщин и 43% мужчин в возрасте от 18 до 65 лет, занимающих различное социально-экономическое и территориально-стратификационное положение. Результаты исследования анализировались пакетом SPSS и открытые вопросы изучались при помощи транс-символического анализа. Также мы опирались на метод контент-анализа для фиксации публикаций в сети Интернет, находящихся в открытом доступе, способных подтолкнуть подростков и молодых людей к киберсуициду.

В результате нашего исследования, 52% россиян сталкивались с агрессией в интернете в свой адрес, наблюдали агрессию со стороны в адрес кого-то дру-

гого – 66%. 12% указало на то, что сами были инициаторами и участниками травли кого-то другого. Причем агрессия в социальных сетях или на сайтах сети Интернет в основном касалась детей – 7–12 лет (42%), подростков – 13–17 лет (34%), молодых людей – 18–35 лет (14%) и 10% все остальные возраста (от 36 до 75 лет).

На основе вышеуказанного, можно заключить, что киберсуицид и виртуальное подстрекательство к суициду наиболее распространено среди детей, подростков и молодежи как самых уязвимых социальных групп, которые находятся в фазе становления личности, отстаивания своих интересов, возможностей и перспектив. Они не могут отстоять свои права, легко поддаются на манипуляции, им льстит внимание со сторо-

ны других людей и т.д. И в результате он становится марионеткой в руках манипулятора или группы манипуляторов. По статистическим данным, чем старше человек, тем труднее его склонить к суициду (хотя представители пожилого возраста, когда входят в состояние одиночества и беспомощности (что и дети и подростки, то они также могут стать жертвами подобных сообществ).

В таблице представлена тематика публикаций, которые могут стать толчком к совершению киберсуицида, а также представлена оценка значимости воздействия и количества публикации каждой тематики на сознание подростков и молодых людей, что может их подтолкнуть к преступлению против себя и других.

Таблица. Публикации в сети Интернет, которые могут подтолкнуть к киберсуициду (в %)

Тематика	Соотношение публикаций в СМИ	Оценка молодых людей (18–35 лет)	Оценка людей старшего возраста (36–75 лет)
Непонимание родителей	25,5	33,4	10,1
Стигматизация сверстников	21,5	24,2	14,5
Личные конфликты с учителями	16,4	14,7	26,6
Личные конфликты с отдельными людьми или группами людей (родители, одноклассники, однокурсники, соседи)	13,2	20,2	27,3
Инаковость (нетрадиционная гендерная идентичность, особые мировоззренческие взгляды, убеждения и т.д.)	10,1	5,2	14,9
Социальное и духовное служение (религиозные взгляды)	8,7	1,1	5,5
Иное	4,6	1,2	1,1

Как видно из таблицы, непонимание родителей для молодых людей (33,4%) в три раза более актуально и значимо чем для представителей более старшего возраста (10,1%), при этом реальное количество публикаций не совпадает с оценкой и восприятием ни первой, ни второй группы (25,5%).

Стигматизация сверстников опять же более актуальна для молодежи (24,2%), для старшего поколения на порядок ниже оценивается роль и значимость данного фактора (14,5%). Количество публикаций на данную тему ближе к оценкам молодых людей и составляет 21,5%

Личные конфликты с учителями более весомо и значимо воспринимаются старшим поколением (26,6%), т.е. они возлагают больше вины и ответственности за совершенные преступления на учителей и их конфликтность. Молодые люди указывают на этот фактор лишь в 14,7%. Количество публикаций в сети Интернет на эту тему 16,4%, что позволяет нам также говорить о том, что молодые люди более реально оценивают взаимосвязи и оценку потенциального воздействия.

Личные конфликты с отдельными людьми или группами людей (родите-

ли, одноклассники, однокурсники, соседи) – более значимы для старшего поколения – 27,3%, для младшего – 20,2%, реальных публикаций на эту тему 13,2%. Это несоответствие указывает на то, что и молодые люди и лица старшего возраста придают на порядок большее значение этому фактору, чем есть на самом деле.

Инаковость (нетрадиционная гендерная идентичность, особые мировоззренческие взгляды, убеждения и т.д.). Для молодых людей этот фактор реально влияет на киберсуицидальное поведение в 5,2% случаев, для старшего поколения в 14,9% (в три раза больше). А количество реальных публикаций, подталкивающих к данному преступлению 10,1%. Т.е. молодежь преуменьшает, а представители старшего возраста преувеличивают значение данного фактора.

Социальное и духовное служение (религиозные взгляды) наиболее значимы в публикациях в сети Интернет – 8,8%, тогда как молодые люди указывают в 1,1%, а старшее поколение в 5,5%. Это говорит либо о неактуальности, либо о неосведомленности респондентов о данной тематике.

В разделе иное в сети интернет больше разнообразия 4,6, тогда как среди респондентов младшего возраста 1,2%, старшего возраста 1,1%, что также подчеркивает ограниченность взглядов и оценок данной сферы.

Кибер-подстрекательство к суицидальному поведению является на сегодня злободневной проблемой, которая не может решиться, так как в основном используются запретительные механизмы, что провоцирует развитие альтернативных вариантов воздействия, которые не рассматриваются законодательством, но выступают не менее опасным механизмом подталкивания к суициду. В виртуальном пространстве появляется множество идей для совершения самоубийства – это выступает основной угрозой социальному напряжению и нарастанию тревожности. В исследовании 41% опрошенных указали, что киберподстрекательство выступает очень опасной сферой развития цифрового

взаимодействия подростков, 49% отметили, что в перспективе эта тематика может принести ментальный вред как отдельному человеку, так и сообществу, и только 10% не видят в этом реальной угрозы для общественного воспроизводства ментальной устойчивости общества.

В силу того, что отдельные виртуальные страницы приветствуют суицидальные мысли, культивируют их, а порой и романтизируют, то количество киберсуицида год за годом растет. Это может выразиться в том, какую веревку лучше взять и как закрепить, чтобы она не развязалась (схемы узлов могут прилагаться) или под каким углом держать пистолет, чтобы исход был точно летальным, или же где покупать лекарства, чтобы их точно выдали (как правило в зарубежных аптеках – список которых также прилагается) и т.д.

Среди причин, способствующих реализации киберсуицида, россияне говорили о следующем: о неуверенности в себе (44%), об отсутствии поддерживающего окружения, способного выслушать и дать совет (31%), внешние причины (проблемы в экономике, СВО, политическая нестабильность) – 25%. Более половины (54%) указывали на то, что сегодня культивируется «культура смерти» и поэтому киберсуицид становится модным веянием. Среди них можно выделить классическую игру «Синий кит», игры-имитаторы, например, «Кровавая Мэри», а также «фейковые» игры, направленные на высмеивание «китовых» (зачастую первичное высмеивание данной игры является лишь завуалированным «прикрытием» традиционной версии «Синего кита»). Или же другой формат виртуального управления – это челлендж («Беги или умри»), или практика селфхарма (фотографирование нанесенных себе увечий и последующее их обсуждение и сбор комментариев, лайков и т.д.).

Также половина опрошенных 52% указали на то, что имеют представление о том, как происходит подстрекательство к самоубийству в сети интернет (48% уточнили что не могут точно это опре-

делиться и сказать). «Осведомленные» респонденты говорили о наличии сообществ («сообществ смерти») в рамках которых происходит убеждение подростка или молодого человека в правильности совершения суицида как единственно верного способа выхода из сложной ситуации, в которой тот оказался (вне зависимости от того, какая именно это сложная ситуация). Происходит это через выполнение квестов (заданий), которые связаны с нанесением увечий или боли себе, фиксации их на фото и видео носителях как доказательств своей готовности идти до конца. Если в сообществе несколько членов, то это групповое задание с последующим обсуждением кто и как выполнил, кто лучше (т.е. кто больше готов быть первым – совершить самоубийство) и т.д.

Другим вариантом «доказательства» своего участия в данном сообществе может выступать причинение вреда другим. Например, животным или детям или подросткам более младшего возраста (заведомо не могущим дать отпор и сдачу). Также с фиксацией данного действия для предъявления доказательств. Задания могут нарастать по сложности и количеству жертв, для того чтобы жертва не увидел грани и почувствовал безнаказанность, так как заведомо доносится информация как себя обезопасить от тех, кто может искать виновника (полиция, врачи, родители, учителя и т.д.). Это выступает подготовкой для совершения более серьезных преступлений, например массовых убийств в школе. Об этом уже ранее говорилось в наших работах [1–5].

Подстрекательство к массовому убийству также формируется через социальное давление в виртуальном мире, искусственно конструируемые мысли, чувства и действия тех, кто пытается манипулировать сознание подростков и молодых людей, не обладающих внутренним сопротивлением и готовых подчиниться чужой воле и ее выполнять. Оно выступает поводом привлечения внимания к себе, избегания одиночества или же формирования устойчиво ведомого поведения, в результате которого,

по приказу третьего лица совершается массовое убийство. Индивидуальный киберсуицид или массовое убийство, на основе кибердавления – выступают идентичными формами социальной аномии и дезинтеграции, когда молодые люди оказались втянуты в виртуальные игры, которые разрушают не только психику, но и жизнь, одного или нескольких людей.

Социальная тревожность, которая становится основой жизни подростков и молодежи, не способной противостоять семейным трудностям или внешнему давлению со стороны становится первым крючком для того, чтобы их втянули в данные сообщества, и они усилили свое состояние жертвы, полностью выключив рациональную оценку и здравый смысл, подчинившись социальному и психологическому манипулированию. Это, как правило, накладывается на внутреннее чувство одиночества и потерю смысла жизни. Вовлечение их в «сообщества смерти» становится инструментом избегания одиночества и формирования иллюзии нужности, идентичности и единства его членов (через формирование отличия от других сообществ и групп).

Стоит сказать, что 66% опрошенных указывали на отсутствие рабочих схем профилактики кибертравли и киберсуицида. Также 26% говорили о малой представленности социальной рекламы, нацеленной на информированность населения о том, куда можно обратиться при наличии кибертравли и доведения до киберсуицида. И только 8% смогли назвать известные им методы работы через открытую линию для психологической помощи для жертв насилия (но это не специализированная линия, а присутствующая как самостоятельная сфера в работе по профилактики насилия в отношении женщин и детей). Это фиксация еще одного угла проблемы, социальной угрозы, которая пока никак не решается и может стать миной замедленного действия для многих социальных групп и сообществ.

В России данное направление работы пока никак не заявлено и не обо-

значено как самостоятельное, имеющее свою специфику и самостоятельность негативное социальное явление – требующее самостоятельной проработки и анализа причин, особенностей, форм и механизмов воздействия на неокрепшую психику ребенка, подростка или молодого человека. Необходимо работать в направлении социального мониторинга и усиления социальной профилактики общественного контроля за публикациями в социальных сетях и сети Интернет, в которых осуществляется подстрекательство к самоубийству или киберсуицид. Это социальный каркас ментальной безопасности, которую необходимо усиливать и развивать, так как воздействие цифрового пространства будет усиливаться со временем, то и жертв киберподстрекательства кибербуллинга, киберсуицида может стать в разы больше.

Таким образом, можно подвести следующие итоги:

1. В последнее время наблюдается активное развёртывание пропаганды суицидального поведения, в том числе в социальных интернет-сетях, что потенциально способствует развитию в подростковой среде «культуры смерти» и моды на самоубийство.

2. Для пропаганды и популяризации суицидальных идей используются все актуальные каналы распространения, особенно в социальных интернет-сетях (сообщества, группы в подписках и др.).

3. В качестве механизма пропаганды и популяризации суицидальных идей используются новые, в том числе, игровые формы вовлечения.

4. На сегодняшний день нет завершённой и логически выстроенной программы помощи тем, кто совершил попытку суицида и профилактику суицидов в среде наиболее уязвимых социальных групп.

5. Для более детального анализа ситуации с киберсуицидом и кибербуллингом необходимо проводить регулярный социально-медицинский мониторинг детей, подростков и молодежи, а также отслеживать информацию, помещаемую на страницах сети Интернет (возможно, введение легализации права на оказании услуг).

Литература

1. Ардашев Р.Г. Криминальный суицид в школах: социальное измерение // Социология. 2022. № 5. С. 20–27.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицидального поведения молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 39–46.
3. Ардашев Р.Г. Суицидальное поведение в молодежной среде: иррациональность восприятия // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2022. № 7. С. 41–45.
4. Ардашев Р.Г. Иррациональные основы суицида // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 58–68.
5. Ардашев Р.Г. Массовые убийства в школах как акт заявления о себе // В поисках социальной истины: материалы IV Международной научно-практической конференции. Иркутск, 28 ноября 2022 г. Иркутск, ИГУ, 2022. С. 278–285.
6. Полюшкевич О.А. Нормы солидарности после массового насилия // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2019. № 10. С. 120–122.
7. Полюшкевич О.А., Иванов Р.В., Журавлева И.А., Завьялов А.В. Влияние теракта 17 октября 2018 г. в Керчи на ментальную экологию российского общества по данным массового опроса населения Иркутской области и контент-анализа интернет-ресурсов и СМИ // Экология человека. 2021. № 8. С. 42–49.
8. Щетинина Е.В. Социальные сети Интернета: популяризация «культуры смерти» в подростковой среде // Электронный научно-публицистический журнал «Номо Cyberus». 2018. № 2(5). [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://journal.homocyberus.ru/socialnye_seti_Interneta_populyarizaciya_k..., свободный. – Загл. с экрана.

CYBERSUICIDE AND CYBERBULLYING IN MODERN SOCIETY

Ardashev R.G.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article presents an analysis of the impact of the digital world on suicidal thoughts and actions of young people. Separately, such forms of destructive behavior as *kiyuersuitsid* and cyberbullying are considered. The results of a longitudinal study aimed at studying the impact of the virtual environment on suicidal thoughts and attempts among adolescents are presented.

Keywords: cybersuicide, cyberbullying, suicide, destructive behavior, anomie.

References

1. Ardashev R.G. Criminal suicide in schools: social dimension // *Sociology*. 2022. No. 5. S. 20–27.
2. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicidal behavior of youth // *Sociology*. 2022. No. 3. S. 39–46.
3. Ardashev R.G. Suicidal behavior among young people: irrationality of perception // *Alma Mater (Vestnik vyshei shkoly)*. 2022. No. 7. S. 41–45.
4. Ardashev R.G. Irrational foundations of suicide // *Humanitarian vector*. 2022. V. 17. No. 2. S. 58–68.
5. Ardashev R.G. Mass killings in schools as an act of self-declaration // In *Search of Social Truth: Proceedings of the IV International Scientific and Practical Conference*. Irkutsk, November 28, 2022. Irkutsk, IGU, 2022, pp. 278–285.
6. Polyushkevich O.A. Norms of solidarity after mass violence // *The problem of the correlation between the natural and the social in society and man*. 2019. No. 10. P. 120–122.
7. Polyushkevich O.A., Ivanov R.V., Zhuravleva I.A., Zavyalov A.V. The impact of the terrorist attack on October 17, 2018 in Kerch on the mental ecology of Russian society according to a mass survey of the population of the Irkutsk region and content analysis of Internet resources and the media // *Human Ecology*. 2021. No. 8. S. 42–49.
8. Shchetinina E.V. Social networks of the Internet: popularization of the “culture of death” among teenagers // *Electronic scientific journal “Homo Cyberus”*. 2018. No. 2(5). [Electronic resource] – Access mode: http://journal.homocyberus.ru/socialnye_seti_Interneta_populyarizaciya_k..., free. – Zagl. from the screen.

Развитие креативных индустрий в условиях цифровизации

Грицких Надежда Викторовна,

кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой культурологии и управления, Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: anris@list.ru

Кононова Олеся Николаевна,

кандидат экономических наук, доцент кафедры культурологии и управления социальными процессами, Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: lesya2008@mail.ru

Рыбак Наталья Станиславовна,

магистрант 1-го курса направления подготовки «Социальная работа», Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: nir2k@gmail.com

В статье анализируются процессы развития креативных индустрий, выявляются роли и механизмы воздействия цифровых технологий. Авторы приходят к выводу, что виртуализация общества расширяет возможности культурных индустрий, создает потенциально активное поле для развития креативной экономики и новых принципов социального взаимодействия различных институтов общества. Проведенный экспертный опрос показывает ключевые проблемы и особенности развития культурных инициатив в отдельных регионах и России в целом.

Ключевые слова: креативные индустрии, цифровизация, виртуализация, социальная динамика, общественное воспроизводство, креативная экономика

В настоящее время в экономике активно развивается сектор креативных индустрий. Организацией Объединенных Наций 2021 год объявлен годом креативных индустрий. Мировое сообщество видит в творческих индустриях инструмент устойчивого развития. Не меньшее значение развитию креативной экономики уделяет и Россия: накануне выхода материалов исследования, которое вы держите в руках, Правительство Российской Федерации утвердило Концепцию развития творческих (креативных) индустрий. Это весьма прагматичный документ, который содержит однозначные формулировки о том, какие компании можно отнести к креативному предпринимательству, как общество и государство видят креативные индустрии. Утвержденный Председателем Правительства документ достаточно однозначно и точно указывает на барьеры в развитии креативной экономики страны, но самое главное – определяет направления изменений и задачи, которые должны решить органы государственной власти для создания адекватной институциональной среды. Есть и «бонус», который мы все должны получить: новые рабочие места, рост валового национального продукта, но, главное, возможности реализовать свой талант здесь, в стране, при этом сделать продукт творческого труда доступным на мировом рынке. Новые государственные стратегии и концепции появляются достаточно регулярно. Целый ряд исследований, в том числе и это, ярко демонстрируют, что процесс развития креативных индустрий объективен и не зависит от нашего желания и, тем более, моды. Общество, социальная система, а с учетом активного использования цифровых технологий – социально-техническая система подчиняется своим законам и имеет свою логику развития. Иногда в ней происходят глубинные и не всегда управляемые

процессы, которые важно своевременно распознать [10].

Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ определил креативные специализации городов. На фоне существенной неоднородности креативных индустрий, ожидаемо, предельной их концентрации в мегаполисах столичного значения, многие российские города, в которых проживают до 500 тыс. человек, по уровню креативной активности не уступают более крупным.

В сентябре 2021 года, объявленного ООН Международным годом креативной экономики в целях устойчивого развития, в России была утверждена Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Несмотря на название документа, описанные в нем механизмы поддержки предлагается в равной степени относить и к мегаполисам, и к другим городам, и даже к негородским территориям. Исследование подтвердило, что креативные индустрии – преимущественно городской феномен, в котором особую роль играют Москва и Санкт-Петербург. Мегаполисы столичного значения заметно опережают другие города-миллионеры и по концентрации креативных индустрий, и по уровню занятости в них. В Москве работает каждый третий занятый в креативных индустриях, в Санкт-Петербурге – почти каждый десятый (8,9%). Наиболее велика доля Москвы (в диапазоне от 40 до 60% от всех занятых в креативных индустриях страны) в таких индустриях, как: звукозапись, телевидение и радиовещание, образование в креативных индустриях, кино и анимация, ИТ и видеоигры, реклама и PR. Всего в больших (с численностью населения до 500 тыс. человек), крупных (до 1 млн и крупнейших (свыше млн человек) городах трудятся 81% работников креативных индустрий [5].

Теоретические основы

Основными научными подходами в изучении развития креативных индустрий

в условиях цифровизации являются: социально-экономический, информационно-технологический, социокультурный, деятельностный, сетевой и интегральный подходы.

Социально-экономический подход рассматривает креативные индустрии как сектор интеллектуального производства. Работы Дж. Хокинса, Р. Флориды, и др. расширили понятие «индустрия культуры» и вводят понятия «креативных индустрий», «креативной экономики», «креативного города», разрабатывают тему креативности как системообразующего фактора общественного развития. Также Дж. Хокинс отмечает, что термин «креативные индустрии» подходит к любой отрасли экономики, в которой преобладают умственные способности и результатом является интеллектуальная собственность.

Информационно-технологический подход представлен официальными документами. Так, в 2021 г. Правительство РФ представило «Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [8]. Согласно данной концепции, в России обозначен курс на развитие национальной креативной экономики. Еще в 2008 году в докладе ЮНКТАД «Креативная экономика» было отмечено, что ...Интерфейс между творчеством, культурой, экономикой и технологией, выраженный в способности создавать и распространять интеллектуальный капитал, с потенциалом для получения доходов, рабочих мест и экспортных поступлений, в то же время способствуя социальной интеграции, культурному разнообразию и развитию человека.

Социокультурный подход раскрывают Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер в своей знаменитой работе «Диалектика просвещения» в 1947 г. Они подняли тему глобального изменения роли культуры и создали новый термин – «индустрия культуры». Этот предшественник концепта «креативные индустрии» возник как результат критического осмыс-

ления таких явлений, как «коммерциализация культуры» и «индустриализация культурного производства». Хоркхаймер и Адорно использовали новое понятие в контексте критики растущей массивизации культуры и появления неклассического искусства.

Деятельностный подход основан на трудовом потенциале, что обосновывает Н. Гарнхэм. По его мнению, креативные индустрии становятся ключевым сектором экономики, как на национальном, так и на глобальном уровне, что создает рост занятости и повышает экспортные доходы. С. Галлоуэй и С. Данлоп утверждают, что включение культурных индустрий в креативные связано с экономикой знаний. Исследователи обосновывают, что экономика знаний имеет конкурентное преимущество, так как наукоемкость становится важным аспектом на широком спектре потребительских рынков. Такие индустрии рассматриваются как актив экономики знаний.

Сетевой подход, разрабатываемый М. Кастельсом и Б. Латуром, обосновывает прямую взаимосвязь в развитии государственно-гражданской активности и креативных индустрий в условиях цифровизации.

Интегральный подход представляет М. Кин. В своем исследовании он указывает, что в странах с развитой экономикой услуг, где высокое потребление и распространение культурных продуктов в цифровой среде, отличительный признак культурных и креативных индустрий характеризуется только семантическим значением.

В рамках указанных подходов были сформулированы основные принципы изучения факторов и тенденций развития креативных индустрий в условиях цифровизации, а именно: принцип развития, принцип системности, принцип взаимозависимости, принцип альтернативности. Исходя из представленных принципов, были выделены *факторы*, способствующие указанному процессу:

- За счет повышения роли интеллектуального капитала человека, усиливается значимость интеллектуального

производства в цифровом пространстве. Данный фактор обусловлен повышением значимости государственных и гражданских инициатив, которые находятся во *взаимозависимости* с креативными индустриями.

- Формируется экономическое поведение населения, что происходит за счет *развития* креативной экономики и включения результатов проектной деятельности в механизмы принятия управленческих решений.
- Цифровизация экономического сектора и культурного производства включены в *систему* устойчивого развития креативных индустрий, а также выдвигаются и продвижения государственных и гражданских инициатив.

XXI век характеризуется широким распространением информационных технологий. В данных условиях прослеживаются тенденции к широкой реализации партнерских отношений власти, бизнеса и общества. Общественное участие в реализации коммерческих проектов и деятельности органов власти обуславливается возрастанием значимости общественного мнения в принятии управленческих решений и выработке социальных стратегий. Развитие креативных индустрий на сегодняшний день происходит по многим направлениям, куда входят IT-технологии, промышленное производство, градостроительство и архитектура, дизайнерская сфера, научное творчество, изобразительная культура и искусство, декоративно-прикладное искусство, сфера гостеприимства и сервиса, культура и искусство в сфере музыкального творчества, сфера принятия управленческих решений, гражданская социальная активность, гостеприимство и туризм, дополнительное образование. Необходимо отметить, что все направления активно реализуются в рамках Национальных проектов России, что является немаловажным фактором в их развитии. Креативные индустрии наиболее успешно развиваются в цифровом пространстве, поскольку информационные технологии расширяют возможности создания и продвижения новых продуктов [14].

Современная креативная деятельность отличается формированием особого экономического поведения в цифровом пространстве, вследствие этого происходит цифровизация самого экономического сектора, что влияет на развитие креативных индустрий. Нельзя не отметить культурную составляющую креативных индустрий, которая также является важной частью в процессе креативного производства под влиянием цифровизации. Вопросы креативных индустрий развиваются на разных социальных площадках [1,4,8], развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики рассматривали С.А. Агамагомедова и Н.А. Надькина [2], вопросы реализации политики развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики изучали В.Г. Антонова, Ю.А. Елисеева [3], Взаимосвязь инновационных проектов и креативных индустрий в исследовании Э.А. Пахомовой [5], креативность и публичность городского пространства в работах О.А. Полюшкевич [6,7], социальное творчество и цифровизация как креативное пространство развития рассматривала Н.С. Рыбак [9,10], креативные индустрии в культурных индустриях изучали М.С. Соловьев и В.В. Латкин [11], факторы развития креативной экономики региона рассматривала Т.Ю. Фальковская [12, 13] и другие. Данные авторы стали теоретико-методологической основой нашей исследовательской работы.

Особенности проведения и анализ данных экспертного опроса

Экспертный опрос был нацелен на уточнение гипотез, разработку прогноза и пополнение интерпретации определенных социальных явлений и процессов в сфере креативных индустрий в Иркутском регионе. Интервьюирование было осуществлено при помощи специально разработанного бланка вопросов. Связь с экспертами осуществлялась посредством использования электронной почты. Каждый эксперт заполнял бланк интервью самостоятельно. В экспертном интервьюировании в формате онлайн-

опроса использована региональная репрезентативная выборка, отражающая распределение пропорций между экспертами – представителями от органов власти разного уровня, специализированных организаций, образовательных организаций, общественных структур, в том числе, осуществляющих функции общественной экспертизы, общественного контроля и общественного мониторинга (общественных палат, общественных советов) и проч. По должностному статусу эксперты отобраны по трем категориям: руководители организаций или их заместители; руководители структурных подразделений организации (служб, департаментов, отделов) или их заместители; специалисты разного уровня в организации (в том числе, главные и ведущие специалисты, эксперты, аналитики, консультанты и др.). Объем генеральной совокупности экспертов составил 41 человек. Объем выборочной совокупности экспертов – 20 человек. Принципы отбора экспертов отражены в информационной базе участников экспертного интервьюирования.

Нами была выявлена возможность способствовать развитию креативных индустрий в России и ее регионах. Экспертам было представлено решение о создании экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий, которое было ими поддержано (95%). Эксперты считают, что данная площадка будет выполнять следующие функции: интегрировать государственные и гражданские инициативы на своей платформе (29,5%), выполнять информационно-просветительские функции в сфере креативных индустрий (23,5%), объединять представителей экспертного сообщества в выработку единой позиции по развитию креативных индустрий регионе (11,7%), а также координировать деятельность субъектов как гражданских инициатив, так и креативных индустрий; позволять устанавливать и регулировать сетевые взаимодействия на данной платформе с учетом местных ресурсов; выступать в качестве центра консолидации для представителей креативных индустрий; выполнять услуги консалтин-

гового центра в сфере креативных индустрий. В рамках указанного функционала на платформе предлагается проведение следующих мероприятий: мониторинговые опросы: массовые и экспертные, форумные мероприятия по продвижению государственных и гражданских инициатив, открытые общественные обсуждения и слушания с приглашением органов государственной власти, просветительские программы по сферам креативных индустрий, общественные экспертизы государственных и гражданских инициатив с целью их дальнейшего продвижения – более половины экспертов (55%) считают, что все они актуальны для экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий в Иркутской области. Как показало экспертное интервьюирование, согласие на участие в опросе дали преимущественно специалисты третьего и среднего звена, представляющие органы государственной власти, высшие учебные учреждения бизнес-организации и НКО, имеющие разный стаж работы и сферу специализации. При этом, большинство экспертов (90,0%) дали согласие на использование персональных данных с фамилией (50,0%), либо без фамилии (40,0%) в материалах исследования, что характеризует их как открытую группу экспертного сообщества региона.

Согласно данным, представленным в табл. 1, большинство экспертов считает, что цифровизация способствует развитию креативных индустрий: «да, способствует» – 75%; «скорее способствует, чем не способствует» – 25%.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, способствует ли цифровизация развитию креативных индустрий?», в %

№ п/п.	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1.	Да, способствует	15	75,0%
2.	Скорее способствует, чем не способствует	5	25,0%
3.	Скорее не способствует, чем способствует	0	0,0%

Окончание

№ п/п.	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
4.	Нет, не способствует	0	0,0%
5.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%
Всего		20	100,0%

Данные табл. 2 отражают тот факт, что 65% экспертов разделяют авторское определение понятия «креативные индустрии».

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «В Вашем понимании, креативная индустрия – это...», в %

№ п/п.	Варианты ответов	Кол-во чел.	Доля, в %
1.	Отрасль экономики, деятельность которой основывается на реализации творческого потенциала человека с применением информационно-цифровых технологий и ориентирована на создание культурного продукта	13	65,0%
2.	Новый технологический уклад, позволяющий коммерциализировать творческие продукты в условиях цифровизации	4	20,0%
3.	Этап в общественном развитии, характеризующийся ростом интеллектуального капитала и творческого потенциала общества с опорой на информационно-цифровые технологии	3	15,0%
4.	Другое	0	0,0%
5.	Затрудняюсь ответить	0	0,0%
6.	Новый сектор экономики, отвечающий за сохранение и реализацию творческого потенциала населения	0	0,0%
Всего		20	100,0%

В рамках проведенного экспертного интервью были выработаны рекомендации для органов региональной и муницип...

ципальной власти. Задачи для органов власти региона и города совместно:

Первое – статистическое исследование, выявление предприятий, организаций, проектов в сфере креативной деятельности. Такое исследование невозможно без задействования потенциала и авторитета региональных органов власти, ведь речь идет о формировании масштабного реестра организаций или индивидуальных предпринимателей, включая юридические адреса, все контакты, среднесписочную численность и заработную плату, сведения о произведенных собственных товарах и услугах, объемы выручки от реализации продукции, работ, услуг и др.

Второе – экспертный опрос по оценке потенциала креативных индустрий в городе Иркутске и, по мере накопления опыта и развития инфраструктуры исследования, в Иркутской области. В составе экспертов продюсеры, директора «креативных» бизнесов»; представители власти (администрации края, города), занимающиеся вопросами культуры и социального развития; потребители из 4-х возрастных групп.

Третье – проведение серии глубинных экспертных интервью с ведущими специалистами сферы креативных индустрий города

Четвертое – разработка рекомендаций для городской и региональной власти, учитывающих и структуру сектора креативной экономики, и наиболее активных ее акторов, и наиболее востребованных направлений развития.

Пятое – картирование творческого пространства города, формирование центров компетенций и проектных офисов, вступление в международную сеть креативных городов.

В результате комплексного социологического исследования было выявлено следующее: цифровизация способствует развитию креативных индустрий (94,7%). В современных условиях прослеживается взаимосвязь в развитии гражданского общества и креативных индустрий (80,3%) по направлениям продвижения государственных и гражданских инициатив (21%), реализации

и самореализации субъекта в креативных индустриях (17,9%), а также в участии граждан в общественных проектах (13,2%). Анализ данных также показал, что развитию креативных индустрий в цифровую эпоху способствуют усиление значимости интеллектуального производства в цифровом пространстве (17,2%), формирование экономического поведения (15,4%), а также общая цифровизация культурного производства (13,6%) и экономического сектора (13,1%). Большинство опрошенных разделяют мнение что «формирование социально-профессиональной структуры IT-специалистов в России будет способствовать развитию креативных индустрий» (91,7%).

Было определено, что государственные и гражданские инициативы играют определенную (47,7%) роль в становлении и развитии креативных индустрий в России. Здесь следует отметить, что уровень активного продвижения государственных инициатив выше, чем уровень активного продвижения гражданских инициатив. В то же время уровень активного продвижения государственных и гражданских инициатив в Иркутской области оценивается как средний (60,3%) с тенденциями на улучшение. При этом продвижение государственных и гражданских инициатив «актуализирует новые направления развития сфер, связанных с реализацией социального и человеческого капитала». Самой известной государственной инициативой является «Пушкинская карта», которая направлена на повышение культурного уровня молодежи, также популяризируется инициатива «Придуманно в России», являющаяся системой поддержки креативного сектора. Выявлено, что основным лидером государственных инициатив являются органы законодательной власти (47,3%), а гражданских – общественные советы при исполнительных органах власти (44,3%).

Мы делаем вывод о том, что цифровизация находится на стадии внедрения во многих отраслях деятельности общества, но не произошла полностью. Как отмечают респонденты, цифровизация

позволяет расширить коммуникативные каналы и упростить многие процессы, но не во всех сферах. В отношении креативных индустрий, цифровизация выступает основополагающим элементом и движущей силой. Вопросы выдвижения государственных и гражданских инициатив, которые также отражены в анкете, вызвали интерес респондентов, поскольку на сегодняшний день в России растет гражданская социальная активность. Несмотря на средние оценки активности продвижения гражданских инициатив, прослеживается тенденция к ее увеличению.

Основной упор в этом направлении делается на общественные советы при органах власти, студенческую молодежь и инициативные группы по отдельным вопросам. Государственные инициативы наиболее популярны среди населения за счет более активного продвижения в следствии широких возможностей. Проект по повышению культурного уровня молодежи считается наиболее известным и успешным. Понимание населением понятия «креативные индустрии», совпадает с нашим, поскольку большинство респондентов выбрали авторское определение в соответствующем вопросе. Тем не менее, общее отношение к креативным индустриям неоднозначное за счет разнообразия задействованных в них сфер. Так, при выборе основных креативных индустрий, многие делали упор на дизайн, архитектуру, музыку и кино, не задумываясь о туризме, образовании и науке.

Отметим, что гражданские и государственные инициативы также относятся к креативным индустриям и активно в них развиваются благодаря цифровизации. Креативность в гражданской социальной активности представляется в проектной деятельности по социально значимым вопросам и поощряется государственной поддержкой. Общий низкий уровень осведомленности о креативных индустриях подтверждает актуальность создания Экспертно-цифровой платформы в сфере креативных индустрий в Иркутской области, о чем свидетельствуют результаты соответствующего вопроса.

По мнению населения, задачи, которые будет выполнять представленная платформа, являются важными и обоснованными. На площадке платформы будут работать специалисты-социологи, эксперты различных креативных индустрий, IT-специалисты и ученые. Проект, разработанный нами, направлен на консолидацию представителей креативных индустрий Иркутской области на единой базе с целью обмена опытом, решения общих проблем, разработки стратегий и продвижения проектов.

Литература

1. Creative Economy Report 2008 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/docs/ditc-20082cer_en.pdf
2. Агамагомедова, С.А. Развитие института интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики / С.А. Агамагомедова, Н.А. Надькина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Экономические науки. – 2019. – № 1. – С. 4–16.
3. Антонова В. Г., Елисеева Ю.А. Реализация политики развития креативных индустрий в условиях цифровизации экономики [Электронный ресурс] // Петербургский экономический журнал. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-razvitiya>
4. Креативные индустрии Иркутской области [Электронный ресурс] // Агентство стратегических инициатив, в Иркутской области – URL: <https://100gorodov.ru/attachments/1/38/5d2669-322c-4f9b-893c-90b45e00b440/Irkutsk.pdf>
5. Пахомова Э.А. Взаимосвязь инновационных проектов и креативных индустрий / Э.А. Пахомова // Бухгалтерский учет и налогообложение в бюджетных организациях. – 2021. – № 11. – С. 53–58.
6. Полюшкевич О.А. Креативность публичного пространства провинциальных городов / О.А. Полюшкевич // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей регио-

- нальной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. – С. 30–35.
7. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства / О.А. Полюшкевич // Социология. 2021. – № 4. – С. 129–135.
 8. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2021 года № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» [Электронный ресурс] // Консорциум «Кодекс». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222>
 9. Рыбак Н. С Социальное творчество как фактор территориальной интеграции в России в современных условиях (на примере Иркутского региона) // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 245–247.
 10. Рыбак Н.С. Цифровизация городского пространства как показатель развития современного города и его // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; [науч. ред.: Т.И. Грабельных]. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2021. – С. 422–424.
 11. Соловьев М.С., Латкин В.В. Креативные индустрии как сектор культуры [Электронный ресурс] // Международный журнал гуманитарных и специальных наук. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-sektor-kultury>
 12. Фальковская Т.Ю. Социально-гуманитарные факторы развития креативной экономики региона / Т.Ю. Фальковская // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона: Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. – С. 7–9.
 13. Фальковская Т.Ю. Креативный университет для креативной экономики (научно-практический Центр «Креативный город» как инструмент развития креативных компетенций студентов) / Т.Ю. Фальковская // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Третьей региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2021. – С. 43–47.
 14. Грицких Н.В., Кононова О.Н., Рыбак Н.С. Особенности развития гражданских инициатив в сфере креативных технологий // Социология. 2022. № 5. С. 28–37.

DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Gritskikh N.V., Kononova O.N., Rybak N.S.
Irkutsk State University

The article analyzes the processes of development of creative industries, identifies the roles and mechanisms of the impact of digital technologies. The authors conclude that the virtualization of society expands the possibilities of cultural industries, creates a potentially active field for the development of the creative economy and new principles of social interaction of various institutions of society. The conducted expert survey shows the key problems and features of the development of cultural initiatives in individual regions and Russia as a whole.

Keywords: creative industries, digitalization, virtualization, social dynamics, social reproduction, creative economy

References

1. Creative Economy Report 2008 / UNCTAD. – https://unctad.org/en/docs/ditc-20082cer_en.pdf
2. Agamagomedova, S.A. Development of the Institute of Intellectual Property in the Conditions of Digitalization of the Economy / S.A. Agamagomedova, N.A. Nadkina // News of higher educational institutions. Volga region. Economic sciences. – 2019. – No. 1. – P. 4–16.
3. Antonova V. G., Eliseeva Yu.A. Implementation of the policy of development of creative industries in the conditions of digitalization

- of the economy [Electronic resource] // Petersburg Economic Journal. – URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-ravzitiya](https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-politiki-razvitiya)
4. Creative industries of the Irkutsk region [Electronic resource] // Agency for Strategic Initiatives, in the Irkutsk region – URL: <https://100gorodov.ru/attachments/1/38/5d2669-322c-4f9b-893c-90b45e00b440/Ir- kutsk.pdf>
 5. Pakhomova E.A. The relationship between innovative projects and creative industries / E.A. Pakhomova // Accounting and taxation in budgetary organizations. – 2021. – No. 11. – P. 53–58.
 6. Polyushkevich O.A. Creativity of the public space of provincial cities / O.A. Polyushkevich // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third regional scientific-practical conference. Irkutsk, 2021. – S. 30–35.
 7. Polyushkevich O.A. Prosocial practices in a provincial town: creativity and profanity of public space / O.A. Polyushkevich // Sociology. 2021. – No. 4. – S. 129–135.
 8. Decree of the Government of the Russian Federation of September 20, 2021 No. 2613-r “On the Concept for the Development of Creative Industries and the Mechanisms for Implementing Their State Support in Large and Largest Urban Agglomerations until 2030” [Electronic resource] // Kodeks Consortium. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/608746222>
 9. Rybak N.S. Social creativity as a factor of territorial integration in Russia in modern conditions (on the example of the Irkutsk region) // Global and regional influences in the system of modern societies: coll. scientific tr. / FGBOU VO “ISU”; [scient. Ed.: T.I. Grabelnykh]. – Irkutsk: IGU Publishing House, 2021. – P. 245–247.
 10. Rybak N.S. Digitalization of urban space as an indicator of the development of a modern city and its // Civilizational shifts in the development of a modern city: collection of articles. scientific tr. / FGBOU VO “ISU”; [scient. Ed.: T.I. Grabelnykh]. – Irkutsk: ISU Publishing House, 2021. – P. 422–424.
 11. Soloviev M.S., Latkin V.V. Creative industries as a sector of culture [Electronic resource] // International Journal of the Humanities and Special Sciences. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreativnye-industrii-kak-sektor-kultury>
 12. Falkovskaya T. Yu. Socio-humanitarian factors in the development of the region’s creative economy / T. Yu. Falkovskaya // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region: Proceedings of the Third Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2021. – S. 7–9.
 13. Falkovskaya T. Yu. Creative University for a Creative Economy (Scientific and Practical Center “Creative City” as a Tool for the Development of Students’ Creative Competences) / T. Yu. Falkovskaya // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Third regional scientific-practical conference. Irkutsk, ISU, 2021. – S. 43–47.
 14. Gritskikh N.V., Kononova O.N., Rybak N.S. Features of the development of civil initiatives in the field of creative technologies // Sociology. 2022. No. 5. pp. 28–37.

Жизненное пространство работающей молодежи

Гуринович Людмила Анатольевна,

старший преподаватель кафедры социальной работы Института социальных наук Иркутского государственного университета
E-mail: milgur@mail.ru

Решетникова Екатерина Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Института социальных наук, Иркутского государственного университета
E-mail: eresh80@mail.ru

Люберцев Павел Павлович,

аспирант Института социальных наук ИГУ
E-mail: 98lpp@mail.ru

В статье раскрывается тема жизненного пространства, анализируются как теоретические рамки, так и практические технологии развития жизненного пространства. Также приводятся результаты эмпирического исследования жизненного пространства работающей молодежи, где рассматриваются основные сферы жизненного пространства, анализируются новые условия и механизмы его развития.

Ключевые слова: жизненное пространство, молодежь, работающая молодежь, жизненные цели, планы, жизненные перспективы.

Для любого общества молодежь всегда была и будет особой социальной группой. На сегодняшний день среди представителей различных областей знаний актуальным становится исследование такого феномена как социальная активность молодежи.

Рассматривать понятие жизненные силы в контексте такого социологического направления, как социологический витализм необходимо в связи с понятием жизненное пространство человека как биопсихосоциального существа и субъекта общественных отношений. Как ни странно, но под жизненными силами молодого поколения понимаются их возможности воспроизводить и совершенствовать собственную жизнь, осуществлять активные действия во всех сферах общественных отношений, в общественно-государственных и личностных интересах обновлять свои компетенции [2]. В свою очередь под жизненным пространством молодежи понимают среду обитания молодежи, которая обеспечивать ей необходимые средства и условия как воспроизводства, так и совершенствования своей жизни как биопсихологического существа. Таким образом, теория социологического витализма позволяет изучать процесс существования молодежи в определенном как временном, так и социальном пространстве.

Важно отметить, что молодое поколение, являясь субъектом воспроизводства жизненных сил, взаимодействует в контексте использования жизненного пространства и своего бытия между собой, такие отношения формируют первичные связи, в результате которых возникают определенные виды взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства. Такие взаимодействия подразумевают под собой формирования таких социальных отношений как владения, пользования и распоряжение [8]. Такой тип социальных отношений возникает в результате воздействия жизненных сил на жизненное пространство молодежи.

В свою очередь, процесс воздействия жизненного пространства на жизненные силы молодежи приводит к возникновению таких социальных отношений, как распределение, присвоение, потребление [3]. Таким образом, мы можем заметить, что в процессе данных взаимодействий формируются определенная система общественных отношений политической, экономической, социально-экономической, духовно-культурной, социологической, социально-бытовой сферах социального развития.

Теория социологического витализма позволяет нам говорить о том, что уровень жизненных сил молодежи обеспечивает масштаб использования непосредственно жизненного пространства молодых людей, но при этом жизненные силы являются зависимыми от жизненного пространства молодежи, в процессе которого осуществляется ее жизнь. Исходя из принципа теории социологического витализма, взаимосвязь и взаимодействие жизненных сил молодого поколения и его жизненного пространства дает возможность анализировать процесс развития политических, духовно-культурных, экономических, социально-бытовых, социологических сил молодежи. Данные сферы социологического развития являются составляющими социального потенциала молодежи, а также определяют место и роль молодого поколения в современном обществе [14, 15].

Продолжая анализ истории развития и изучения жизненных стратегий молодого поколения, необходимо обратить внимание на то, что в 1980-х годах произошла смена парадигм в области отечественной социологии молодежи. В ходе изменений произошел переход от изучения молодого поколения как объекта воздействия со стороны общества к изучению представителей молодежи как субъектов выбора и главных участников собственной жизнедеятельности. В условиях перехода к новому подходу определения молодежи как отдельной социальной группы, было введено понятие «стратегии жизни», что стало толчком к исследованию жизненных стратегий

личности как способа реализации жизненных притязаний, сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни посредством поэтапного формирования будущего, а также проекта, основанного на определенном типе рациональности как способе целеполагания и решения поставленных задач, определение приоритетов и средств [9].

С развитием и усовершенствованием направления социологии, посвященного исследованию молодежи, для обоснования и классификации типов жизненных стратегий молодого поколения стали использоваться такие признаки как активность, инициатива и ответственность. Говоря о планировании своей будущей жизни, важно отметить то, что сама среда ориентации направляет человека на те или иные долгосрочные цели, но при этом человек проявляет себя, как субъект ориентирования и конструирования своей собственной жизни [6].

Л.Г. Гуслякова связывает виталистскую модель социальной работы с таким феноменом, как социальное благополучие, коррелируя его сущность с жизненными силами и жизненным пространством [5]. Автор делает вывод, что оптимизация жизненного пространства важна для формирования системы социальной защиты населения, которая включает оказание таких форм социальной поддержки, которые гарантируют реализацию индивидуальной и социальной субъектности, а также обеспечение каждому человеку доступной помощи в преодолении кризисных ситуаций и решении сложных жизненных проблем, для чего используют такие формы, как психологическая, педагогическая, медицинская и другие [там же].

Формирование жизненного пространства происходит под влиянием объективных и субъективных представлений о тех аспектах сопровождения жизнедеятельности, которые составляют сферы и институты социальной включенности: профессиональные и семейные группы, городское или сельское территориальное поселение, элементы инфраструктуры и культурные традиции. Фактически

можно говорить о необходимости анализировать образ жизни представителей различных социально-демографических групп. Большинство ученых и исследователей определяют «образ жизни» как огромную категорию, включающие активность, индивидуальные формы поведения, реализацию своих возможностей в труде, а так же в культурных обычаях и повседневной жизни. Кроме того, факторами риска для здоровья называют такие элементы, как: здравоохранение, под ним понимают низкое качество медицинской помощи, неэффективность мероприятий, направленных на профилактику, несвоевременное оказание медицинской помощи; влицине внешней среды, особенно экологии: загрязнение воды, почвы, воздуха, резкая смена атмосферных процессов; генетические факторы; образ жизни (курение, употребление алкоголя, употребление наркотиков, низкий культурный и образовательный уровень, плохие условия труда, материально – бытовые условия, непрочной семей и одиночество, несбалансированное питание, стрессовые ситуации) [11–13].

Существует ряд факторов, которые влияют как на индивидуальное, так и общественное здоровье. Значение сохранения здоровья неуклонно возрастает по мере влияния технологического влияния окружающей среды на организм человека. Под ним мы понимаем здоровое сочетание работы и отдыха, физического и умственного труда, реального и виртуального общения и т.д. Крепкое здоровье представляет собой величайшее социальное благо и накладывает отпечаток на все сферы жизни людей. Оно выступает в качестве одного из необходимых и важнейших условий активной, творческой и полноценной жизни человека в социуме. Недостаточный уровень здоровья приводит к снижению производительности, трудовой и экономической активности людей, понижая показатели здоровья будущего поколения, а также существенно уменьшая общую удовлетворенность человека своей жизнью. То есть здоровье есть основной ресурс, от степени обладания которым зависит

удовлетворенность практически всех потребностей человека. Оно отражается на миграционных процессах, адаптации их к современным достижениям науки, искусства, техники, характера проведения отдыха и досуга, так же отражается на образе и стиле жизни.

На наш взгляд, проводить анализ такого феномена как социальная активность молодежи следует с определением понятия «жизненный старт». Под жизненным стартом в социологии принято понимать начальный этап становления молодежи в качестве субъекта общественного воспроизводства [7]. Говоря о жизненном старте, стоит отметить то, что потенциал молодежи рассматривается не только как результат унаследования стартовых позиций от родителей, но и как собственные физические и духовные силы молодежи, которые свидетельствуют о том, что данная социальная группа готова к самопроизводству и развитию.

Стоит отметить, что для любого человека свойственно планировать на ближайшее будущее свою жизнь, это связано с тем, что в течение своей жизни человек выстраивать собственные жизненные стратегии. Планирование в данном контексте подразумевает под собой цели или желаемыми результаты жизнедеятельности и средства их достижения. Говоря о социальной активности молодежи, стоит отметить, что процесс планирования у молодого поколения имеет свои особенности. Выделение данных особенностей связано с тем, что молодежь как отдельная социальная группа имеет свои существенные характеристики. Для молодого поколения свойственны такие особенности как неустойчивость, переходность, лабильность, данные характеристики молодежи влияют на понимание ею смысла собственной жизни [4].

Говоря о жизненных стратегиях молодежи, необходимо отметить тот факт, что данная тема является одной из главных тем отечественной социологии. Такое явление связано с тем, что внимание к теме жизненных стратегий молодого поколения появилось еще в 1960 году. Повышенный спрос на данную тему был

и остается актуальным по следующим причинам: еще в 60-е годы социологи стремились перейти от теории к непосредственному изучению проблем, которые были актуальны для такой социальной группы как молодое поколение, также повышенный интерес был связан с тем, что в основном исследования молодежи проводились под контролем комсомольских органов и требовало точных и реальных данных о состоянии молодежи [8]. Здесь также стоит отметить то, что понятие «жизненные стратегии» в те время не использовалось, для определения данного явления было характерно такое понятие как «жизненные силы молодежи». Уже ранее нами было отмечено, что понятие «жизненные силы молодежи» в условиях современности развивается в области такого социологического направления как социологический витализм, в контексте данного социологического направления в определении понятия «жизненные силы молодежи» акцент ставится на культуросоцентричность жизненных сил молодого поколения и связывает жизненные силы молодежи с уровнем развития экономической, политической, духовной, социально-бытовой и прочими видами культуры. Поэтому, на наш взгляд, жизненные стратегии молодых поколений в современных условиях будет уместно рассматривать через теорию социологического витализма.

Для того чтобы провести качественный анализ жизненных стратегий современной молодежи, нами было проанализированы результаты социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ РАН в 2017 году в семи субъектах РФ в 28 населенных пунктах [7]. В ходе исследования участие приняли 803 человека, являющиеся представителями молодого поколения. В процессе социологического исследования среди участников была сделана возрастная выборка, которая их разделила на три группы: 15–17 лет, 18–24 лет и 25–29 лет.

Исходя из результатов исследования, рассмотрим соотношение целей жизненных стратегий молодежи с пониманием

ею смысла жизни в целом. В социологическом опросе было представлено несколько аспектов, являющихся составляющими смысла жизни – это любовь, спокойная безбедная жизнь, стремление к истине, политическая борьба, борьба за справедливость, продолжение себя в будущих поколениях, проявление своей индивидуальности (самореализации). Результаты опроса были следующие: во всех представленных возрастных группах первое место заняла такая составляющая смысла жизни, как «любовь», в возрастной группе 15–17 лет – 72%, 18–24 года – 57,1%, 25–29 лет – 56,6%. Следующим важным аспектом смысла жизни молодежи является «продолжение себя в будущих поколениях»: для молодежи в возрасте от 15 до 17 лет данный аспект наиболее важен – 48,2%, в то время как для представителей в возрасте от 18 до 24 лет данный показатель достиг отметки 35,3%, а для возрастной категории 25–29 лет – 28,2%, на наш взгляд данные показатели связаны с тем, что для молодежи в возрасте от 18 до 29 лет, такой аспект как продолжение себя в будущих поколениях не является столь значимым вследствие того, что многие представители данных возрастных категорий уже имеют своих детей. Такой аспект смысла жизни, как «спокойная безбедная жизнь» получил следующее процентное соотношение результатов: 15–17 лет – 44,1%, 18–24 – 37,3%, 25–29 лет – 42,9%. Следующий аспект исследования – «стремление к истине» – распределен следующим образом: 15–17 лет – 28%, 18–24 лет 30,1%, 25–29 лет – 28,5%. «Борьба за справедливость» для молодого поколения является также весьма значимым аспектом смысла жизни: 15–17 лет – 28%, 18–24 – 26,8%, 25–29 лет – 19,8% [29]. Еще одним, не менее важным аспектом в жизни молодежи, является «проявление своей индивидуальности (самореализация)»: 15–17 лет – 16%, 18–24 – 41,2%, 25–29 лет – 33,3%. И в наименьшей степени представители молодого поколения проявляют интерес к такому аспекту смысла жизни как «политическая борьба»: 15–17 лет – 1,1%, 18–24 – 2,6%, 25–

29 лет – 4% [29]. Таким образом, для представителей молодого поколения большое количество аспектов смысла жизни являются значимыми, при этом в различных возрастных категориях определения значимости значительно не различаются в процентном соотношении. Также говоря о ценностях, формирующих смысл жизни, необходимо отметить тот факт, что именно данные ценности выступают в роли смысловых оснований целей в жизненных стратегиях.

Для определения взаимосвязи между образованием и смыслом жизни представителей молодого поколения был задан вопрос: «В чем для Вас смысл образования?», результаты были следующие: развитие способностей – 36,4%, возможность сделать карьеру – 25,6%, получение диплома – 17,9%, потребность в познании – 11,6%, престиж – 4,4%, общая культура – 4,1% [там же]. Как мы можем заметить, получение образования молодое поколение чаще всего связывает с возможностью улучшения своих профессиональных качеств.

Для определения взаимосвязи между смыслом жизни и трудовой активностью молодежи, в ходе социологического опроса был задан вопрос: «В чем для Вас смысл труда?» Результаты были получены следующие: возможность заработать – 61,3%, осознание своей полезности – 28,2%, вынужденная необходимость – 8,2%, внутренняя потребность – 7,2%, творчество – 6,6%, прочие – 1,5%.

В ходе социологического исследования, проведенного ИСПИ РАН в 2017, был так же проведен анализ жизненных установок представителей молодого поколения, от которых зависит непосредственный выбор способов реализации целей жизненных стратегий в образовании и труде [29]. Результаты опроса были следующие: наиболее распространенной жизненной установкой у представителей возрастной группы 15–17 лет, является установка «принятие любых законов неэффективно, пока человек сам не будет готов им следовать» – 79,4%, данная установка так же актуальна среди возрастной группы 25–29 лет – 75%

и для представителей возрастной категории 18–24 года данная установка актуальна на 77,4%. Наиболее актуальной жизненной установкой для возрастной группы 18–24 года является установка «интересы таких людей, как я, в первую очередь, должны защищаться государством» – 80,5%. 15–17 лет – 71,4%, 25–29 лет – 73,6%. Оставшиеся жизненные установки распределились следующим образом. «В жизни каждый человек должен полагаться только на себя» – полагают 63,5% респондентов 15–17 лет, 62,6% 18–24-летних, 58,1% респондентов 25–29 лет. «Интересы таких людей, как я, в первую очередь, должны защищаться избранными депутатами разного уровня» – 15–17 лет – 57,1%, 18–24 года – 72,1%, 25–29 лет – 73,6%. «Защите интересов таких людей, как я, способствовало бы усиление власти президента РФ» считают 47,6% опрошенных 15–17 лет; 57,9% из группы 18–24 года, 25–29 лет – 56,1% [там же]. Как мы можем заметить, с возрастом у представителей молодого поколения повышается ожидание участия властей в защите их интересов.

Для анализа феномена социальной активности молодого поколения нами так же была изучена связь целей жизненных стратегий в сфере образования с непосредственными ожиданиями молодежи. Более двух третей опрошенных на момент проведения социологического исследования были удовлетворены качеством приобретенных знаний (67,9%), а более половины респондентов признали платное образование доступным (52,6%). Но здесь, также стоит отметить и то, что результаты опроса показали, что 47,4% респондентов платное образование недоступно, а каждый третий считает, что он не удовлетворен качеством полученных знаний (32,1%) [там же].

В ходе опроса была проанализирована тема нереализованных ожиданий. Анализ результатов опроса показал, что для 67% опрошенных нереализованные ожидания не мешают испытывать надежду, а 55,6% нереализованные ожидания не мешают испытывать уверенность. Также результаты опроса пока-

зали, что представители молодого поколения, столкнувшиеся с нереализованными ожиданиями, имеют повышенную эмоциональную тревогу – 40,1%, возмущение – 37,2%, безразличие – 35,6%, растерянность – 33,4%, страх и отчаяние – 23,1%. Как мы можем видеть, нереализованные ожидания представляют существенную опасность для молодежи, так как данное явление вызывает у них эмоциональные расстройства.

Исследователи из УрФУ [1] утверждают, что молодежь, являясь наиболее мобильной частью общества, готова поддерживать начинания внеинституциональных структур, в том числе в силу своего протестного настроения, но при этом обладает активной жизненной позицией, что выражается помимо прочего в определении собственной траектории развития и реализации жизненных планов, меняя под себя пространство города как места своего пребывания. Молодежь из небольших муниципальных центров, а тем более, сельских территорий, такой возможности не имеет, их активность направлена на другие аспекты развития жизненного пространства – семью, детей и работу.

Общие сведения о проведенном исследовании

Пилотный опрос работающей молодежи на тему «Формирование социального пространства жизнедеятельности работающей молодежи как форма поддержания жизненных сил» проводился в качестве пилотного в период с 4 по 18 мая 2022 года. В опросе приняли участие 51 представитель группы «работающая молодежь».

Цель исследования заключается в том, чтобы выявить основные направления жизнедеятельности работающей молодежи, поддерживающих её жизненные силы и их сохранение в пространстве Иркутской области.

Исследование проводилось методом онлайн-опроса с применением случайной выборки среди работающей молодежи Иркутской области в возрасте от 18 до 35 лет. Всего было опрошено 511 человек. Опрос проводится методом ан-

кетирования. Анкета включала в себя закрытые вопросы, открытые вопросы, где ответ следует привести самому респонденту, и комбинированные вопросы. Анкета была размещена в свободном доступе на сайте webanketa.

Аудитория опрошенных обладает следующими социально-демографическими характеристиками:

- разделение по полу: 64,7% женщин и 35,3% мужчин;
- возрастные характеристики: в группе 18–24 года представлено 31,37% респондентов; в группе 25–30 лет – 45,1% респондентов; в группе 31–35 лет – 23,53% респондентов;
- по месту жительства: в городе Иркутске проживают 72,55% опрошенных; в Иркутской области – 15,69%; в других регионах, в том числе в Москве – 7,84% и 3,92%;
- семейное положение опрошенных: 45,1% респондентов не женаты/не замужем; 33,33% – женаты/замужем; 17,65% состоят в незарегистрированных отношениях; по 1,96% отметили варианты ответа «разведен/разведена» и «затрудняюсь ответить»;
- присутствие детей у опрошенных: 25,49% ответили утвердительно, 74,51% ответили, что у них нет детей;
- основным местом работы опрошенные указали сферу образования (37,25%), сферу обслуживания (13,73%), сферу культуры и творчества (11,76), научную сферу и органы власти (по 7,84%), IT-сферу (5,88%), сферу бизнеса, предпринимательства и здравоохранения (по 3,92%). Единично представлены респонденты, работающие в журналистике, медицине, рекламе и PR, является военнослужащим.
- по занятости респонденты распределились следующим образом: 47,06% работают в одной организации; 27,45% одновременно работают и получают образование; 23,53% работают на нескольких видах работ или ставок; 1,96% временно не работает;
- профессионально-должностной статус опрошенных: специалистами

являются 31,37%; рабочие, исполнители, преподаватели и учителя, а также руководители составляют по 17,65% соответственно; менеджеры – 7,84%; научные сотрудники – 5,88%; медицинские работники и учебно-вспомогательный персонал – по 3,92%; единично приняли участие врач, предприниматель, заместитель руководителя, бармен, аспирант, маркетолог, воспитатель, художник и аспирант.

Общая характеристика и основные выводы исследования.

Участникам анкетирования в качестве контактного вопроса было предложено оценить количественные характеристики группы «работающая молодежь». 33,33% опрошенных считают, что группа стала меньше обычного; 29,41% полагают, что группа стала больше обычного; 25,49% отметили вариант ответа «как обычно, вся молодежь работает». 11,76% затруднились ответить на вопрос.

В другом контактном вопросе респондентам было предложено указать проблемы, которые волнуют молодежь (таблица 1). Респонденты могли выбрать не более пяти ответов.

Таблица 1. Проблемы, волнующие молодежь

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	материальные проблемы	82,35
2.	проблемы с жильем	66,67
3.	отсутствие свободного времени	25,49
4.	политические проблемы	25,49
5.	межличностное взаимодействие	21,57
6.	взаимоотношения с родителями	13,73
7.	нереализованность прав и свобод	13,73
8.	отношения с коллегами	11,76
9.	ограничения в доступе к получению высшего образования	9,8
10.	медицинское обслуживание	7,84
11.	сложности в воспитании детей	7,84
12.	ухудшение состояния здоровья (своего и членов семьи)	7,84

Вариант ответа «другое» включил два ответа: «карьерный рост» и «волнуются только за себя и хотят всё и сразу». «Никакие проблемы не волнуют» – 2%.

Как показывают результаты, наиболее важными для работающей молодежи названы материальные и жилищные. Вторую группу составляют проблемы нехватки свободного времени и политические проблемы. Также волнуют все виды взаимодействия (с родителями, с окружением, с коллегами, детьми). Важной проблемой считают реализацию своих прав и свобод, что пока не всегда достижимо, по мнению опрошенных. Доступ к основным благам (образование, медицина) и как следствие этого – ухудшение состояния здоровья (своего и близких).

При решении задачи оценки профессионального пространства респондентам было задано несколько вопросов. Так, участникам опроса был задан вопрос: «Оцените, пожалуйста, когда современная молодежь начинает работать на постоянной основе?». 45,1% опрошенных выбрали вариант ответа «после совершеннолетия, начиная с 18 лет»; 37,25% сказали «после получения диплома о профессиональном образовании»; 13,73% отметили вариант ответа «после наступления 14 лет»; один респондент ответил «еще в детстве, начиная с временных заработков», один затруднился ответить.

Задачу встроенности процесса занятости в жизненное пространство работающей молодежи мы решали следующими вопросами. Мы задали вопрос о сложностях, которые встречаются представителям работающей молодежи в первый год после трудоустройства, в котором опрошенный могли выбрать несколько вариантов ответа (таблица 2).

Таблица 2. Что мотивирует работающую молодежь оставаться на своем месте работы

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	низкая оплата труда	86,27
2.	отсутствие наставников	29,41

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
3.	завышенные требования работодателей	25,49
4.	нет перспектив карьерного роста	25,49
5.	работа не вызывает интереса	25,49
6.	приходится получать дополнительное образование за свой счет	19,61
7.	нет возможности для саморазвития	15,69
8.	мало времени на отдых	15,69
9.	нет законных выплат за работу сверх нормы	11,76
10.	много общественной, неоплачиваемой работы	9,8
11.	ненормированный рабочий день	9,8
12.	необходимость выполнять не свои обязанности	9,8
13.	трудности во взаимопонимания с руководством	7,84
14.	трудности во взаимопонимания с коллегами	3,92
15.	сложный психологический климат в коллективе	3,92

Как видно из полученных результатов, большинство респондентов трудностью назвали низкую оплату труда. Остальные сложности касаются социального взаимодействия и адаптации в коллективе, а также в профессиональной роли. Фактически для привлечения молодежи для работы необходимо внедрение программ наставничества и адаптации, а также проведение командообразующих мероприятий. Одним из маркеров социального поведения молодых работников является смена места работы. Участники опроса отвечали на вопрос: «Как часто Вам приходилось менять место работы?» (таблица 3).

Таблица 3. Частота смены места работы

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	не очень часто	29,41
2.	не более чем пару раз	23,53
3.	не менял (-а) работу	21,57

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
4.	один раз	15,69
5.	довольно часто	5,88
6.	очень часто	3,92

Большая часть опрошенных не является аудитории текучки кадров, поскольку меняли работу редко либо не меняли место работы. Следующий вопрос нами был задан для выявления мотивов работы на том месте, где сейчас трудятся (таблица 4).

Таблица 4. Мотивы молодежи оставаться на рабочем месте

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	у нас хороший и дружный коллектив, практически рабочая семья	47,06
2.	достойная и справедливая оплата труда	39,22
3.	есть возможности для самореализации	39,22
4.	ожидаю сложностей в поиске работы в настоящее время	37,25
5.	здесь спокойно воспринимают мой образ и стиль жизни	33,33
6.	обладаю уникальными знаниями, это ценят руководители	25,49
7.	есть дополнительные формы денежных поощрений (бонусы, премии, процент от продаж, материальная помощь, оплата проезда и др.)	21,57
8.	знаю о возможности карьерного роста в ближайшее время	17,65
9.	возможность бывать в командировках, в том числе за рубежом	9,8
10.	награждают за хорошие результаты	7,84
11.	мне предоставлено служебное жильё	7,84
12.	выдают рабочую униформу	3,92
13.	предоставляется служебный транспорт при доставке на работу и обратно	3,92
14.	кормят за счет предприятия	1,96
15.	другое	3,92

Анализ результатов показывает, что для молодых работников важны комфортные условия труда и взаимоотношений, справедливость вознаграждения за работу и равнозначное отношение к личности молодого человека, ожидание получения новых возможностей и уникальность профессиональных навыков, важных для работодателя. В варианте другое были представлены ответы: «являюсь индивидуальным предпринимателем и не представляю себя без любимой работы»; «удалённая работа (могу работать в любой точке земли)».

Можно сделать вывод, что для снижения текучести кадров важно адекватно оценивать компетентность работника, его деятельность в виде материальных и моральных форм поддержки, не мешать созданию неформальных отношений в коллективе, не претендовать на свободное время, стиль работника.

Одним из важных элементов соблюдения прав является количество рабочего времени. Респонденты отвечали на вопрос о продолжительности рабочего дня (таблица 5).

Таблица 5. Продолжительность рабочего дня

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	8 часов	39,22
2.	от 8 до 10 часов	23,53
3.	11 часов и более	15,69
4.	не считал (-а), работаю «на удаленке», самостоятельно определяю время на выполнение работы	13,73
5.	до 8 часов, у меня неполная ставка	7,84
6.	нет точного учёта, работаю, пока не отпустят домой	5,88

Как показывают результаты, меньше половины опрошенных работают с выполнением условий трудового законодательства, то есть 8 часов. У практически половины респондентов либо неполная ставка, либо превышение установленного законом норматива рабочего времени. Работа «на удаленке» нами вклю-

чена в эту группу, поскольку она также влияет на ускоренное расходование жизненных сил работающей молодежи.

Для выявления возможности для восстановления жизненных сил мы выявили количество предоставляемых дней для отдыха (таблица 6).

Таблица 6. Количество выходных дней, предоставляемых молодежи по месту работы

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	два дня в неделю	68,63
2.	зависит от количества выполняемых проектов	19,61
3.	один день в неделю	5,88
4.	выходные не предоставляются	3,92
5.	затрудняюсь ответить	1,96

Результаты опроса показывают, что большинство опрошенных получают стабильное количество выходных дней.

Следующей задачей исследования было определение способов восстановления жизненных сил и времени, затрачиваемого на этот процесс. Так, респондентам был задан вопрос: «Сколько времени Вы тратите на отдых и восстановление своих жизненных сил?» (таблица 7).

Таблица 7. Затрачиваемое количество времени на отдых и восстановление жизненных сил

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	один день в неделю	35,29
2.	два дня в неделю	33,33
3.	достаточно несколько часов в неделю	13,73
4.	только во время отпуска	9,8
5.	отпуск и праздничные дни	7,84
6.	не более нескольких часов в месяц	3,92
7.	другое	3,92

Как видно из полученных результатов, большинство опрошенных имеют

возможность достаточно быстро восстанавливать затрачиваемые в течение рабочего времени жизненные силы. Тем не менее, практически каждый шестой восстанавливается только за длительный период для отдыха. Это группа риска, которая будет подвержена быстрее других профессиональному выгоранию, если не будет получать других возможностей для пополнения запасов восстановления жизненных ресурсов.

Участники ответили на вопрос: «Чем вы занимаетесь в свободное время чаще всего?» (таблица 8).

Таблица 8. Наиболее часто проводимые занятия в свободное время

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	смотрю кино	45,1
2.	провожаю время со своей семьей	39,22
3.	занимаюсь спортом	37,25
4.	слушаю музыку	35,29
5.	общаюсь в мессенджерах и социальных сетях	29,41
6.	читаю	25,49
7.	читаю и смотрю новости онлайн	19,61
8.	работаю на даче, в огороде	13,73
9.	выполняю домашнюю работу	11,76
10.	участвую в общественных и волонтерских проектах	11,76
11.	играю в компьютерные игры	7,84
12.	посещаю магазины и торговые центры	5,88
13.	хожу в гости	5,88
14.	играю с детьми	3,92
15.	другое	7,84

Как видим, видами отдыха, используемыми опрошенными наиболее часто, являются индивидуальные либо семейные, а также занятия по дому (в том числе придомовое хозяйство), либо виртуальное общение. Иногда время отдыха применяют на работу: по одному респонденту дали варианты ответа «подраба-

тываю в другой сфере», «работаю». Еще два ответа из разряда «другое» включали «хобби» и «сизу в соцсетях».

Дополнительно опрошенные указывали, где проводят полноценный, по их мнению, отдых. По 54,9% опрошенных отметили варианты ответа «с семьей, в любом месте» и «на природе»; 41,18% – «дома, в одиночестве»; 35,29% проводят время с друзьями; 31,37% бывают на культурных мероприятиях; 17,65% – с родителями; 3,92% помогают другим. 4% выбрали вариант «другое» и указали «с любимым человеком», «в месте, отличном от постоянного места проживания».

Следующую задачу относительно формирования жизненного пространства молодежи в исследовании мы решали, выясняя место высшего образования в жизненном пространстве работающей молодежи. Так, опрошенные высказали свое мнение о том, нужно ли работающей молодежи высшее образование. Больше половины респондентов подтвердили необходимость такого элемента, а именно: утвердительно ответили 43,14%, ответ «скорее да» отметили 27,45%. Отрицательные ответы составляют мнение немногим менее пятой части опрошенных: ответ «нет» выбрали 3,92%, а ответ «скорее нет» отметили 15,69% опрошенных. Затруднились ответить 9,8%.

Далее респонденты отвечали на вопрос: «Для чего необходимо получать высшее образование?», в котором участники могли выбрать несколько вариантов ответа (таблица 9).

Таблица 9. Причины получения высшего образования

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	карьера	47,06
2.	новые знания и навыки	47,06
3.	расширение социальных связей	29,41
4.	повышение заработной платы	19,61

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
5.	самосовершенствование	17,65
6.	повышение своего авторитета	7,84
7.	благополучие	5,88
8.	престиж	3,92
9.	успех	3,92
10.	общественное признание	3,92
11.	стабильность	3,92
12.	другое	7,84

Интересным фактом нам показалось снижение популярности таких символов высшего образования, как престиж и успех, которые вместе с понятиями общественного признания и благополучия составляют чуть более 18%. На первое место работающая молодежь ставит такие мотивы, как карьера, новые знания и навыки и расширение социальных связей. Кроме того, в пятерку мотивов, набравших более 10% голосов, вошли повышение заработной платы и самосовершенствование. Единичные ответы, объединившись в варианте «другое», выглядят как: «высшее образование является фильтром при трудоустройстве в серьезные компании / структуры», «формирование личности, характера и профессиональных навыков», «система государства», «вдруг пригодится».

Следующий вопрос звучал: «Какого вида образования достаточно для получения престижного и высокооплачиваемого места работы?» (таблица 10).

Таблица 10. Вид образования, достаточный для получения престижного и высокооплачиваемого места работы

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	высшее	35,29
2.	высшее, магистратура	25,49
3.	любое, с дальнейшим повышением квалификации	21,57

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
4.	среднее профессиональное и высшее (бакалавриат)	17,65
5.	общее среднее	11,76
6.	среднее профессиональное	9,8
7.	аспирантура с получением научной степени	5,88
8.	аспирантура без получения научной степени	3,92
9.	затрудняюсь ответить	3,92
10.	другое	1,96

Как видно при анализе полученных результатов, больше половины опрошенных получение престижного и высокооплачиваемого места работы автоматически связывают с получением высшего образования. Немногим более 11% опрошенных полагают достаточным обучение только в колледже или техникуме. Небольшое число участников полагают уровень аспирантуры важным для такого.

Одной из функций получения образования выявлено формирование и закрепление ценностей. Однако ценности формируются и при переходе на рынок труда, что обозначено исследователями как начало вторичной социализации. Мы включили вопрос о ценностях, присущих работающей молодежи, каждый опрошенный мог выбрать пять наиболее важных (таблица 11).

Таблица 11. Ценности работающей молодежи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	семья	62,75
2.	любовь	54,9
3.	взаимопонимание	47,06
4.	дружба	43,14
5.	личный рост	41,18
6.	саморазвитие	39,22
7.	деньги	33,33
8.	карьера	33,33

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
9.	забота	33,33
10.	дом	25,49
11.	комфорт	23,53
12.	гармоничное развитие	19,61
13.	образование	15,69
14.	патриотизм, любовь к Родине	15,69
15.	повышение духовной культуры	13,73
16.	развлечения	3,92
17.	другое	3,92

Анализ результатов продемонстрировал присутствие у работающей молодежи одновременно и терминальных ценностей (семья, любовь, взаимопонимание, дружба и др.) и инструментальных ценностей (карьера, деньги, личностный рост, саморазвитие и др.)

Решая следующую задачу исследования, мы выявили отношение работающей молодежи к семье как к ячейке общества (таблица 12). При ответе на вопрос: «Насколько важно для работающей молодежи создать свою семью?». Число тех, считает важным, приблизительно равно числу тех, кто считает создание семьи не важным процессом: очень важно (9,8%); важно (33,33%); не очень важно (27,45%); не важно (13,73%); затрудняюсь ответить (15,69%).

Таблица 12. Возраст создания семьи, %

№ п/п	Вариант ответа	Знакомые и друзья	Респонденты
1.	До 18 лет	1,96	–
2.	18–24 года	39,22	31,37
3.	24–30 лет	39,22	39,22
4.	31–35 лет	5,88	11,76
5.	проживают без регистрации отношений	3,92	9,8
6.	нет намерения создать свою семью	9,8	7,84

Анализ данных, полученных при проведении опроса, показывает, что наибольшее число семейных союзов работающая молодежь создает в возрастных группах 18–24 и 25–30, при этом вторая подгруппа лидирует. Число молодых людей, которые не намерены создавать семью и / или проживают в незарегистрированном браке, составляет более десятой части в совокупности.

Опрошенным предложили ответить на вопрос: «С какой целью работающая молодежь создает свою семью?», в котором можно было выбрать не более двух вариантов ответа (таблица 13).

Таблица 13. Цели создания семьи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	логично при возникновении любви	60,78
2.	объединение усилий для благополучного проживания	39,22
3.	рождение детей и продление рода	33,33
4.	обеспечить стабильность отношений	25,49
5.	упрочить свои отношения	25,49
6.	покинуть родительский дом	7,84
7.	повысить социальный статус	7,84
8.	другое	1,96

Результаты анализа данных показывают, что создание семьи является продолжением возникновения чувств. Традиционные мотивы создания семьи по количеству респондентов занимают вторую группу. Небольшое количество опрошенных акцентируют внимание на таких мотивах как повышение статуса и возможность покинуть дом своих родителей.

Активность работающей молодежи нами исследована через измерение коммуникативности опрошенных. Так, важно проверить основные источники информации, используемые аудиторией работающей молодежи (таблица 14). Респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Таблица 14. Источники информации

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	страницы в социальных сетях	56,86
2.	друзья, знакомые	52,94
3.	мессенджеры	33,33
4.	телевидение	31,37
5.	сайты и новостные страницы	23,53
6.	от администрации и сотрудников своей организации	23,53
7.	корпоративные страницы в сетях	21,57
8.	радио	17,65
9.	родственники	15,69
10.	сайт правительства региона	13,73
11.	региональные газеты	5,88
12.	объявления на стендах и баннерах	1,96
13.	федеральные газеты	1,96

Основными источниками информации опрошенные считают те, что расположены в виртуальном пространстве (мессенджеры, социальные сети, новостные страницы и пр.), и окружающих (коллеги, руководители, родственники, друзья и знакомые). Газеты и содержание баннеров не пользуются вниманием аудитории. Среднее место занимает радио.

Участникам исследования был задан вопрос: «Какие мероприятия и формы общественной жизни Вы с удовольствием посещали в этом году?», с возможностью выбора не более 5 вариантов ответа (таблица 15).

Таблица 15. Перечень посещаемых мероприятий и других форм общественной жизни

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	киносекансы	49,02
2.	концерты	31,37
3.	музейные выставки	31,37

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
4.	профессиональные праздники	27,45
5.	спортивные соревнования	25,49
6.	театральные постановки	25,49
7.	интеллектуальные поединки	15,69
8.	психологические и иные тренинги	15,69
9.	тим-билдинги	15,69
10.	уборка городского пространства	15,69
11.	игры КВН	13,73
12.	музыкальные фестивали	13,73
13.	деловые игры	11,76
14.	посадка деревьев	9,8
15.	профессиональные конкурсы	5,88
16.	дискуссии	1,96
17.	другое	9,8

Практически половина опрошенных с удовольствием посещают киносеансы, более трети опрошенных выбирают концерты и музейные выставки, каждый четвертый посещает театральные постановки и спортивные соревнования. Более четверти отдыхают на работе, посещая профессиональные праздники и конкурсы. Вариант «другое» содержал ответ «походы», а также демонстрацию неважности общественных форм отдыха.

Готовность участвовать в общественных мероприятиях была выявлена при анализе ответов на вопрос: «В каких общественных мероприятиях Вы готовы участвовать?» (таблица 16).

Таблица 16. Готовность участвовать в общественных мероприятиях

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	грантовые конкурсы	48,18
2.	интеллектуальные игры и КВИЗы	35,29

Окончание

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
3.	творческие лаборатории и открытые пространства для совместного творчества	33,33
4.	наставнические и тьюторские практики	33,33
5.	участие в общегородских мероприятиях (субботники, фестивали, спортивные и творческие состязания)	31,37
6.	профессиональные курсы	29,41
7.	волонтерство	25,49
8.	меценатство и благотворительность	15,69
9.	затрудняюсь ответить	9,8
10.	другое	1,96

Как показывает анализ полученных результатов, потребность в активном взаимодействии характерна для каждого третьего опрошенного, почти половина имеют готовность участвовать в грантовых конкурсах. Каждый 4–5 участник хотел бы оказывать помощь другим. Единично респонденты затруднились ответить и показали в варианте другое, что не имеют свободного времени.

Следующей задачей было необходимо выявление потребности в поддержке для работающей молодежи. Опрошенным было предложено оценить необходимость поддержки и помощи представителям работающей молодежи. Наибольшее количество участников, то есть представителей работающей молодежи высказались за необходимость помощи и поддержки: 70,59% ответили утвердительно, 21,57% отметили вариант «скорее да». Единично опрошенные высказались отрицательно (по 1,96% варианты «нет» и «скорее нет») или затруднились ответить (3,92%).

Для уточнения конкретных видов помощи и поддержки респондентам был задан вопрос: «Какие виды поддержки важны для работающей молодежи?», можно выбрать несколько вариантов ответа (таблица 17).

Таблица 17. Важные виды поддержки для работающей молодежи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	консультационная	58,82
2.	информационная	52,94
3.	правовая	41,18
4.	помощь в профессиональной карьере	41,18
5.	в обучении предпринимательству	29,41
6.	поддержка в новом статусе (работника, семьянина, ведущего ЗОЖ и т.п.)	21,57
7.	адаптация в изменяющемся пространстве	21,57
8.	в написании грантовых заявок	19,67
9.	при формировании личного образа (стиль жизни, работы, отдыха, коммуникаций и т.д.)	17,65
10.	другое	7,84

Как видно при анализе результатов, больше половины респондентов считают, что работающая молодежь нуждается в консультационной и информационной поддержке. Правовую форму поддержки и содействие в формировании профессиональной карьеры указали более 41% опрошенных. Смена ролей и статусов в наше непростое изменчивое время также сложна для работающей молодежи, поэтому становится причиной для возникновения нуждемости в поддержке. Практически каждый пятый указал о необходимости поддержки при подготовке грантовых заявок. При указании варианта ответа «другое» единично прозвучали такие высказывания как «материальная поддержка», жилье, «конкретная помощь при трудоустройстве. Ярмарки вакансий, центр занятости, молодежный кадровый центр – это все фактически не работает». Следующий вопрос являлся уточняющим и звучал так: «В каких случаях работающая молодежь нуждается в оказании помощи?» (таблица 18).

Таблица 18. Когда работающая молодежь нуждается в помощи?

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	при переезде в другой город, регион для постоянного места жительства	62,75
2.	при возникновении конфликтов	52,94
3.	при смене работы	45,1
4.	при изменении в состоянии здоровья	39,22
5.	при создании собственной семьи	29,41
6.	при посещении других мест (командировки, экскурсии и пр.)	21,57
7.	при участии в конкурсах	11,76

Респондентам в ходе исследования был задан вопрос: «С чьей стороны поддержка важна для работающей молодежи?» (таблица 19).

Таблица 19. Чья поддержка важна для работающей молодежи

№ п/п	Вариант ответа	Количество ответов, %
1.	государственные органы власти	62,75
2.	региональные органы власти	47,06
3.	руководство и коллеги по месту работы	47,06
4.	муниципальные органы власти	45,1
5.	общественные организации	29,41
6.	молодежные организации	25,49
7.	группы самопомощи, объединения по интересам	13,73
8.	благотворительные фонды, меценаты	11,76
9.	ничья, нужно развивать самостоятельность	5,88
10.	другое	1,96

По мнению опрошенных наиболее важна поддержка властей на всех уровнях власти. Не менее важна поддержка,

оказываемая по месту работы. Каждый 4–5 отвечающий считает важной для работающей молодежи поддержку общественный, в том числе молодежных, организаций и объединений. При выборе ответа «другое» один респондент указал свой вариант: «основная проблема – это получение профессиональных навыков (не равно образование в колледже или вузе) и сам процесс трудоустройства».

Также респонденты ответили на открытый вопрос: «К кому Вы уже обращались за поддержкой при реализации Ваших идей?» На этот вопрос ответили 20%, основные ответы были отрицательными. Ответы, показывающие к кому обращались за поддержкой, содержали следующие ответы: к коллегам, к наставникам, к научному руководителю, к прямому начальнику, к руководству, в бизнес-инкубатор. Один респондент ответил: «помощь всех организаций исключительно формальная, после нескольких попыток в студенчестве не рассчитываю на поддержку со стороны».

Выводы

Группа работающей молодежи включает всех представителей молодежи, после совершеннолетия. Зачастую работать начинают именно в этом возрасте, особенно после получения диплома о среднем профессиональном или высшем образовании.

Основными проблемами работающей молодежи являются материальные и проблемы с жильем.

В первый год после трудоустройства у представителей группы «работающая молодежь» наиболее часто возникают проблемы низкой оплаты труда. Кроме того, к проблемам порошенные отнесли отсутствие перспектив карьерного роста, наставников, интереса к работе, завышенные требования руководства.

Большинство опрошенных трудятся постоянно на своем рабочем месте, меняли место работы редко, один-два раза. Почти половина опрошенных работают полный рабочий день, который составляет 8 часов, но может быть и более продолжительным.

К мотивам работы опрошенные отметили наличие дружного рабочего коллектива, достойные условия оплаты труда, наличие возможностей для самореализации, а также то, что окружающие спокойно воспринимают образ и стиль жизни опрошенного. Каждый третий высказал опасения невозможности найти новую работу в наше время.

Участники опроса активны в своем проведении свободного времени, проводят его как дома, самостоятельно или с семьей, так и на общественных мероприятиях. Кроме того, большинство опрошенных готовы к повышению своей активности при появлении инновационных форм работы, например, грантовые конкурсы и творческие лаборатории и открытые пространства для совместного творчества или классических форм взаимодействия (интеллектуальные игры и КВИЗы, наставнические и тьюторские практики, волонтерство и другие общественные мероприятия).

Большинством голосов опрошенные высказались за необходимость оказания поддержки и помощи работающей молодежи. Основными формами назвали консультационную, информационную, правовую помощь и содействие в карьере. Опрошенные ожидают помощь и поддержку от органом власти, общественных организаций и руководителей по месту работы.

Часть опрошенных уже обращалась для реализации своих идей руководству по месту работы, к научным руководителям и бизнес-инкубаторы.

Нам видится, что активность молодежи нуждается не только в поддержке, но более всего в координации. Также необходимо взаимодействие представителей всех социально-демографических групп, что повысит уровень консолидированности в обществе.

Литература

1. Антонова Н.Л., Абрамова С.Б., Полякова В.В. Право на город: повседневные практики молодежи и партиципация в производстве городского пространства // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43713228_99768960.pdf, свободный (дата обращения: 10.04.2022).
2. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Досуговые практики работающей молодежи как фактор сохранения социального здоровья и качества жизни // В поисках социальной истины: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 29 ноября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ»; под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск: изд-во ИГУ, 2021. С. 37–41.
3. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Исследование возможностей применения технологий воспитания и социального образования работающей молодежи в условиях виртуального пространства // Социальная реальность виртуального пространства: материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 20 сентября 2021 г. / под общ. ред. О.А. Полюшкевич. Иркутск, Издательство ИГУ, 2021. С. 360–363.
4. Гуринович Л.А., Люберцев П.П. Рекреационные техники, способствующие поддержанию психологического здоровья работающей молодежи, в концепциях витализма // Гуманистические и экологические ресурсы Байкала в укреплении социального здоровья и межнационального согласия в молодежной среде: [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 25–27 ноября 2021 г. Тематический сборник статей. Электрон. текст. дан. (3,5 Мб). Иркутск, Аспринт, 2021. С. 145–149.
5. Гусякова Л.Г. Теоретико-методологические основы обеспечения новой миссии социальной работы в XXI веке // Социология социальной работы: ежегодник. Вып. 4. Виталистская социология социальной работы в России рубежа XX–XXI веков: сборник статей / под ред. А.М. Беспалова, С.И. Григорьевой, Л.Г. Гусяковой, М.М. Прудниковой. 2-е изда-

- ние, дополненное и переработанное. М.: Барнаул – Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2014. С. 12–15.
6. Зубок Ю.А. Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Социологические исследования. 2015. № 5(373). С. 114–122.
 7. Зубок Ю. А., Чупров В.И. Жизненные стратегии молодежи: реализация ожиданий и социальные настроения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3(157). С. 13–41.
 8. Подвойская Н.В. Социология жизненных сил молодежи как фактор и условие формирования этноконфессиональных отношений в современной России / Н.В. Подвойская // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2008. № 3(16). С. 48–52.
 9. Полюшкевич О.А. Повседневность публичного пространства Иркутска: социальная активность горожан // Социология. 2020. № 2. С. 299–305.
 10. Полюшкевич О.А. Просоциальные практики в провинциальном городе: креативность и профанность публичного пространства // Социология. 2021. № 4. С. 129–135.
 11. Полюшкевич О.А. Психогеографическое измерение публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2022. № 2 (44). С. 31–35.
 12. Полюшкевич О.А. Социальное и личное пространство поколений // Социология. 2020. № 4. С. 132–148.
 13. Полюшкевич О.А. Теория и практика молодежной мобильности в Иркутской области: особенности активизации участия молодежи в развитии территории. Учебно-методические материалы регионального исследования / Иркутск, ООО Мегапринт, 2021. 48 с.
 14. Решетников В.А., Решетникова Е.В. Гуманизм как философская и практическая универсалия человеческой истории // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 64–72.
 15. Гуринович Л.А., Решетникова Е.В. Экспертная оценка социаль-

ного пространства жизнедеятельности работающей молодежи // Социология. 2022. № 5. С. 38–51.

LIVING SPACE FOR WORKING YOUTH

Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Lubercev P.P.

Irkutsk State University

The article reveals the theme of living space, analyzes both the theoretical framework and practical technologies for the development of living space. The results of an empirical study of the living space of working youth are also presented, where the main areas of living space are considered, new conditions and mechanisms for its development are analyzed.

Keywords: living space, youth, working youth, life goals, plans, life prospects.

References

1. Antonova N.L., Abramova S.B., Polyakova V.V. The Right to the City: Daily Practices of Youth and Participation in the Production of Urban Space // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2020. No. 2 [Electronic resource]. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43713228_99768960.pdf, free (date of access: 04/10/2022).
2. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Leisure practices of working youth as a factor in maintaining social health and quality of life // In Search of Social Truth: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Irkutsk, November 29, 2021 / ISU; under total ed. O.A. Polyushkevich. Irkutsk: IGU Publishing House, 2021, pp. 37–41.
3. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Study of the possibilities of using technologies for upbringing and social education of working youth in the conditions of virtual space // Social reality of virtual space: materials of the III International scientific and practical conference. Irkutsk, September 20, 2021 / ed. ed. O.A. Polyushkevich. Irkutsk, IGU Publishing House, 2021. P. 360–363.
4. Gurinovich L.A., Lyubertsev P.P. Recreational techniques that contribute to maintaining the psychological health of working youth, in the concepts of vitalism // Humanistic and environmental resources of Baikal in strengthening social health and interethnic harmony in the youth environment: [Electronic resource]: Materials All-Russian

- Scientific and Practical Conference, November 25–27, 2021. Thematic collection of articles. Electron. text. Dan. (3.5 Mb). Irkutsk, Asprint, 2021, pp. 145–149.
5. Guslyakova L.G. Theoretical and methodological foundations for ensuring the new mission of social work in the XXI century // *Sociology of social work: yearbook. Issue. 4. Vitalist sociology of social work in Russia at the turn of the 20th – 21st centuries: collection of articles* / ed. A.M. Bepalova, S.I. Grigorieva, L.G. Guslyakova, M.M. Prudnikova. 2nd edition, enlarged and revised. M.: Barnaul – Biysk: FGBOU VPO "AGAO", 2014. S. 12–15.
 6. Zubok Yu.A. Young specialists: training and demand in the labor market / Yu.A. Zubok, V.I. Chuprov // *Sociological research*. 2015. No. 5(373). pp. 114–122.
 7. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Life strategies of youth: realization of expectations and social moods // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020. No. 3(157). pp. 13–41.
 8. Podvoiskaya N.V. Sociology of the vital forces of youth as a factor and condition for the formation of ethno-confessional relations in modern Russia / N.V. Podvoiskaya // *Caspian region: politics, economics, culture*. 2008. No. 3(16). pp. 48–52.
 9. Polyushkevich O.A. Everyday life of the public space of Irkutsk: social activity of citizens // *Sociology*. 2020. No. 2. S. 299–305.
 10. Polyushkevich O.A. Pro-social practices in a provincial town: creativity and profanity of public space // *Sociology*. 2021. No. 4. S. 129–135.
 11. Polyushkevich O.A. Psychogeographic dimension of the public space of the city // *City management: theory and practice*. 2022. No. 2 (44). pp. 31–35.
 12. Polyushkevich O.A. Social and personal space of generations // *Sociology*. 2020. No. 4. P. 132–148.
 13. Polyushkevich O.A. Theory and practice of youth mobility in the Irkutsk region: features of enhancing youth participation in the development of the territory. Educational and methodological materials of regional research / Irkutsk, OOO Megaprint, 2021. 48 p.
 14. Reshetnikov V.A., Reshetnikova E.V. Humanism as a philosophical and practical universal of human history // *Humanitarian vector*. 2019. V. 14. No. 2. S. 64–72.
 15. Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V. Expert assessment of the social space of the life of working youth // *Sociology*. 2022. No. 5. pp. 38–51.

Волонтерство как средство проявления патриотизма

Калинич В.С.,

ассистент кафедры современной социологии
социологического факультета МГУ имени
М.В. Ломоносова
E-mail: vladislav6988@mail.ru

Верпатова О.Ю.,

кандидат философских наук, доцент кафедры
социологии и социальных технологий Тверского
государственного технического университета
E-mail: verpatova_tgtu@mail.ru

Данная статья посвящена рассмотрению двух важных социальных феноменов: патриотизма и волонтерства (добровольчества). Аспектом рассмотрения указанных феноменов стало проявление патриотизма через волонтерскую (добровольческую) деятельность. В статье рассматриваются актуальные социологические исследования, посвященные патриотизму и добровольчеству.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, социологическое исследование, патриотизм, патриотическое воспитание, патриотическое сознание, молодежь, ценности, ценностные ориентации, современное общество

В последние годы волонтерству, добровольческой деятельности уделяется большое внимание в рамках обсуждения социального потенциала современного общества и развития гражданского сознания населения. Добровольное служение социуму, стремление к продуктивной, созидательной деятельности расценивается как позитивная девиация, однако в последние годы все чаще встает вопрос о том, как развить и сформировать понимание данного поведения как социальной нормы. Существует множество взглядов на феномен волонтерства в целом и на побудительные мотивы данной деятельности. Темы добровольчества и патриотизма как контексте работы с молодежью, так и вне его, являются предметом научного интереса многих современных исследователей¹²³⁴. Патриотизм как многогранный социальный феномен может проявляться через волонтерскую (добровольческую) деятельность. Детальнее рассмотрим трактовки сущности этого феномена.

Часто в научной литературе и в более широко тиражируемой публицистике патриотизм воплощается исключительно в чувственной, духовной компоненте, как обобщенное обозначение чувства любви и уважения к Родине, стране, ее истории и традициям. Например, профессор С.Ю. Иванова предлагает рас-

¹ См.: Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. Монография. М.: Перспектива, 2022. 246 с.

² См.: Мочалов Е.В. Проблема патриотизма в философии России // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 90–92.

³ См.: Никифоров Я.А. Социальный концепт «Патриотизм» в русской общественной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 2. С. 191–193.

⁴ См.: Верпатова О.Ю. Проблема вовлеченности молодежи Тверской области в добровольческую деятельность // сборник: Саморазвивающаяся среда технического вуза: научные исследования и экспериментальные разработки. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Б. Новиченковой. Тверь, 2021. С. 185–189.

сма­три­вать патриотизм в философском восприя­тии в трех измерениях: онтологическом – как реально существующие чувства, взгляды, идеи; гносеологическом – как отражение в сознании человека социальной действительности; а также в ценностном и праксеологическом – как отношение к миру через значимость духовных и материальных ориентиров, как духовно преобразующее отношение к действительности⁵. Или Е.Ю. Косаченко в своей работе определяет патриотизм как чувство личной идентификации со страной, которая проявляется в гордости за достижения страны, переживания за ее проблемы, то есть, по сути, проявление глубокой эмоциональной вовлеченности и эмпатии по отношению к надличностному образованию⁶.

Однако другие исследователи не согласны с такой постановкой вопроса, отмечая ограниченность данного подхода к анализу проблемы развития и формирования патриотизма. В частности, в своей публикации доценты А.В. Кузьмин и Ю.Н. Трифонов указывают на наличие у патриотизма сложной внутренней логики и структуры, несводимой исключительно к эмоциональной (психологической) составляющей⁷. Они отмечают, что не менее чем чувства, важны и патриотическое отношение, и патриотическая деятельность. О том же говорит и доцент А.В. Абрамов, указывая, что «патриотизм представляет собой и чувства, и идеи (идеология), и деятельность, направленные во благо Отечества»⁸.

⁵ См.: Иванова С.Ю. Социально-философский смысл патриотизма // Патриотизм как фактор развития российской государственности. Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Ассамблея народов России, Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности, Московский дом национальностей; [под общ. ред. И.В. Бочарникова]. – М.: Московский дом национальностей, 2015. С. 86.

⁶ См.: Косаченко Е.Ю. Социально-культурные условия формирования патриотического самосознания молодежи // Культура и образование. 2019. № 2 (33). С. 151.

⁷ См.: Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РочМУ. 2016. № 6. С. 52.

⁸ Абрамов А.В. Современный российский патриотизм: каков он? // Электронный журнал «Вест-

Профессор Н.М. Ильичев трактует патриотизм как «положительное отношение людей к своей Родине, включающее патриотическое сознание, деятельность, отношения, организации и реализующее мировоззренческую, методологическую, коммуникативную, ценностную и другие функции»⁹.

Такую двойственность в позициях современных исследователей можно объяснить давно сложившимся в отечественной социальной мысли спором между теми учеными, кто в своих трактовках патриотизма делает упор на чувственную составляющую (И.А. Ильин¹⁰, П.Я. Чаадаев¹¹, Н.М. Карамзин¹², С.Н. Булгаков¹³ и т.д.), и тех мыслителей, общественных и политических деятелей, кто выделял значение не только чувств, но и действий. Здесь можно отметить, что традиция обращения к деятельностному подходу уходит своими корнями еще в работы А.Н. Радищева, который обращал внимание на то, что истинного сына отечества отражает стремление служить своему народу¹⁴. О значимости служения как воплощения патриотизма писали В.Г. Белинский¹⁵, Н.Г. Чернышевский¹⁶.

Таким образом, говоря о добровольчестве как реализации патриотического

ник МГОУ». 2013. № 4. С. 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/652/649>. Дата обращения: 27.09.2022.

⁹ Ильичев Н.М. О сущности, содержании и значении патриотизма // Вестник РФО. – 2002. № 3. С. 87.

¹⁰ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 234 с.

¹¹ См.: Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 томах. М.: 1991. Т. 1.

¹² См.: Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости. М.: Институт русской цивилизации. 2013.

¹³ См.: Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел. 1998.

¹⁴ См.: Радищев А.Н. Избранные философские сочинения: к 200-летию со дня рождения. (1749–1949) / под общей редакцией и с предисловием И.Я. Щипанова. Академия наук СССР. Институт философии. М.: Госполитиздат. 1949.

¹⁵ См.: Белинский В.Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М.: 1983.

¹⁶ См.: Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16 томах. М.: 1939–1953. Том 3.

чувства, следует указать на корни данного подхода в отечественной социальной мысли. Взгляд на то, что патриотическое чувство должно иметь некое материальное воплощение в повседневной жизни, связан с концепцией служения. Служение при этом большинством философов понималось не столько как служение непосредственно государству или на государственных должностях, сколько забота о народе, о людях и их социальном благе. Личностное благо рассматривалось в контексте общественного блага, а социальные мотивы благотворительной деятельности как важный признак социальной зрелой и развитой личности.

Волонтерская деятельность на современном этапе своего развития рассматривается не столько как определенный вид социальной деятельности, а как полноценный социальный институт, выполняющий важные функции. В частности, через добровольческую деятельность реализуются принципы гражданского общества, основанного на самоорганизации и социальной ответственности. Кроме того, волонтерские организации стали значимыми агентами социализации, поскольку все чаще в добровольчество вовлекаются дети самых разных возрастных групп.

Попова Т.В., Быстрова Н.В. и Уракова М.Н., анализируя воспитательный потенциал волонтерской деятельности, выделили ряд ключевых характеристик, позволяющих классифицировать деятельность как волонтерство. В частности, к этим характеристикам относятся:

- добровольный характер включения в деятельность;
- безвозмездность оказываемой помощи;
- социальная значимость результатов волонтерской деятельности¹⁷.

Основываясь на данных признаках, можно провести параллель с концепцией «служения», о которой писали обществоведы и философы в контексте

определения патриотизма. В целом, волонтерство в настоящее время стало своеобразным служением обществу, определенным ценностям и идеям, в том числе и патриотическим. Обращаясь к определениям и трактовкам термина «патриотизм», можно выделить некоторые характеристики, которые позволяют расценивать волонтерскую работу как деятельностный компонент патриотизма. В частности, патриотизм (не затрагивая радикальные ответвления) конструктивен, он опирается на позитивные ценности и эмоции, призывает к действиям, направленным на сохранение и поддержание стабильности собственной социальной группы (как малых, так и больших социальных общностей). Попова Т.В., Быстрова Н.В. и Уракова М.Н. отмечают, что «ученые, изучающие волонтерскую деятельность, подчеркивают ее гуманистический и ценностный потенциал, роль в воспитании социальной активности граждан, их социальной ответственности, способности к милосердию и эмпатии»¹⁸. Таким образом, в рамках аксиологического подхода волонтерство и патриотизм имеют схожий ценностный профиль.

Рассматривая патриотизм как инструмент формирования коллективной идентичности, доцент Чикаева Т.А. обращает внимание на то, что патриотизм выполняет коммуникативную функцию, сплачивая людей¹⁹. Здесь также можно проследить связь с реализацией этой функции через волонтерскую деятельность. Участие в совместных социальных действиях формирует чувство сопричастности, развивает солидарность, способствует возникновению новых социальных связей в процессе совместной социально значимой деятельности. В связи с этим можно выделить и другую сторону взаимовлияния волонтерства и патриотизма: волонтерство, как

¹⁷ Попова Т.В., Быстрова Н.В., Уракова М.Н. Формирование социально значимых качеств старших школьников в условиях волонтерской деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–2. С. 170.

¹⁸ Попова Т.В., Быстрова Н.В., Уракова М.Н. Формирование социально значимых качеств старших школьников в условиях волонтерской деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–2. С. 170.

¹⁹ Чикаева Т.А. Патриотизм как инструмент коллективной идентичности // Манускрипт. 2017. № 3–1 (77). С. 189.

определенное направление социальной деятельности, активно влияет на формирование и развитие патриотизма как качества личности.

В частности, Москаленко И.В. и Шевцова М.М. приводят результаты социологического исследования, анализируя которые можно отметить: несмотря на то, что 51% опрошенных студентов не видят связи между патриотизмом и волонтерством, большинство (81%), говоря о причинах вовлеченности в добровольческую деятельность, указывают именно альтруистические мотивы, в частности, стремление помогать окружающим²⁰. Волонтерство воплощает в себе именно деятельностный аспект, в действии проявляются те ценности и установки, которые сформированы у личности. Если они направлены на совершенствование общества, в котором личность живёт, на позитивное развитие социальной реальности, то это можно охарактеризовать одним из индикаторов формирующегося патриотического сознания.

Говоря о роли ценностей в волонтерстве и влиянии на развитие добровольческой деятельности патриотизма, стоит обратиться к еще одному аспекту – роли морального выбора. Луговой А.А., Ковалев А.Н. и Кошелев А.П. определяют моральный выбор как «преднамеренное, осознанное, продуманное поведение человека, исходящее из человеческих потребностей и чувства ответственности»²¹. При этом исследователи говорят о том, что нравственный потенциал личности во многом определяет моральный выбор, который, по своей сути, часто заключается в выборе между личным и социальным благами. И несмотря на значимость эмоциональных переживаний, они не могут быть воплотимы только че-

рез социальный опыт. Поскольку именно опыт дает определенные образцы поведения, позволяющие составить свое представление о нравственном поле. Волонтерство – пространство деятельности, дающее возможность наработки, получения социального опыта, который позволяет освоить образцы поведения, нацеленные на социальное благо. Таким образом, с одной стороны, патриотизм проявляется в волонтерстве, воплощается в добровольческой деятельности на благо общества. С другой стороны, волонтерство формирует представление о социальном благе, расширяет нравственные представления личности через активную деятельность, направленную на приращение общественного блага.

Анализируя участие в волонтерской деятельности как определенную форму проявления патриотизма, следует привести результаты эмпирических социологических исследований, проходивших в 2020 и 2021 годах среди молодежи Тверской области в рамках проекта «Вовлечённость молодежи Тверской области в добровольческую (волонтерскую) деятельность и заинтересованность в ней», реализуемых кафедрой социологии и социальных технологий Тверского государственного технического университета по заказу Комитета по делам молодежи Тверской области.

Следует отметить постепенную популяризацию волонтерского движения, которая проявляется в уровне информированности молодежи о работе добровольческих (волонтерских) организаций, и относительно устойчивый уровень интереса к деятельности данных объединений (Таблицы 1 и 2). Несмотря на то, что возраст участвующих в анкетировании от 14 лет до 35 лет, заинтересованность оказывалась примерно одинаковой вне зависимости от возрастной группы, населенного пункта или пола.

В то же время уровень вовлечённости в добровольческую деятельность можно охарактеризовать как средний. Однако, можно заметить некоторую положительную динамику в 2021 году эпизодического волонтерства (Таблица 3).

²⁰ Москаленко И.В., Шевцова М.М. Волонтерская деятельность в формировании патриотических качеств личности студента вуза культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 239.

²¹ Луговой А.А., Ковалев А.Н., Кошелев А.П. Модель формирования патриотического сознания // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2015. № 4. С. 193.

Одно из логических объяснений данного прироста – именно на промежуток между проведением двух исследований пришелся пик волонтерства, связанного с коронавирусной инфекцией. Можно предположить, что находясь в экстремальных условиях развития пандемии, люди стали активнее включаться в процессы, связанные со взаимной помощью, интеграцией в добровольческое сообщество.

Таблица 1. Осведомлённость о деятельности добровольческих (волонтерских) организаций на территории Тверской области

Вариант ответа	2020 (%)	2021 (%)
Очень хорошо осведомлён(а)	17,2	14,5
Знаю о ряде направлений работы, но не о всей деятельности	37,7	41,1
Знаю, но недостаточно	28,8	31,0
Ничего не знаю об этом	16,3	13,3
Всего	100	100

Таблица 2. Интерес к получению информации о возможности участия в добровольческих (волонтерских) организациях

Вариант ответа	2020 (%)	2021 (%)
Да	16,2	15,4
Скорее да	31,5	35,3
Скорее нет	35,6	33,5
Нет	16,8	15,8
Всего	100	100

Таблица 3. Участие в добровольческой (волонтерской) деятельности

Вариант ответа	2020 (%)	2021 (%)
Да, регулярно	9,8	10,5
Да, от случая к случаю	27,6	33,8
Нет, но хотел(а) бы	27,8	21,5
Нет, и не хочу	34,8	34,0
Всего	100	100

Особый интерес представляет вопрос мотивации. Если в исследовании Москаленко И.В. и Шевцовой М.М., в рамках которого изучалось студенческое сообщество, доминировала альтруистическая мотивация, то в исследовании молодёжного сообщества Тверского региона все оказалось не столь однозначно. Рассматривая проблему мотивации участия молодёжи в добровольческой (волонтерской) деятельности, следует отметить, что для большинства из тех, кто участвует в этой работе, огромную роль играет возможность приобретения тех или иных навыков, полезных в жизни. На втором месте среди всех причин участия в добровольческой (волонтерской) деятельности стоят реализация личностного потенциала и взаимодействие с единомышленниками. Не менее важными оказались факторы исполнения общественного долга и возможность получить общественное признание, ощутить чувство социальной значимости, однако данные мотивы находятся на третьих и четвертых позициях по сравнению с представленными выше причинами. Стоит отметить, что чаще всего респонденты указывают те мотивы, которые связаны с определённым личным интересом, они стремятся помогать другим не потому, что это важно для общества, а потому что это приносит удовлетворение прежде всего им самим. Таким образом, альтруистические мотивы отчасти переплетаются с эгоистическими.

Однако, анализируя взаимосвязь вовлечённости в волонтерскую деятельность и участие в патриотических мероприятиях, реализуемых общественными и государственными структурами, наблюдается прямая зависимость: чем активнее человек участвует в волонтерской деятельности, тем чаще он включается и в патриотические мероприятия (Таблица 4).

Можно предположить, что несмотря на личные (эгоистические) мотивы участия в волонтерской деятельности, добровольческая работа формирует определенные установки, стимулирующие чувство ответственности за общественное благо, чувство сопричастно-

сти и активную гражданскую позицию, что, в свою очередь, создает условия и предпосылки к формированию и развитию патриотического сознания. Именно поэтому даже эпизодическая вовлечённость в волонтерскую деятельность оказывает влияние на повышение активности в целом.

Таблица 4. Соотношение регулярности участия в добровольческой (волонтерской) деятельности и вовлечённости в мероприятия патриотического и военно-патриотического характера в предыдущие 3 года (в %).

	Да, регулярно	Да, от случая к случаю	Нет, но хотел(а) бы	Нет, и не хочу
Да, слышал и участвовал довольно часто в патриотических мероприятиях	35,3	12,0	6,1	5,0
Слышал, несколько раз участвовал в патриотических мероприятиях	20,6	27,5	21,9	8,6
Слышал, очень редко участвовал в патриотических мероприятиях	16,2	20,5	16,5	14,9
Нет, не участвовал, но слышал	15,4	27,3	37,1	43,2
Не слышал и не участвовал	8,8	8,9	12,6	20,4

Таким образом, следует отметить, что волонтерство и патриотизм – два тесно связанных между собой аспекта гражданской активности индивида. Эта связь проявляется во взаимной зависимости. С одной стороны, патриотическое сознание находит свою реализацию в добровольческой деятельности как воплощении принципов и ценностей патриотов (стремление к совершенствованию общества, созидательной деятельности на благо своей общности и т.д.). С другой – волонтерство как социальный институт оказывает воздействие на формирование и становление определенных

ценностных ориентаций, установок личности, которые стимулируют патриотические чувства и развивают патриотическое сознание.

Литература

1. Абрамов А.В. Современный российский патриотизм: каков он? // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 4. С. 2–10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/652/649>. Дата обращения: 27.09.2022.
2. Белинский В.Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М.: 1983.
3. Булгаков С.Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел: 1998.
4. Верпатова О.Ю. Проблема вовлеченности молодежи Тверской области в добровольческую деятельность // Саморазвивающаяся среда технического вуза: научные исследования и экспериментальные разработки. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. Под общей редакцией Т.Б. Новиченковой. Тверь: 2021. С. 185–189.
5. Иванова С.Ю. Социально-философский смысл патриотизма // Патриотизм как фактор развития российской государственности. Под общей редакцией И.В. Бочарникова. М.: Московский дом национальностей, 2015. С. 8096.
6. Ильин И.А. О сущности правосознания. М.: «Рарогъ», 1993. 234 с.
7. Ильичев Н.М. О сущности, содержания и значении патриотизма // Вестник РФО. 2002. № 3. С. 87–89.
8. Карамзин Н.М. О любви к Отечеству и народной гордости. М.: Институт русской цивилизации, 2013.
9. Косаченко Е.Ю. Социально-культурные условия формирования патриотического самосознания молодежи // Культура и образование. 2019. № 2 (33). С. 148–155.
10. Кузьмин А.В., Трифонов Ю.Н. О структуре патриотизма // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМУ. 2016. № 6. С. 52–71.

11. Луговой А.А., Ковалев А.Н., Кошелев А.П. Модель формирования патриотического сознания // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2015. № 4. С. 191–196.
12. Москаленко И.В., Шевцова М.М. Волонтерская деятельность в формировании патриотических качеств личности студента вуза культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 47. С. 237–245.
13. Мочалов Е.В. Проблема патриотизма в философии России // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 90–92.
14. Никифоров Я.А. Социальный концепт «Патриотизм» в русской общественной мысли // Известия Саратовского университета Новая серия. Социология. Политология. 2017. № 2. С. 191–193.
15. Осипова Н.Г., Елишев С.О. Молодёжь в системе социально-гуманитарных наук. Монография. – М.: Перспектива, 2022. – 246 с.
16. Попова Т.В., Быстрова Н.В., Уракова М.Н. Формирование социально значимых качеств старших школьников в условиях волонтерской деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–2. С. 169172.
17. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения: К 200-летию со дня рождения. (1749–1949) / под общей редакцией и с предисловием И.Я. Щипанова. Академия наук СССР. Институт философии. М.: Госполитиздат. 1949. 559 с.
18. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. Полное собрание сочинений и избранные письма в 2 томах. М.: 1991. Т. 1.
19. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений в 16 томах. М.: 1939–1953. Т. 3.
20. Чикаева Т.А. Патриотизм как инструмент коллективной идентично-

сти // Манускрипт. 2017. № 3–1 (77). С. 187–189.

VOLUNTEERING AS A MEANS OF SHOWING PATRIOTISM

Kalinich V.S., Verpatova O.Y.

Lomonosov Moscow State University; Tver State Technical University

This article is devoted to the consideration of two important social phenomena: patriotism and volunteering. An aspect of the consideration of these phenomena was the demonstration of patriotism through volunteer activity. The article discusses current sociological research on patriotism and volunteering.

Keywords: volunteering, sociological research, patriotism, patriotic education, patriotic conscience, youth, values, value orientations, modern society.

References

1. Abramov A.V. Modern Russian patriotism: what is it? // Electronic journal «Bulletin of MGOU». 2013. No. 4. pp. 2–10. [electronic resource]. Access mode: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/652/649>. Date of address: 27.09.2022.
2. Belinsky V.G. Articles about Pushkin, Lermontov, Gogol. M.: 1983.
3. Bulgakov S.N. Autobiographical notes. Diaries. Articles. Eagle: 1998.
4. Verpatova O.Y. The problem of involvement of the youth of the Tver region in volunteer activity // Self-developing environment of a technical university: scientific research and experimental developments. Materials of the V All-Russian Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of T.B. Novichenkova. Tver: 2021. pp. 185–189.
5. Ivanova S.Y. Socio-philosophical meaning of patriotism // Patriotism as a factor in the development of Russian statehood. Under the general editorship of I.V. Bocharnikov. M.: Moscow House of Nationalities, 2015. pp. 80–96.
6. Ilyin I.A. On the essence of legal consciousness. M.: «Rarog», 1993. 234 p.
7. Ilyichev N.M. About the essence, content and meaning of patriotism // Bulletin of the RPS. 2002. No. 3. pp. 87–89.
8. Karamzin N.M. About love for the Fatherland and national pride. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2013.

9. Kosachenko E.Y. Socio-cultural conditions for the formation of patriotic self-consciousness of youth // Culture and education. 2019. No. 2 (33). pp. 148–155.
10. Kuzmin A.V., Trifonov Yu.N. On the structure of patriotism // Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU. 2016. No. 6. pp.52–71.
11. Lugovoy A.A., Kovalev A.N., Koshchev A.P. Model of formation of patriotic consciousness // Scientific and analytical journal «Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia». 2015. No. 4. pp.191–196.
12. Moskalenko I.V., Shevtsova M.M. Volunteer activity in the formation of patriotic personality qualities of a student of a university of culture // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2019. No. 47. pp. 237–245.
13. Mochalov E.V. The problem of patriotism in the philosophy of Russia // Socio-political sciences. 2016. No. 2. pp. 90–92.
14. Nikiforov Ya.A. Social concept "Patriotism" in Russian public thought // Izvestiya Saratov University New series. Sociology. Political science. 2017. No. 2. pp. 191–193.
15. Osipova N.G., Elishev S.O. About Youth in the system of social and humanitarian sciences. Monograph. – M.: Perspektiva, 2022. 246 p.
16. Popova T.V., Bystrova N.V., Urakova M.N. Formation of socially significant qualities of senior schoolchildren in the conditions of volunteer activity // Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 70–2. p.p. 169–172.
17. Radishchev A.N. Selected philosophical works: To the 200th anniversary of his birth. (1749–1949) / under the general editorship and with a preface by I.Y. Shchipanov. Academy of Sciences of the USSR. Institute of Philosophy. M.: Gospolitizdat, 1949. 559 p.
18. Chaadaev P.Y. The apology of a madman. Complete works and selected letters in 2 volumes. Moscow: 1991. Vol. 1.
19. Chernyshevsky N.G. Complete works in 16 volumes. Moscow: 1939–1953. Vol. 3.
20. Chikaeva T.A. Patriotism as an instrument of collective identity // Manuscript. 2017. № 3–1 (77). pp. 187–189.

Влияние информационного общества на социальные отношения

Маслодудова Наталья Владимировна,

доцент, кандидат философских наук, доцент
кафедры гуманитарных и социально-экономических
дисциплин СибЮИ МВД России
E-mail: nata.maslodudova@yandex.ru

В статье анализируются теоретические основы развития информационного общества (концепции Г. Маклюэна, Э. Тоффлера, Э. Кастельса) через практические условия и механизмы развития социальных отношений. Выстраивается пространство социальных коммуникаций в информационном обществе. На основе проведенного исследования выявляется динамика и ключевые характеристики воздействия информационного общества на социальные отношения различных социальных групп.

Ключевые слова: информационное общество, социальные отношения, социальная динамика, прогресс, виртуализация, цифровизация, социальные коммуникации

Информационное общество достаточно давно стало объектом исследования. Информация как потоковая структура стала точкой изменения социального развития с периода научно-технического прорыва в сфере коммуникаций. Новые технические возможности, стали основанием для изменения коммуникационных практик (в связи с изменением роли и места знаний и информации) представителей разных социальных групп, классов, профессий, пола и возраста. И это в первую очередь повлияло на социальные отношения (на социетальную ткань общественного взаимодействия).

Благодаря социальным отношениям выстраивается информационное пространство взаимодействия или дезинтеграции различных социальных групп, т.е. происходит консолидация сообществ или их разобщение. Социальные отношения вступают формой и критерием оценки социальной динамики, позволяют выявлять ключевые черты современного этапа коммуникации и формировать приоритетные перспективы будущего развития.

Одним из классиков теории информационного общества является Г. Маклюэн, он сформулировал теорию, согласно которой, все качественные прорывы, новые повороты развития общества связаны с появлением новых средств коммуникации. И интенсивное развитие информационных технологий через дистанционное обучение и удаленную работу после COVID-19 стали практическим подтверждением данного автора в сфере работы, досуга, образа жизни.

Другой теоретик информационного общества Э. Тоффлер сформулировал теорию «постиндустриального общества», где помимо экономического и политического прорывов происходит культурное изменение общества, через новые информационные потоки

(информационный взрыв), развитие клип-культуры (основанной на осколках впечатлений), в рамках которой не нужна рефлексия и осмысление, глубокие переживания и личный опыт, а необходимо только легкое касание, умение показать внешний образ, без сути и содержания. Тут важен тип подачи информации – кусками или клипами, а также отказа от предыдущего опыта восприятия и переработки информации. Прошлый опыт не может быть ни опорой, ни ориентиром развития, в условиях быстро меняющегося мира необходима постоянная мобильность и готовность меняться.

Еще один знаковый автор, работающий над вопросами информационного общества – это Э. Кастельс. Для него культура информационного общества это культура реальной виртуальности. Примером выступает Интернет – имеющий собственным пространством (киберпространством) и «вневременным временем». Принципиально новый опыт использования знаний и информации дает возможность оптимизировать ранее разработанные формы и схемы работы.

Мы можем уверенно определить ключевые характеристики формирования социальных отношений в информационном обществе, которые начались через развитие новых технологий и средств коммуникации (Маклюэн), увеличение информационных потоков и клипового сознания (Тофлер), нового формата мышления в информационной среде Кастельс) [8] и привели к новому типу мышления (Р.Г. Ардашев [1–7], О.А. Полюшкевич [9–12]), альтернативным вариантам социализации и общественного прогресса. Новое мышление опирается на оценку ситуации здесь и сейчас, быстрое принятие решений, опора на визуальный ряд и визуальную картинку, включенность иррациональных форм и стратегий оценок общественного развития; готовность использовать современные информационные технологии для обучения, работы и досуга.

В связи с изучением особого развития теории информационного общества – встает закономерный вопрос:

особенностей выстраивания социальных отношений в информационном обществе. Социальные отношения – это отношения с группой людей, возникающие по разным мотивам и с разными целями. Результатом социальных отношений выступает формирование и подкрепление социальной идентичности и солидарности с определенным сообществом.

В работе мы использовали следующую типологию социальных отношений:

- Близкий круг (друзья, интимные партнеры (не всегда семья);
- Родственный круг (родители, братья, сестры, дети, тети, дяди, бабушки, дедушки и т.д.);
- Коллеги;
- Соседи;
- Жители одного города / села;
- Представители одной со мной национальности / разных национальностей; религии / разных религий; культуры / разных культур);
- Мужчины / женщины;
- Профессиональные сообщества;
- Сообщества по интересам (хобби) и т.д.

Информационные системы создают новые условия и механизмы осуществления коммуникаций с разными группами социальных отношений.

Это стало темой нашего исследования, часть результатов которого отражена в данной работе. Исследование проводилось через онлайн опрос на платформе google.ru, в котором приняло участие 875 человек в возрасте от 18 до 65 лет, 56% женщин и 44% мужчин; 57% имеют высшее образование, 34% средне-специальное, 9% среднее; все проживают в разных регионах Российской Федерации.

В таблице 1 представлены сферы и формы воздействия информационных технологий и особенностей коммуникации в информационном обществе в разных социальных отношениях, где прослеживаются общие закономерности и специфические процессы проявления и реализации уникальных тенденций взаимодействия.

Таблица 1. Информационно-технические особенности социальных коммуникаций в информационном обществе представителями разных социальных сообществ

Группы социальных отношений	Технические инструменты и формат их использования	Для чего используется
Близкий круг (друзья, интимные партнеры (не всегда семья))	Телефон, компьютер – установленные в них программы социальных коммуникаций (whatsApp, viber, scype и т.д.)	Для понимания того где и чем занят человек, для доверительного общения, для постоянного желания «быть на связи»
Родственный круг (родители, братья, сестры, дети, тети, дяди, бабушки, дедушки и т.д.)	Программы для социальных коммуникаций, установленные на телефоне (whatsApp, viber, scype и т.д.)	Для социального контроля поведения, отслеживания родственного контроля (оценка поведения через нормы морали, нравственности, закона)
Коллеги	Как правило, общая группа компании в социальных сетях или на сайте компании. А также чат для общения среди коллег в одном из мессенджеров (whatsApp, viber, scype и т.д.)	Для поднятия командного духа, корпоративной культуры, профессионального единства (если инициируется руководством). Для неформального взаимодействия и сбор неофициальной информации (сплетни) (если инициируется самими сотрудниками)
Соседи	Чат для общения среди жильцов одного дома (соседей) в одном из мессенджеров (whatsApp, viber, scype и т.д.)	Для быстрой коммуникации с соседями для решения оперативных задач по эксплуатации жилого и не жилого пространства многоквартирных домов.
Жители одного города / села;	Общение на официальном сайте города или на площадках неофициальных страниц города; социальных сетях	Для социальных контактов жителей города, усиления территориальной идентичности, реализация желаний в плане социального благоустройства и социальной активности жителей того или иного города или села.
Представители одной со мной национальности / разных национальностей; религии / разных религий; культуры / разных культур)	Общение в общем чате на странице социальных сетей или сайте	Для укрепления национальной, культурной, религиозной идентичности и социальной поддержки в принимающем обществе. Укрепления национально-культурного взаимодействия и духа народа .
Мужчины / женщины	Регистрация на специализированных сайтах по интересам	Для усиления и развития качеств мужчины или женщины в себе. Самоидентификация в гендерной роли и предъявление себя.
Профессиональные сообщества	Регистрация на специализированных сайтах по профессиональным интересам, в профессиональных и экспертных сообществах в социальных сетях	Для заявления о себе в профессиональном кругу, для развития необходимости знать ключевые профессиональные тенденции и представителей уже сложившейся бизнес-элиты.
Сообщества по интересам (хобби) и т.д.	Регистрация на специализированных сайтах по интересам, в профессиональных и экспертных сообществах в социальных сетях	Для того, чтобы поделиться своим опытом, узнать опыт других и использовать его для совершенствования своих знаний.

Взаимодействие с близкими друзьями и интимными партнерами становится ориентиром доверительного общения. Чем младше респонденты, тем больше они готовы публично обсуждать особенности социальных отношений с данной группой (в общественном транспорте по телефону, в социальных сетях, фиксируя на фото и видео носители информации, доказывающую те или иные аспекты их контактов и т.д.), чем старше поколение, тем более закрыто оно для пу-

бличного освещения близких контактов (табл. 2).

Иными словами, информационное общество делает более молодое поколение более свободным от ограничивающих норм морали, не ставит во главу угла «социальные приличия», одобряемые или не одобряемые формы и стратегии поведения; фиксирует внимание на индивидуальных желаниях и стратегиях поведения, без учета интересов общест-

Таблица 2. Особенности взаимодействия с близкими друзьями и интимными партнерами через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)	Среднее поколение (36–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Сближает и создает интимную закрытую обстановку	13,7	32,1	54,2
Позволяет быть более внимательным и чутким к близким людям	24,6	39,7	35,7
Делает ближе друг к другу и позволяет не обращать внимания ни на кого вокруг	58,7	31,2	10,1

Общение с родственным кругом людей (члены семьи с разной степенью открытости и частотой взаимодействия) не однородно для разных поколений. Для молодых людей является данью традиции и коммуникации осуществляются «по привычке», «так принято» или из желания избежать негативных оценок и комментариев со стороны родственников и окружения старшего возраста. Для людей среднего возраста выступает формой социального контроля младшего поколения (детей) и заботы о стар-

шем поколении (родители) и вызвана беспокойством за жизнь и социальные контакты первых и вторых. Не всегда представители среднего возраста испытывают удовлетворение от такого положения вещей, так как это требует постоянного контроля и оценки происходящих событий, что далеко не всегда удается. Для людей старшего возраста общение с младшими членами семьи выступает формой заботы и внимания, позволяет им поддерживать связь с внешним миром (табл. 3).

Таблица 3. Особенности взаимодействия с родственным кругом людей через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)	Среднее поколение (36–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Общение с родственниками – это дань традиции и принятым культурным связям и отношениям	73,2	22,1	4,7
Общение с родственниками – это форма реализации своей социальной роли	26,8	49,9	23,3
Общение с родственниками – это забота и внимание к близким и инструмент поддержки социальных связей с внешним миром	14,5	37,9	47,6

Информационные технологии в данных социальных отношениях выступают инструментом, облегчающим социальные контакты. Позволяют реализовать социальные роли, обеспечивать социальный статус и форму социальных коммуникаций.

Взаимодействие с коллегами через новые информационные технологии осуществляется по мере необходимости и выполнения производственных задач, для оптимальной связи по ра-

бочим моментам (младшее и среднее поколение), среди представителей старшего поколения, кто работает – это в большей степени неформальные связи с коллегами, а рабочие моменты чаще обсуждаются лично (это как фиксация особенностей коммуникации представителей разных поколений; табл. 4).

Информационные средства связи в данной социальной коммуникации выступают акцентом внимания важности

формата взаимодействия и использования коммуникационных функций для удовлетворения собственных задач и потребностей.

Таблица 4. Особенности взаимодействия с коллегами через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18-35 лет)	Среднее поколение (36-55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Взаимодействие только по рабочим моментам для оперативного решения задач	62,5	31,2	6,3
Решение актуальных рабочих моментов, отслеживание общего состояния в коллективе	39,4	47,8	13,7
Взаимодействие по личным и социальным моментам для поддержания хороших личных отношений и психологического климата в организации, снятия конфликтов и эмоционального напряжения	12,3	33,1	54,6

Общение с соседями для младших поколений – инструмент взаимодействия для решения актуальных задач без траты времени на личные встречи, а для

старшего поколения – это форм общения, социальной активности и включенности в общественную жизнь малого общества дома или двора (табл. 5).

Таблица 5. Особенности взаимодействия с соседями через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18-35 лет)	Среднее поколение (36-55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Форма экономии личного времени для решения актуальных задач	42,4	55,5	2,1
Пространство удаленного решения актуальных вопросов	36,9	52,2	10,9
Способ дополнительного присутствия и важности в социальном сообществе	6,5	34,2	59,3

Информационные технологии выступают инструментом связи, для одних быстрого и не затратного по времени, месту и иным ресурсам каналу, для других форма присутствия в общественной жизни (могут срабатывать мотивы от избегания одиночества и ощущения чувства нужности до реализации социальных притязаний, публичности и известности в узких кругах).

Взаимодействие с жителями одного города или села формирует территориальную идентичность, социальную солидарность или разобщенность жителей одного пространства. Для представителей разных поколений, данная форма социального взаимодействия через информационные технологии и социаль-

ные коммуникации позволяет решать важные территориальные вопросы (как негативного характера, так и направленные на развитие патриотизма и любви к малой Родине; табл. 6).

Информационные технологии в социальных отношениях с данной группой выступают инструментом фиксирующим сообщества «своих» и «чужих», понимание на когнитивном, аффективном и деятельностном уровне что и как объединяет, а что разобщает жителей определенной территории. Представителей данной группы социальных отношений легко спровоцировать на какие-то действия в онлайн или офлайн форматах, так как они высоко замотивированы на социальное развитие.

Таблица 6. Особенности взаимодействия с жителями одного города или села через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)	Среднее поколение (36–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Позволяет узнавать о достижениях и проблемах нашей территории оперативно	34,6	36,7	28,7
Формирует круг небезразличных, патриотичных и социально активных граждан	35,9	42,2	21,9
Определяет особенные черты менталитета, характерные для жителей города / села или региона или страны в целом	33,7	38,6	27,6

Взаимодействие с представителями одной со мной национальности / разных национальностей; религии / разных религий; культуры / разных культур) формирует внутреннее единство, связь по-

колений и возможности сохранения своей культуры в новой социальной среде. Это социальное взаимодействие также достаточно равномерно распределено по разным поколениям (табл. 7).

Таблица 7. Особенности взаимодействия с представителями одной со мной национальности / разных национальностей; религии / разных религий; культуры / разных культур) через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)	Среднее поколение (36–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Информационные технологии позволяют всегда быть вместе, даже если далеко друг от друга, поддерживать и помочь при необходимости	24,7	38,8	36,5
Информационные технологии позволяют контролировать отдельных представителей национальных, культурных, религиозных сообществ	26,4	33,7	39,9
Информационные технологии позволяют пресекать конфликты и сглаживать острые углы социальных коммуникаций	27,8	38,9	33,3

Инструментом социальных взаимодействий выступают именно новые социальные технологии, позволяя всегда быть «на связи» с представителями «своих» сообществ, для оперативного решения личных, социальных, профессиональных и иных задач социальной коммуникации.

Информационные технологии для выстраивания социального взаимодействия мужчин и женщин позволяет говорить о не одинаковом использовании современных средств социальных коммуникаций. Для женщин они имеют значение в личной реализации и выстраивании личных связей (больше личного общения с родственниками, друзьями, коллегами, соседями), для мужчин бо-

лее отстраненное формальное взаимодействие, хотя в формате досуга и отдыха более разнообразно и неоднозначно (табл. 8).

Инструментом, которым наиболее часто пользуются мужчины и женщины выступают различные социальные сети и мессенджеры для общения, сайты знакомств и проч. Объясняют это удобствами, быстротой и оперативностью получения обратной связи и более уверенного самочувствия при осуществлении социальных контактов, хотя содержание такого взаимодействия надолго не остается в памяти, так как чаще посвящено не значимым темам, т.е. поверхностное не глубокое взаимодействие, не имеющие серьезных последствий.

Таблица 8. Особенности взаимодействия мужчин и женщин через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)	Среднее поколение (36–55 лет)	Старшее поколение (56 лет и старше)
Быстрота и оперативность знакомства и решения необходимых задач и потребностей	47,6	37,8	14,6
Постоянно быть на связи и включенным в социальные коммуникации	42,1	42,3	15,6
Не желание разбираться в причинах, устранение внешних последствий и социальных ориентиров притягательного поведения и позиционирования	46,2	40,4	13,4

Достаточно близки по особенностям использования информационных достижений и выстраивания социального взаимодействия в профессиональных сообществах и сообществах по интересам. Более младшее поколение имеет больше увлечений, поэтому более выра-

жена значимость данного критерия, чем у старших поколений. Оценки профессионализма более важны среди представителей среднего поколения – так как приоритет социальных связей изначально определен через профессиональную реализацию (табл. 9).

Таблица 9. Особенности взаимодействия в профессиональных сообществах и сообществах по интересам через новые информационные технологии (в %)

Критерий	Младшее поколение (18–35 лет)		Среднее поколение (36–55 лет)		Старшее поколение (56 лет и старше)	
	Профессиональные	Хобби	Профессиональные	Хобби	Профессиональные	Хобби
Погружение в профессиональную среду своей специальности или хобби	8,9	23,3	66,7	43,6	24,4	33,1
Знакомство с профессионалами / экспертами в интересующей сфере и области знаний	42,3	39,8	47,8	51,1	9,9	9,1
Личные ориентиры (примеры) развития	40,6	41,3	38,9	42,2	17,2	16,5

Инструментами социальных связей для профессиональных сообществ и социального взаимодействия в рамках хобби выступают форумы, мессенджеры, социальные сети и профильные сайты. Информационные достижения как технического, так и коммуникационного плана позволяют облегчить установление контактов и вывести на новый уровень социального взаимодействия.

Итак, социальные отношения в современном обществе зависят от развития технических и коммуникационных

форм развития информационных технологий, позволяют определить основные приоритеты и форматы социально-коммуникационного взаимодействия представителей различных сообществ.

Более того, социальные отношения в информационном обществе все больше и больше переносятся в виртуальное пространство. Это не только знакомство, но и реальное общение близких людей, которое осуществляется в цифровом мире. Это касается как реальных родственников, так и сообщества друзей, профес-

сиональные сообщества и сообщества по интересам, а также взаимодействие по принципу культурных, национальных и религиозных связей.

Профессионализм выстраивается, в том числе и в виртуальном мире, что усиливает связи в социальных отношениях в цифровом пространстве, позволяет расширять возможности развития профессионализма и экстренности, новых форматов взаимодействия с коллегами, конкурентами и клиентами.

Досуг в информационной среде и выстраиваемые социальные отношения также зависят от виртуального общения. Это сказывается на взаимоотношениях в семье и круге друзей, соседей и коллег в гендерном разобщении и солидарности в тематических сообществах.

Литература

1. Ардашев Р.Г. Воздействие СМИ на иррациональность общественного сознания // Социология. 2021. № 3. С. 53–61.
2. Ардашев Р.Г. Иррациональность общественного сознания: анализ повседневных практик // В поисках социальной истины. Материалы II Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией О.А. Полюшкевич, Г.В. Дружинина. 2020. С. 112–115.
3. Ардашев Р.Г. Конфликт иррациональности сознания современного человека // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке. Сборник материалов XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения – 2020». Москва, 2020. С. 13–15.
4. Ардашев Р.Г. Метаморфозы сознания: образы идентичности в виртуальном пространстве // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 25–28.
5. Ардашев Р.Г. Новые смыслы в сознании молодежи: влияние виртуальности // В поисках социальной истины. материалы III Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2021. С. 152–156.
6. Ардашев Р.Г. Особенности сознания россиян: стратегии восприятия будущего // Социология. 2021. № 2. С. 60–67.
7. Ардашев Р.Г. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2021. № 5. С. 31–34.
8. Иванов Д.В., Асочаков Ю.В., Богомякова Е.С. Включенность в интернет-коммуникации и креативность в социальных сетях как показатели социального развития // Журнал социологии и социальной антропологии, 2021. № 24(2), С. 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>
9. Полюшкевич О.А. Виртуальная самопрезентация в период пандемии COVID-19 и после ее // Гуманитарное знание и духовная безопасность. Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции. Грозный – Махачкала, 2020. С. 303–307.
10. Полюшкевич О.А. Виртуальная составляющая социальной идентичности // Социальная реальность виртуального пространства. материалы II Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2020. С. 10–25.
11. Полюшкевич О.А. Иррациональные основы формирования социальной идентичности под влиянием виртуальности // Социология. 2020. № 5. С. 163–176.
12. Полюшкевич О.А. Поствиртуальность повседневного публичного пространства города // Управление городом: теория и практика. 2019. № 3 (34). С. 3–10.

THE INFLUENCE OF THE INFORMATION SOCIETY ON SOCIAL RELATIONS

Maslodudova N.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyzes the theoretical foundations for the development of the information society

(the concepts of G. McLuhan, E. Toffler, E. Castells) through the practical conditions and mechanisms for the development of social relations. The space of social communications in the information society is being built. On the basis of the study, the dynamics and key characteristics of the impact of the information society on the social relations of various social groups are revealed.

Keywords: information society, social relations, social dynamics, progress, virtualization, digitalization, social communications.

References

1. Ardashev R.G. The impact of the media on the irrationality of public consciousness // *Sociology*. 2021. No. 3. S. 53–61.
2. Ardashev R.G. The irrationality of public consciousness: an analysis of everyday practices // In search of social truth. Materials of the II International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of O.A. Polyushkevich, G.V. Druzhinin. 2020. S. 112–115.
3. Ardashev R.G. The conflict of the irrationality of the consciousness of modern man // Traditional and new social conflicts in the XXI century. Collection of materials XIV International Scientific Conference "Sorokin Readings – 2020". Moscow, 2020. S. 13–15.
4. Ardashev R.G. Metamorphoses of Consciousness: Images of Identity in Virtual Space // *Social Reality of Virtual Space*. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 25–28.
5. Ardashev R.G. New meanings in the minds of young people: the influence of virtuality // In search of social truth. materials of the III International scientific-practical conference. Irkutsk, 2021, pp. 152–156.
6. Ardashev R.G. Peculiarities of Russian Consciousness: Strategies for Perceiving the Future // *Sociology*. 2021. No. 2. S. 60–67.
7. Ardashev R.G. Transformation of youth consciousness in the era of virtuality // *Alma Mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2021. No. 5. S. 31–34.
8. Ivanov D.V., Asochakov Yu.V., Bogomyagkova E.S. Inclusion in Internet communications and creativity in social networks as indicators of social development // *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2021. No. 24(2), pp. 56–80. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.2.3>
9. Polyushkevich O.A. Virtual self-presentation during the COVID-19 pandemic and after it // *Humanitarian knowledge and spiritual security*. Collection of materials of the VII International scientific-practical conference. Grozny – Makhachkala, 2020, pp. 303–307.
10. Polyushkevich O.A. Virtual component of social identity // *Social reality of virtual space*. materials of the II International scientific-practical conference. Irkutsk, 2020. S. 10–25.
11. Polyushkevich O.A. Irrational foundations of the formation of social identity under the influence of virtuality // *Sociology*. 2020. No. 5. S. 163–176.
12. Polyushkevich O.A. Post-virtuality of everyday public space of the city // *City management: theory and practice*. 2019. No. 3 (34). pp. 3–10.

Социология туризма в РФ: обзор публикаций за 2012–2021 гг.

Махова Ксения Борисовна,

аспирант кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: mkb-science@yandex.ru

Статья посвящена фронтальному контент-анализу публикаций по социологии туризма в российском научном поле в период с 2012 по 2021 гг. Представлен краткий тематический обзор диссертаций и статей, опубликованных в этот период. Исследователи проявляют стабильный интерес к туризму, хотя данная проблематика является для социологов далеко не популярной.

Ключевые слова: туризм, социология туризма, исследования туризма, контент-анализ.

Изначально туристические поездки были привилегией высших классов стран Европы, потом, с конца XIX века, они стали доступны средним классам из США и стран Западной Европы, а в конце XX и начале XXI века – и средним классам многих других стран мира, включая Россию. Чем благополучнее состояние экономики государства, тем больше развит внутренний и внешний туризм. Явным примером этой закономерности является Китай. Он становится богаче – и его граждане активно путешествуют по всему миру.

Возможность путешествовать продолжает оставаться маркером социального статуса. Туризм сформировался не только как социальный институт, но и как важная отрасль потребления. Исследовать туризм как социальный феномен крайне важно, поскольку здесь воспроизводится социальная структура общества.

«Социология туризма – это особая отрасль социологического знания, изучающая туристские мотивацию, роли, отношения и институты и их влияние на туристов и на общественность, которая принимает их», – пишет израильский социолог Э. Коэн [цит. по: 15].

Социологические исследования туризма в России имеют относительно недавнюю историю. Чаще всего туристическая деятельность становилась объектом интереса экономистов, и сейчас в общем объеме публикаций по данной проблематике доминируют именно работы с экономическим уклоном. Однако интерес к данной области социологии у авторов присутствует: по данной тематике написаны диссертации, статьи в научных журналах, монографии и программы учебных курсов.

Цель данной работы – на основе авторефератов диссертаций и научных статей рассмотреть становление социологии туризма как отрасли социологического знания за последние 10 лет.

В качестве метода исследования выступил фронтальный контент-анализ, характеризующий информационное поле в определенный период времени и выявляющий содержательную динамику. Единица анализа – текстовая публикация.

Для изучения были использованы авторефераты диссертаций, поступившие в Российскую государственную библиотеку с 2012 по 2021 годы по специальности ВАК РФ 22.00.00 Социологические науки. Обращение к единому электронному каталогу Российской государственной библиотеки (далее – РГБ) обусловлено тем, что в рамках процедуры представления к защите соискатель обычно передает туда автореферат диссертации.

С 2012 по 2021 годы по специальности ВАК РФ 22.00.00 «Социологические науки» в РГБ поступило 20 работ, тематически относящихся к социологии туризма, из них – 17 диссертаций на соискание степени кандидата социологических наук и 3 диссертации на соискание степени доктора социологических наук.

Наибольшее количество диссертаций написано по специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» – 7 работ, далее следует по 6 диссертаций по специальностям 22.00.06 «Социология культуры, духовной жизни» и 22.00.08 «Социология управления» соответственно, а также одна работа по специальности 22.00.03 «Экономическая социология и демография».

Если рассматривать временной континуум, то наибольшее количество диссертаций представлено к защите в 2012 г. (6 работ), далее в 2016 г. – 4 диссертации, в 2017 г. – 3 работы, в 2014 и 2015 гг. по 2 диссертации, в 2013 г. – одна работа. Всплеск защит диссертаций по социологии туризма в 2012 году можно связать со стремлением авторов осмыслить трансформации социального института туризма после мирового кризиса 2008 года, поскольку представленные в 2012 году диссертации посвящены, как правило, макросоциальным аспектам туризма. Обращаясь к геогра-

фическому распределению мест защиты диссертаций по социологии туризма, не представляется возможным предположить о формировании научной школы, поскольку защиты проходили в совершенно разных уголках нашей страны: от Москвы до Майкопа.

Обзор содержания диссертаций показал, что авторы демонстрировали разносторонний интерес к сфере туризма, изучая это явление как с точки зрения социального института [6; 12; 3], так и с позиции анализа отдельных видов туризма (экологического, молодежного, культурного, медицинского) [8; 14; 13; 2]. Практически треть работ, представленных к защите с 2012 по 2021 гг., посвящена управленческим аспектам туризма, поскольку российский социальный институт туризма нуждается в активной разработке моделей управления и законодательного регулирования ввиду того, что прошло относительно немного времени после прекращения существования советского туризма и потери части инфраструктуры некогда союзных государств. Почти каждая работа содержит обращение к феномену глобализации, так как это является яркой характеристикой периода, в плоскости которого написаны диссертационные работы.

Для поиска статей использовалась научная электронная библиотека «КиберЛенинка», где было отобрано 150 статей. Критериями отбора служили годы публикации – 2012–2021 гг., раздел «Социологические науки», термины «туризм» и «туристический» – они должны были быть либо частью названия статьи, либо в аннотации, либо в числе ключевых слов. Из выборочной совокупности исключались публикации, которые содержательно не относились к социологии туризма в РФ, а также рецензии на книги, поскольку не отражали исследовательский интерес.

Если рассматривать динамику публикации статей, то больше всего работ было издано в 2016 г. (20 публикаций), далее – в 2021 г. (19 публикаций), в 2020 г. – 17 публикаций, в 2014 г. – 15 публикаций, в 2017 и 2012 гг. – по 14 публикаций, в 2019, 2015, 2013 – по 13

публикаций, меньше всего работ (12 публикаций) – в 2018 г. В целом публикационная активность авторов имела достаточно равномерный характер.

Чаще всего исследователи рассматривали отдельные виды туризма – в 39% публикаций. Среди них 15% отводится социальному туризму [17; 18]. Авторов интересует сама концепция данного вида туризма, специфика его становления в отечественном поле, проблемы финансирования, факторы и программы развития. Международный туризм упоминается в 8% публикаций: авторов привлекают темы въездного и выездного туризма, последствия санкций и пандемии коронавируса [1; 11]. Оставшаяся доля статей обращена к отдельным видам туризма: спортивному, сельскому, горному, патристическому, медицинскому, экстремальному, культурно-познавательному, событийному, литературному, экскурсионному, приключенческому.

Региональным аспектам туристической деятельности посвящены 26% статей. Авторы здесь изучали современное состояние, проблемы, перспективы развития туризма в тех или иных субъектах РФ, оценивали туристическую привлекательность местных туристских дестинаций. Стоит отметить, что в этом тематическом блоке внимание уделяется не только традиционно курортным регионам, в частности, Краснодарскому краю и Сочи, но и другим – Республике Башкортостан, Владимирской, Волгоградской, Саратовской областям [9; 10]. К сильным сторонам туристического потенциала регионов исследователи, как правило, относят природные ресурсы и культурное наследие. В числе ограничений туристического потока называют слабо развитый гостиничный фонд, сложность в привлечении инвесторов, низкий уровень сервиса, отсутствие туристического имиджа.

Доля статей, посвященных туризму как социальному явлению, составляет 17%. Исследователи рассматривают туризм как объект социологического анализа, социоэкономическое явление, социальный институт, фактор роста бла-

гополучия, уделяют внимание структуре социального пространства туризма. Здесь авторы размышляют о феномене «праздного класса», влиянии постиндустриальной эпохи, цифровизации, пандемии коронавируса [7; 5].

В 15% публикациях туризм исследуется с точки зрения определенных социально-демографических групп: дети, молодежь, пенсионеры [16; 4; 19]. В этом тематическом блоке наибольшую долю составляют публикации о молодежном туризме. Внимание исследователей приковано к молодежи, поскольку она составляет наиболее активную группу населения, в том числе и в плане путешествий. Образ пенсионера в России далек от западной модели энергичного туриста, пожилые люди традиционно занимаются внуками, своим домом и придомовым хозяйством, кроме этого, качество жизни данной группы населения, как правило, снижается при выходе на пенсию. Детско-юношеский туризм изучается здесь как элемент воспитания здорового ребенка.

Вопросам инклюзии отводится место в 8% статей. Авторы обращают внимание на важность распространения безбарьерного туризма, его правовые основы, создание необходимой инфраструктуры [8]. Актуальность развития инклюзивного туризма обусловлена потребностью в повышении качества жизни лиц с ограниченными возможностями.

Остальные статьи вошли в категорию «другое», составляющую 7%. Здесь оказались публикации, которые не поддавались типологизации. Например, статьи о кадровом обеспечении туристской отрасли, взгляде социолога на российского туроператора, особенностях государственной политики в области туризма.

Прежде, чем перейти к заключению, хотелось бы отметить ограничения проведенной работы. Авторефераты диссертаций и статьи отбирались вручную, без использования специальных программ, часть работ могла остаться незамеченной, поскольку не соответствовала параметрам поиска или была проиндексирована неверно. База КиберЛенинки

не является всеохватывающей – сама платформа также ограничила исследование.

Российские авторы на протяжении последних 10 лет демонстрируют устойчивый интерес к социологии туризма. Регулярно выходят статьи по соответствующей тематике и защищаются диссертации.

Зачастую ученые ориентируются на практическую сторону туризма, оставляя без внимания фундаментальное изучение элементов туристической деятельности. Данное положение позитивно отражается на практической значимости работ. Однако для того, чтобы туризм перестал быть периферией социологической науки, необходимо больше работ, посвященных всеобъемлющему теоретическому анализу данного социального феномена.

Литература

1. Аникин О.Б., Абрамова Н.А. Последствия санкций в сфере туризма для России // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2014. – № 44. – С. 74–80.
2. Бахтин В.А. Этнокультура медицинского туризма: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06; [Место защиты: Волгоградский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации]. – Волгоград, 2020. – 25 с.
3. Васильченко Е.В. Туризм в системе социально-культурного взаимодействия студенческой молодежи: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06; [Место защиты: Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т]. – Тюмень, 2013. – 29 с.
4. Донскова Л.И., Редькин А.Г., Отто О.В., Макаров А.А., Мягкова Е.В. Молодежный туризм как сегмент социального туризма в российском регионе: теория и практика // Сервис+. – 2019. – № 3. – С. 10–20.
5. Дусенко С.В. Генезис и структура социального пространства туризма // Вестник НГУЭУ. – 2014. – № 3. – С. 345–351.
6. Дусенко С.В. Структура и функция социального пространства туризма: социологический анализ: автореферат дис. ... доктора социологических наук: 22.00.04; [Место защиты: Тихоокеан. гос. ун-т]. – Хабаровск, 2014. – 43 с.
7. Ефремова Д.В. Трансформации института туризма в обществе потребления на фоне пандемии коронавируса 2020 // ИСОМ. – 2021. – № 1. – С. 36–51.
8. Звягина Е.С. Экологический туризм как фактор изменений особо охраняемых природных территорий (ООПТ) Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – Москва, 2015. – 24 с.
9. Зоткин Д.В., Акаев Д.В. Развитие туризма в социально-экономическом пространстве Саратовской области: социологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. – 2018. – № 1. – С. 71–78.
10. Кабанова Е.Е., Ветрова Е.А. Оценка туристических возможностей Владимирской области // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – № 4. – С. 12–17.
11. Карпова Г.А., Валеева Е.О. Проблемы и перспективы развития туризма в условиях пандемии // Известия СПбГЭУ. – 2021. – № 1 (127). – С. 97–104.
12. Луганская Е.В. Институциональный анализ российской сферы туризма: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04; [Место защиты: Краснодар. ун-т МВД России]. – Краснодар, 2012. – 22 с.
13. Максимова Е.В. Культурный туризм в системе социализации лиц с ограниченными возможностями здоровья: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.06; [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. – Москва, 2017. – 24 с.
14. Насибова И.Н. Молодежный туризм как агент формирования патриотизма в молодежной среде российского общества: социализационный потен-

- циал и оценка его эффективности: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04; [Место защиты: Юж. федер. ун-т]. – Ростов-на-Дону, 2016. – 39 с.
15. Новгородцева А.Н. Становление теории туризма в зарубежной и отечественной практике // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-teorii-turizma-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-praktike> (дата обращения: 21.11.2022).
 16. Сарайкина С.В., Емельянова Н.А., Нехаева Н.Е. Социальное значение детского туризма в регионе // Региология. 2017. – № 4 (101). – С. 573–587.
 17. Стрижова О.С., Праздников Н.Н. Социальный туризм в России: проблемы и перспективы развития // Наука и туризм: стратегии взаимодействия. 2014. – № 1. – С. 64–68.
 18. Харьковская Е.В., Ефремова Н.В. Современное состояние и проблемы развития социального туризма: региональный аспект // Наука. Искусство. Культура. 2017. – № 2 (14). – С. 115–119.
 19. Шерешева М.Ю., Полянская Е.Е. Туризм третьего возраста: предпочтения, требования, ограничения // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-tretiego-vozrasta-predpochteniya-trebovaniya-ogranicheniya> (дата обращения: 21.11.2022).
 20. Якименко М.В., Русева О.З. Обзор современного состояния и перспективы развития инклюзивного туризма в России: формирование комплексного представления // Сервис в России и за рубежом. 2021. – № 3 (95). – С. 27–36.
- gy of tourism published from 2012 to 2021. The author performed the brief thematic review of the dissertations and the articles published during this period. The sociologists demonstrate the sustainable interest in tourism, although this issue is not popular for them.

Keywords: tourism, sociology of tourism, tourism research, content analysis.

References

1. Anikin O.B., Abramova N.A. (2014) Sanctions consequences in the tourism sphere for Russia. *Economics and Modern Management: theory and practice.* – No. 44. – pp. 74–80. (In Russ.)
2. Bakhtin V.A. (2020) Ethnoculture of medical tourism. Extended abstract of candidate's thesis. – Volgograd. – 25 p. (In Russ.)
3. Vasilchenko E.V. (2013) Tourism in the system of socio-cultural interaction of student youth. Extended abstract of candidate's thesis. – Tyumen. – 29 p. (In Russ.)
4. Donskova L.I., Redkin A.G., Otto O.V., Makarov A.A., Myagkova E.V. (2019) Youth tourism as social tourism segment in the Russian region: theory and practice. *Service +.* – No. 3. – pp. 10–20. (In Russ.)
5. Dusenko S.V. (2014) Genesis and structure of social space tourism. *Bulletin of the NGUEU.* – No. 3. – pp. 345–351. (In Russ.)
6. Dusenko S.V. (2014) Structure and function of the social space of tourism: sociological analysis. Extended abstract of Doctor's thesis. – Khabarovsk. – 43 p. (In Russ.)
7. Efremova D.V. (2021) Transformation of the institute of tourism in the consumer society in the background of the COVID-192020. *ISOM.* – No. 1. – pp. 36–51. (In Russ.)
8. Zvyagina E.S. (2015) Ecological tourism as a factor of changes in specially protected natural territories (protected areas) Of the Russian Federation. Extended abstract of candidate's thesis. – Moscow. – 24 p. (In Russ.)
9. Zotkin D.V., Akaev D.V. (2018) Development of tourism in the socio-economic space of the Saratov region: a sociological analysis // *Central Russian Bulletin of Social Sciences.* – No. 1. – pp. 71–78. (In Russ.)
10. Kabanova E.E., Vetrova E.A. (2017) Assessment of tourist opportunities of the Vladimir region // *Socio-economic phenomena and processes.* – 2017. – No. 4. – pp. 12–17. (In Russ.)
11. Karpova G.A., Valeeva E.O. (2021) Challenges and prospects for tourism in the pan-

SOCIOLOGY OF TOURISM IN RUSSIA: REVIEW OF PUBLICATIONS FROM 2012 TO 2021

Makhova K.B.

Lomonosov Moscow State University

The article is dedicated to the frontal content analysis of Russian publications on the sociolo-

- demic. *Izvestiya SPbGEU*. – № 1 (127). – pp. 97–104. (In Russ.)
12. Luganskaya E.V. (2012) Institutional analysis of the Russian tourism sector. Extended abstract of candidate's thesis. – Krasnodar. – 22 p. (In Russ.)
 13. Maksimova E.V. (2017) Cultural tourism in the system of socialization of persons with disabilities. Extended abstract of candidate's thesis. – Moscow. – 24 p. (In Russ.)
 14. Nasibova I.N. (2016) Youth tourism as an agent of patriotism formation in the youth environment of Russian society: socialization potential and evaluation of its effectiveness. Extended abstract of candidate's thesis. – Rostov-on-Don. – 39 p. (In Russ.)
 15. Novgorodtseva A.N. (2009) Forming of the tourism theory in foreign and domestic practice. *Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen*. No. 115. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-teorii-turizma-v-zarubezhnoy-i-otechestvennoy-praktike> (accessed: 21.11.2022). (In Russ.)
 16. Sarakina S.V., Emelyanova N.A., Nekhaeva N.E. (2017) Social importance of children's tourism in a region. *Regionology*. – No. 4 (101). – pp. 573–587. (In Russ.)
 17. Strizhova O.S., Prazdnikova N.N. (2014) Social tourism in Russia: challenges and opportunities of development. *Science and tourism: strategies of interaction*. – No. 1. – pp. 64–68. (In Russ.)
 18. Kharkivskaya E.V., Efremova N.V. (2017) Current status and problems of social tourism: a regional aspect. *Science. Art. Culture*. – No. 2 (14). – pp. 115–119. (In Russ.)
 19. Sheresheva M.Y., Polyanskaya E.E. (2017) Senior tourism: preferences, requirements, restrictions. *Public administration. Electronic bulletin*. – No. 61. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turizm-tretyego-vozrasta-predpochteniya-trebovaniya-ogranicheniya> (accessed: 21.11.2022). (In Russ.)
 20. Yakimenko M.V., Ruseva O.Z. (2021) Review of the current state and development prospects of inclusive tourism in Russia: creating an integrated representation. *Service in Russia and abroad*. – No. 3 (95). – pp. 27–36. (In Russ.)

Безопасность в общественном транспорте как фактор привлекательности общественного мнения

Медведев Андрей Витальевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры «Транспортные и технологические системы» ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»
E-mail: medvedevav@tyuiu.ru

Медведев Роман Андреевич,

студент, Национальный исследовательский Томский политехнический университет
E-mail: romanmedff@gmail.com

Работа посвящена безопасности в общественном транспорте, как фактору повышения привлекательности для его использования населением. В работе речь идёт в основном о городском транспорте, являющимся основным способом передвижения для большинства россиян. Иные виды транспорта затрагиваются частично. Актуальность исследования данной темы обусловлена социально-экономическими, экологическими и другими проблемами, сопутствующими массовой автомобилизации, а также курсом государства на существенное снижение личного транспорта в долгосрочной перспективе. Эмпирическую основу статьи составляют базы данных с результатами исследований по транспортной тематике, проведённых ВЦИОМом. Характеризуя существующие тренды в городском транспорте рассмотрены такие аспекты, как частота использования населением различных видов транспорта, их рейтинг среди населения, удовлетворённость поездками. Показана оценка населением перемен в работе общественного транспорта, основные аспекты, на которые ориентируются респонденты при выборе основного вида транспорта. Анализируя вопросы безопасности, показана удовлетворённость населения деятельностью органов власти по обеспечению безопасности населения на транспорте. Показан рейтинг общественного транспорта с точки зрения опасности, рассмотрены причины опасений по различным его видам.

Ключевые слова: Личный транспорт, общественный транспорт, безопасность, городская мобильность, социологическое исследование.

Актуальность. В условиях тотальной автомобилизации современного глобального социума, практически все развитые страны находятся в процессе поиска способов ограничения использования личного транспорта. В ряде случаев ограничения носят принудительный характер. Например, в крупных мегаполисах США, Европы и Китая для решения проблемы пробок на дорогах существуют ограничения проезда автомобилей с четными и нечетными номерами в разные дни недели.

В России ограничение использования личного автомобильного транспорта населением нашло отражение в Транспортной стратегии России до 2035 года – рамочном документе, принятом в конце 2021 года. Стратегия включает долгосрочные планы по развитию автомобильного, железнодорожного, водного, воздушного и других видов транспорта на ближайшие 13 лет [4]. Мероприятия программы направлены на минимизацию использования транспорта с неэкологичными двигателями, установкой контроля за шумовыми загрязнениями, тотальном наращивании станций для зарядки электромобилей, совместном использовании гражданами транспортных средств, ограничения использования личных автомобилей и стимулирование использования общественного транспорта.

Безопасность общественного транспорта – очень широкое понятие, включающее в себя множество аспектов: технических, социально-экономических, юридическо-правовых, и др. [7]. С точки зрения социально-гуманитарных наук и урбанистики, восприятие населением безопасности общественного транспорта является одним из ключевых фактором, обуславливающим его использование [3]. Так, по результатам исследований ВЦИОМ, отвечая на вопрос о критериях, на которые будут обращать внимание респонденты, при вы-

боре альтернативного вида транспорта, на первое место вышла безопасность (41%), на второе – стоимость поездки (39%), а третье и четвертое места разделили варианты «комфорт поездки в целом» и «скорость поездки» (по 38%). Особо потребность в безопасности акцентирована для респондентов с детьми – наиболее высокие значения характерны для участников опроса с детьми до 6 лет и от 7 до 12 лет (по 46%). [1]

Учитывая вышесказанное, проблематика изучения восприятия россиянами безопасности общественного автотранспорта представляется актуальной социологической задачей.

Методология и методика исследования. Теоретико-методологические основания изучения городского общественного транспорта были заложены классиками социологии. Рассматривая город как пространство социального взаимодействия и место столкновения общественных интересов, транспорт представлялся большинством исследователей как неотъемлемая его часть, выполняющая множество функций.

В структурном функционализме Т. Парсонса общественному транспорту отводится роль стабилизатора порядка в социальной системе, который функционирует посредством ценностно-нормативной структуры индивидов. В русле феноменологического подхода функции общественного транспорта эволюционируют от мобильности, к средству освоения пространства. В социальной философии П. Бурдьё этот подход нашёл отражение в идее хабиитуализации общественного транспорта. Ученый определил пространство как благо, освоение которого осуществляется через особую форму капитала: общественный транспорт.

К числу наиболее заметных отечественных работ следует отнести диссертационные исследования, реализованные саратовской социологической школой. Это, в частности работа Н.В. Сорокиной, которая рассматривает городской общественный транспорт с позиции социокультурного феномена [5], работа О.В. Бочаровой исследовавшей функци-

онирование общественного транспорта в социальном пространстве города [2] и др. Ведущие исследовательские социологические центры России периодически проводят общероссийские репрезентативные опросы по транспортной теме.

Для подготовки настоящей работы мы использовали метод вторичного анализа данных. В качестве эмпирического материала были использованы базы данных исследований, проведенных ВЦИОМом в ноябре 2021 года и ноябре 2018 года. Первое – направлено на определение существующих тенденций в сфере городского транспорта, второе – посвящено оценке россиянами безопасности в общественном транспорте.

Результаты и их обсуждение. Рассматривая существующие тренды, связанные с городским транспортом, необходимо отметить, что сегодня бесспорным лидером по использованию населением является личный автомобиль. Оценивая частоту использования различных видов транспорта, предложенных соответствующем вопросе анкеты, этот вариант выбрало максимальное число респондентов. Так, практически треть участников опроса (32%) указали что пользуются личным автомобилем ежедневно, а ещё 14% отметили, что пользуются им несколько раз в неделю.

На втором месте по популярности оказался **наземный городской транспорт**. Ежедневно им пользуются – 15%, несколько раз в неделю – 16%, несколько раз в месяц – 11%, а эпизодически – 15%.

Значительно менее распространены среди населения **маршрутные такси**. Занимая в народном рейтинге третье место, практически ежедневно ими пользуется лишь десятая часть респондентов (9%). Примерно столько же (10% и 11% соответственно) пользуются маршрутками несколько раз в неделю и несколько раз в месяц.

Такси, как вид транспорта, занимает четвертое место по популярности, а его специфика заключается в эпизодичности: всего 3% указали, что передвигаются на такси ежедневно и 9% – несколько раз в неделю. Большая же часть ре-

спондентов указали, что передвигаются на этом виде транспорта несколько раз в месяц (24%), или эпизодически (22%).

Доля **метро** в общероссийской выборке крайне невелика: по 4% указали, что пользуются им ежедневно, раз в неделю и раз в месяц, а ещё 6% выбрали вариант «эпизодически». Здесь необходимо отметить, что данный вид общественного транспорта доступен лишь жителям семи городов-миллионников, среди которых по уровню развитости инфраструктуры и протяжённости рельсовой сети особо выделяются два: Московский и Петербургский метрополитены. Метро в остальных российских городах: Нижнем Новгороде, Казани, Новосибирске, Екатеринбурге и Самаре небольшие и включают в себя 12–22 километров сети, расположенных на одной-двух ветках и 9–15 станциях.

Относительно каршеринга и средств индивидуальной мобильности: электросамоката, сигвэя, велосипеда (как арендованных, так и собственных) следует отметить, что они не получили широкого распространения и отмечались респондентами лишь в единичных случаях. Исключение здесь вариант «собственный велосипед», на ежедневное использование которого указали 5% респондентов, несколько раз в неделю – 4%, несколько раз в месяц – 8%, а эпизодическое 10%.

Приведённый выше рейтинг подтверждается ответами респондентов на другой вопрос анкеты, в котором предлагалось указать, какой из видов транспорта является основным при поездках по населённому пункту. Распределение ответов на данный закрытый вопрос, подразумевающий выбор одного варианта ответа, выглядит следующим образом. В первой тройке оказались: личный автомобиль, на который указало чуть менее половины респондентов (45%), наземный городской транспорт, включающий автобус, троллейбус, трамвай, выбрало около четверти опрошенных (23%), а десятая часть выбрали маршрутное такси. Оставшиеся респонденты отмечали такси (8%), метро (6%) и собственный велосипед (4%), ещё 3% затрудились с ответом.

На вопрос о том, изменилась ли за последний год частота использования названных видов транспорта, около половины респондентов, почти по каждому из средств, отмечали отсутствие изменений. При этом число указавших на более редкое использование транспортного средства оказалось намного больше, чем тех, кто стал использовать его чаще. Так, по наземному городскому транспорту 47% указали на отсутствие изменений, 13% стали использовать его чаще, а 38% – реже. Похожая ситуация и с метро (соответствующее соотношение составило 52%: 14%: 32%) и такси (43%: 18%: 38%), а в случае с маршрутным такси разрыв ещё сильнее: 47%: 8%: 43%. По всей видимости подобная ситуация является следствием пандемии COVID-19, во время которой значительная часть населения сознательно избегала места массового скопления людей, в том числе и общественный транспорт. Личный автомобиль, при ответе на этот вопрос, в очередной раз показал своё преимущественное положение по сравнению с общественным транспортом – здесь самая высокая доля тех, кто не изменяет отношения к этому виду транспорта (59%), а соотношение участников свои поездки на машине и решивших сделать это реже – минимальна (17%: 24%). Интересные результаты продемонстрировали пользователи каршеринга. Практически все варианты респонденты здесь выбирали примерно в равной мере (28%: 27%: 37%). А в случае таких средств индивидуальной мобильности, как электросамокаты и сигвэи мы наблюдаем ситуацию, когда население стало использовать их чаще: в случае с арендованными соотношение – 18%: 52%: 28%, а собственными – 51%: 23%: 17%. Распределение по собственным (52%: 15%: 32%) и арендованным (59%: 15%: 26%) велосипедам идентично.

Оценивая то, насколько респонденты в целом довольны или недовольны транспортом, которым они пользовались за последний год, можно отметить заметные различия по видам транспорта. Чаще всего удовлетворённость (вари-

анты «доволен» + «скорее доволен») выражали пользователи средств индивидуальной мобильности, автомобили-

сты, а среди пользователей городского общественного транспорта – пассажиры метро (рис. 1).

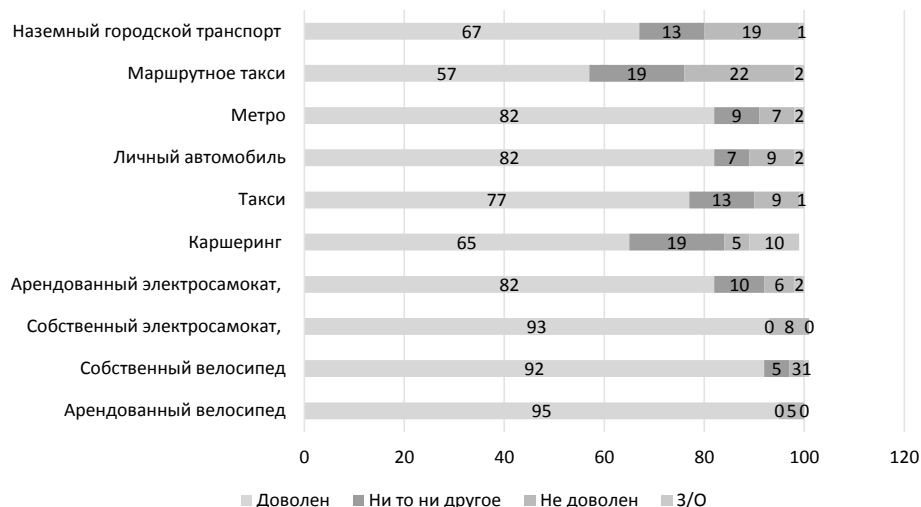

Рис. 1. Насколько Вы в целом довольны или не довольны поездками на этих видах транспорта?

Самый низкий уровень удовлетворённости у тех, кто пользовался маршрутным такси (22%), они же, наравне с клиентами каршеринга, чаще всего выражали неопределённую позицию: по 19% выбранных ответом «Ни то ни другое».

В оценке того, насколько за последний год общественный транспорт стал работать лучше либо хуже, большинство оценок носили нейтральный характер. В целом по выборке на отсутствие изменений указали 42%, отметили улучшение – 32%, ухудшение – 19%, а 15% затруднились с ответом. В разрезе размера населённых пунктов, в которых проводился опрос, наблюдаются некоторые различия. Так, половина жителей Москвы и Санкт-Петербурга чаще отмечали улучшения («существенно лучше» – 19%, «скорее лучше» – 31%). В городах миллионниках, крупнейших (500–950 тыс. чел) и крупных (100–500 тыс. чел) городах ситуация близка к средней по выборке, а в малых городах и сельской местности респонденты чаще отмечают ухудшение ситуации с общественным транспортом. Наибольшее число затруднившихся с ответом респондентов

(23%) наблюдается в сельской местности, что, вероятно, связано с отсутствием общественного транспорта.

Рассматривая ответы на вопрос, что для респондента является самым важным при выборе вида транспорта, который он считает для себя основным, можно проследить ряд интересных тенденций. Для молодых людей в большей мере, чем остальных важен комфорт совершения поездки. Если в среднем по выборке этот вариант выбрали 30%, то в возрастных границах 18–24 лет и 25–34 лет по 39%. С повышением возраста это значение постепенно снижается и к возрастной когорте 60+ достигает 20%. Примерно такая же ситуация и со скоростью совершения поездки – чем старше респондент, тем менее она для него важна. Удобное расположение остановки или станции, как и подходящая цена чаще упоминали респонденты в возрасте 18–24 года. Так, если средние значения по этим вариантам составляют соответственно 14% и 13%, то у представителей рассматриваемой группы 21% и 17%. Такие результаты можно объяснить преимущественно «студенческим» характером данного возрастного интер-

вала, когда у человека существует большая потребность в мобильности на фоне ограниченности финансовых ресурсов. Подтверждает сказанное распределение ответа ещё на один вариант данного вопроса – «удобное расписание» (в среднем по выборке 9%, в группе 18–24 лет – 17%). А вот наличие льгот на проезд намного важнее для населения старше 60 лет (в среднем по выборке 6%, в группе 60 и старше – 14%). Существенных гендерных различий при ответе на данный вопрос не выявлено.

Приведённые данные позволяют сделать хотя и очевидный, но требующий внимания вывод. У разных социально-демографических групп свои транспортные потребности, зависящие не только от социально-демографических характеристик, но и социального контекста:

образа жизни, характера занятий и др. Это обстоятельство необходимо учитывать при совершении инфраструктуры общественного транспорта в той или иной географической локации.

Далее рассмотрим мнения россиян относительно безопасности в общественном транспорте. Результаты исследования 2018 года, показывают, что две трети россиян (66%) в целом удовлетворены деятельностью органов власти по обеспечению населения на транспорте. По сравнению с 2012 годом, когда этот вопрос также задавался респондентам, удовлетворённость возросла на 14%, что может свидетельствовать о развитии инфраструктуры общественного транспорта в нашей стране, в том числе в части обеспечения безопасности (рис. 2).

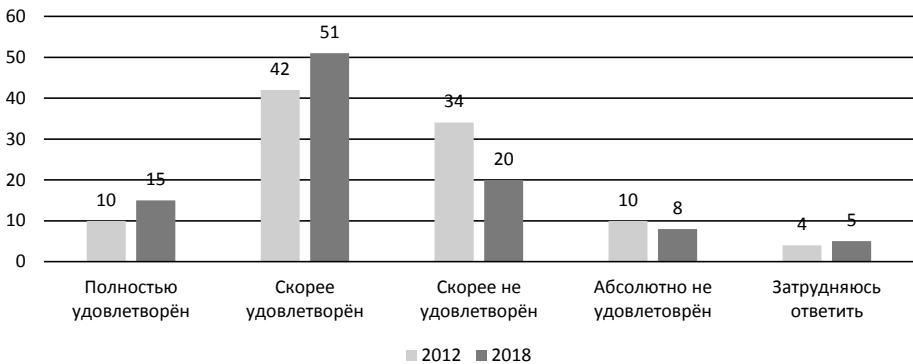

Рис. 2. Удовлетворённость населения деятельностью органов власти по обеспечению безопасности населения на транспорте

Рассмотрение данных в разрезе размера населённого пункта обнаруживает чёткую тенденция снижения доли жителей, удовлетворённых деятельностью властей по обеспечению безопасности на транспорте по мере уменьшения численности населённого пункта. Так, в 2018 году жители Москвы и Санкт-Петербурга, а также городов-миллионников выражали удовлетворённость значительно чаще (по 75%) остальных россиян. В крупных городах (500–950 тыс.) эта доля составила 68%, в средних (100–500 тыс.) – 66%, а в малых (до 100 тыс.) – 57%. В сельской местности удовлетворённость оказалась

на уровне крупных городов и составила 67%. Это отклонение от общей тенденции можно объяснить тем, что респонденты, скорее всего, оценивали междугороднее сообщение, в силу отсутствия в сельских населённых пунктах «традиционного» общественного транспорта.

Рассуждая о том, как изменилась ситуация с обеспечением безопасности населения на транспорте, большинство респондентов посчитали что изменений не произошло (в 2018 году – 51%, в 2012 г. – 60%). От четверти до трети указали что ситуация скорее улучшилась (в 2018 году – 22%, в 2012 г. – 34%), а десятая часть – скорее ухудшилась

(в 2018 году – 10%, в 2012 г. – 12%). На много чаще остальных улучшения отмечали жители Москвы и Санкт-Петербурга (53%). В городах-миллионниках эта доля составила 33%, в крупных городах – 39%, в средних и малых по 29%, в сельской местности 32%. Представленные данные свидетельствуют о том, что работа по обеспечению безопасности осуществляется по стране неравномерно.

В оценке наиболее опасных видов общественного транспорта безусловным лидером оказалось маршрутное такси, его отметили 47% от всех опрошенных. На втором месте оказался самолёт (38%), на третьем пригородный/междугородний автобус (23%). Примечательно, что оценка первой тройки наиболее опасных с точки зрения респондентов видов транспорта в существенной степени разнится от размера населённого пункта. Так, на селе самолёты считают опасными в два раза чаще, чем в Москве и Санкт-Петербурге (50% против 24%), а маршрутное такси, напротив, жители столиц считают более опасными, чем сельские (59% против 41%). Добавим, что позиции жителей городов-миллионников близки к столичным, а малых городов к сельским. На четвёртом месте в рассматриваемом рейтинге расположен наземный городской транспорт (автобус, троллейбус, трамвай), который к наиболее опасным причислили 17% россиян. Существенных различий в ответах жителей разных типов поселений по данному варианту не выявлено. Далее следуют: речной, морской транспорт – 9%, поезд – 6%, метро – 5%, электричка – 2%, ни один из перечисленных – 6%, все перечисленные – 10%, затруднились с ответом – 4%.

Отметим, что метро москвичи и петербуржцы считают опасным намного чаще чем остальные (12%). Также обращает на себя внимание, что вариант «Ни один из перечисленных» в два раза чаще выбирали респонденты из больших городов, а противоположный вариант «Все перечисленные», наоборот – респонденты из сёл и малых городов. Таким образом провинциальные жители

относятся к общественному транспорту в целом с большей настороженностью.

Ещё один блок вопросов рассматриваемого исследования был посвящён выявлению конкретных угроз, которых пассажиры опасаются при пользовании общественным транспортом.

Наземный городской транспорт.

Пользователи наземного городского транспорта чаще всего опасались аварий ввиду внешних причин (нарушение правил поведения на дорогах другими водителями, плохое покрытие дорог, состояние рельсов, некорректная работа диспетчеров, плохие погодные условия). В 2018 году этот вариант стал самым популярным, и вырос по сравнению с 2012 годом в 2,5 раза: с 14% до 36%. Вторая по популярности причина – «аварии из-за плохого технического состояния транспортного средства», наоборот снизилась с момента более раннего исследования с 25% до 17%. Также значительно (в 3 раза: с 21% до 7%) уменьшилось число пассажиров, опасавшихся других пассажиров (краж, драк, попутчиков в состоянии алкогольного опьянения и т.п.) и увеличилось (более чем в 4 раза: с 2% до 9%) боящихся террористических актов. Незначительные изменения в ответах респондентов произошли по таким позициям, как «Аварий по вине водителя/машиниста/пилота» (в 2018 году – 14%, в 2012 г. – 16%) и «Ничего не опасаясь» в 2018 году – 13%, в 2012 г. – 18%.

Маршрутные такси. Для пользователей маршрутных такси основные опасения связаны с возможными авариями по вине водителя. Несмотря на то, что за несколько лет они снизились (в 2018 году этот вариант отметили 31% респондентов, в 2012 г. – 45%), цифра по-прежнему остаётся довольно высокой. Вторая по популярности причина опасений – аварии по внешним причинам, с 2012 года наоборот, возросла с 17% до 27%. Уровень опасения аварий из-за плохого технического состояния транспортного средства остался практически неизменным: в 2018 году – 16%, в 2012 г. – 17%. Остальные варианты респонденты отмечали значительно ре-

же: других пассажиров опасаются 5% (в 2012 г. – 7%), террористических актов 4% (в 2012 г. – 1%). Ничего не опасается 13% респондентов (в 2012 г. – 9%). Таким образом, основные страхи населения, связанные с маршрутными такси обусловлены потенциально высокой аварийностью.

Междугородные автобусы. Похожая ситуация с опасениями по поводу пригородных/ междугородных автобусов. Здесь аварийность по различным причинам также в тройке наиболее распространённых ответов. По сравнению с 2012 годом, в 2018 увеличилось опасения аварий по внешним причинам (с 27% до 35%) и уменьшились по причине вины водителя (с 24% до 16%). Доля опасения аварий по техническим причинам практически не изменилась: в 2018 году – 16%, в 2012 г. – 18%. Других пассажиров и терактов в междугородных автобусах опасаются 5–6%, это значение с 2012 года не изменилось. Также в случае с рейсовыми автобусами заметно выше доля тех, то ничего не опасается, причём она возросла с 13% в 2012 г. до 19% в 2018 г.

Электричка. Опасения пассажиров электричек устойчиво связаны с другими пассажирами, причём на протяжении времени это мнение практически не меняется (в 2018 году – 22%, в 2012 г. – 23%). Очевидно, это связано с тем, что в мегаполисах электрички являются самым доступным и массовым видом транспорта для перемещения в пригороды и близлежащие города. Довольно высок процент граждан, опасующихся террористических актов (в 2018 году – 13%, в 2012 г. – 17%). Обращает на себя внимание высокая доля тех, кто ничего не опасается при поездках на электричках, выросшая с 22% в 2012 г. до 41% в 2018 г.

Поезда. Схожее распределение ответов респондентов можно наблюдать и по отношению к другому виду рельсового надземного транспорта – поездам. Опасения по поводу возможностей негативных происшествий с другими пассажирами здесь ниже, чем в электричках, однако, как и в предыдущем случае, с 2012 до 2018 года их уровень

почти не изменился (в 2018 году – 15%, в 2012 г. – 16%). Террористических актов на поездах опасаются чаще чем на электричках (в 2018 году – 15%, в 2012 г. – 21%), а количество тех, кто ничего не боится в поездках практически идентично электричкам (в 2018 году – 40%, в 2012 г. – 22%). Аварийности на поездах опасаются, в основном, по внешним причинам (в 2018 году – 17%, в 2012 г. – 11%). Аварийности из-за плохого технического состояния и по вине машиниста опасаются не более десятой части респондентов и в 2012 и в 2018 гг.

Самолёт. На этом виде транспорта меньше всего россияне опасаются других пассажиров (в 2018 году – 5%, в 2012 г. – 2%), а наибольший страх вызывают возможные аварии из-за плохого технического состояния транспортного средства (в 2018 году – 30%, в 2012 г. – 25%). Террористические акты, по мнению респондентов, также значительно угрожают безопасности, хотя доля этого источника заметно снизилась (в 2018 году – 16%, в 2012 г. – 22%). Опасения возможных аварий по внешним причинам возросли с 11% до 16%, а аварий по вине пилота снизились с 12% до 7%. Ничего не опасаются при передвижении самолётами почти четверть респондентов (23%), эта доля возросла с 15% в 2012 г.

Речной, морской транспорт. Несмотря на то, что Россия богата водными ресурсами и располагает самой крупной в мире сетью внутренних водных путей, водный общественный транспорт в России пока не получил широкого распространения. Тем не менее определённое мнение об опасностях, сопровождающих пассажиров речного и морского транспорта у респондентов сформировалось. Больше всего пассажиры опасаются аварий из-за плохого технического состояния транспортного средства (в 2018 году – 22%, в 2012 г. – 29%), на втором месте – аварии по причинам внешнего характера (в 2018 году – 18%, в 2012 г. – 8%). Все остальные виды опасностей выбрали не более десятой части респондентов. Высока доля

тех, кто ничего не опасается в использовании водного общественного транспорта (в 2018 году – 33%, в 2012 г. – 22%).

Метро. Основные опасения пассажиров метро связаны с террористическими актами, причём доля указавших этот вид опасности за рассматриваемый период снизилась незначительно (в 2018 году – 33%, в 2012 г. – 39%). Также велика доля тех, кто опасается других пассажиров метро. в 2018 году – 15%, в 2012 г. – 20%. Аварийность по любой из причин упоминалась пассажирами крайне редко и не превышала 6% в 2018 и 2012 годах, что может свидетельствовать о восприимчивости этого транспортного средства как технически надежного. Примечательно, что доля тех, кто ничего не опасается, выросла более чем в 2 раза (в 2018 году – 37%, в 2012 г. – 17%).

Выводы. Обобщая приведённые эмпирические данные отметим, что сегодня личный транспорт остаётся самым распространённым видом транспорта среди респондентов. Несмотря на удорожание стоимости самих автомобилей и их содержания, респонденты не спешат от них отказываться. Это можно объяснить не только фундаментальными причинами, среди которых остающаяся доступность автомобиля, а также его значимая роль как источника самоуверждения, получения эмоционального удовлетворения от владения и вождения. Свои коррективы внесла и пандемия COVID-19, увеличившая социальную дистанцию в обществе. Несмотря на это, городской наземный общественный транспорт (а в крупных городах ещё и метро) остаётся очень распространённым среди населения, а респонденты, которые его регулярно используют, демонстрируют удовлетворённость в использовании.

Безопасность является приоритетным критерием при выборе россиянами альтернативного способа передвижения. Оценки населения относительно безопасности в общественном транспорте в целом позитивные и демонстрируют положительную динамику. Однако позитивные изменения носят фрагментарный характер: сдвиги заметны по большей

части в больших городах: Москве, Санкт-Петербурге и городах-миллионниках. Анализ страхов респондентов показал, что различные виды общественного транспорта вызывают свои характерные опасения, а их уровень довольно высокий – по всем видам транспорта менее половины респондентов указывали на полное отсутствие опасений.

Таким образом, на наш взгляд, в ближайшие несколько лет не следует ожидать добровольного массового отказа населения от личных автомобилей в пользу общественного транспорта. Несмотря на то, что усилия, прилагаемые государством, способствуют улучшению имиджа общественного транспорта в общественном мнении, он ещё не достиг того уровня, который позволял бы непринуждённо пересаживаться из своей машины в автобус.

Работа по совершенствованию инфраструктуры общественного транспорта должна продолжаться. Каждый вид транспорта, с учётом особенностей, требует специфического подхода, поэтому существенным моментом должна стать работа с общественным мнением, в том числе опасениями, которое население испытывает по отношению к общественному транспорту.

Литература

1. Безопасность в общественном транспорте: оценка россиян. Аналитический обзор (19 ноября 2018) // Сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bezopasnost-v-obshhestvennom-transporte-ocenka-rossiyan-> (дата обращения: 19.10.2022).
2. Бочарова О.В. Функционирование общественного транспорта в социальном пространстве города: дис. ... канд. социол. наук 22.00.04. Саратов, 2011–250 с.
3. Вучик, В.Р. Транспорт в городах, удобных для жизни / Вучик В.Р., Калинин А. – Москва: ИД Тер. будущего, 2011. – 576 с.
4. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 N3363-р «О Транспортной стратегии Российской Федера-

- ции до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (дата обращения: 03.07.2022).
5. Сорокина Н.В. Городской общественный транспорт как социокультурный феномен: дис. ... канд. социол. наук 22.00.06. Саратов, 2010. – 198 с.
 6. Тренды в городском транспорте – 2021. Аналитический обзор (17 ноября 2021) // Сайт ВЦИОМ URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-v-gorodskom-transporte-2021> (дата обращения: 19.10.2022).
 7. Шауро И.Г., Лоторев Е.Н., Костин А.С. Проблема общественной безопасности на транспорте в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // В сборнике: Актуальные проблемы современной науки. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Институт права и экономики. 2016. С. 418–423.

LIMITATION OF THE USE OF PERSONAL VEHICLES IN FAVOR OF PUBLIC OPINION

Medvedev A.V., Medvedev R.A.

Tyumen Industrial University; Tomsk Polytechnic University

The work is devoted to safety in public transport, as a factor in increasing the attractiveness for its use by the population. The paper deals mainly with urban transport, which is the main mode of transportation for most Russians. Other modes of transport are partially affected. The relevance of the study of this topic is due to the socio-economic, environmental, and other problems associated with mass motorization, as well as the state's course towards a significant reduction in personal transport in the long term. The empirical basis of the article is databases with the results of research on transport topics conducted by VTsIOM. Characterizing the existing trends in urban transport, such aspects as the frequency of use of various modes of transport by the population, their rating among the population, and satisfaction with trips are considered.

The assessment by the population of changes in the work of public transport, the main aspects that respondents are guided by when choosing the main mode of transport, is shown. Analyzing security issues, the satisfaction of the population with the activities of the authorities to ensure the safety of the population in transport is shown. The rating of public transport in terms of danger is shown, the reasons for fears for its various types are considered.

Keywords: Personal transport, public transport, security, urban mobility, sociological research.

References

1. Safety in public transport: assessment of Russians. Analytical review (November 19, 2018) // VTsIOM website URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bezopasnost-v-obshestvennom-transporte-ocenka-rossiyan-> (date of access: 10/19/2022).
2. Bocharova O.V. Functioning of public transport in the social space of the city: dis. ... cand. sociological Sciences 22.00.04. Saratov, 2011–250 p.
3. Vuchik, V.R. Transport in cities convenient for life / Vuchik V.R., Kalinin A. – Moscow: ID Ter. future, 2011. – 576 p.
4. Decree of the Government of the Russian Federation of November 27, 2021 N3363-r “On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035” // SPS ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402052/ (date of access: 07/03/2022).
5. Sorokina N.V. Urban public transport as a socio-cultural phenomenon: dis. ... cand. sociological Sciences 22.00.06. Saratov, 2010. – 198 p.
6. Trends in urban transport – 2021. Analytical review (November 17, 2021) // VTsIOM website URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trendy-v-gorodskom-transporte-2021> (date of access: 10/19/2022).
7. Shauro I.G., Lotorev E.N., Kostin A.S. The problem of public safety in transport in the system of ensuring the national security of the Russian Federation // In the collection: Actual problems of modern science. Collection of materials of the international scientific-practical conference. Institute of Law and Economics. 2016. S. 418–423.

Эмоции молодежи в постковидном городе: социологический анализ. Анализ изменений

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева; доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Бобриков Валерий Николаевич,

доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: ideologie@mail.ru

В статье проводится социологический анализ эмоций молодежи в реалиях постковидного городского пространства. Выбраны релевантные работы, посвященные трансформациям эмоций молодежи в период пандемии коронавирусной инфекции. В вводной части работы авторы обращают внимание на исследовательские точки зрения по поводу метаморфоз эмоциональных состояний молодежи, обусловленные ковидными реалиями. Далее критически рассматриваются доковидные и постковидные переменные эмоциональных состояний молодежи. Авторами устанавливаются взаимосвязи между целым рядом ключевых детерминант, куда относятся стресс, когнитивные и метакогнитивные способности личности, что позволяет представить более полную картину анализируемых изменений. Сформулированы выводы, вносящие существенный вклад в социологическое изучение эмоциональных состояний молодежи в условиях (пост)ковидного городского пространства, что позволяет прорисовать траектории для изучения заявленной темы в конкретных урбанизированных территориях. В заключение подводятся результаты проведенной работы и обозначается перспективная панорама будущих исследований.

Ключевые слова: эмоции, молодежь, повседневность, коронавирусная инфекция, пандемия, общество, взаимодействия, городское пространство.

Трансформации эмоциональных состояний молодежи

Особый интерес в рамках данного исследования представляют публикации А.А. Костригина и Л.В. Козловой [4;5], направленные на исследование трансформаций эмоциональных состояний у молодых людей. Исследование 2020 года позволило сделать вывод, что молодые люди в меньшей степени, чем другие социально-демографические группы, склонны к переживанию стресса [5]. Однако уже результаты проведенного в 2021 г. эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что половина молодых россиян 51% страдают от стресса. Т. е. по мере распространения пандемии, введения ограничительных мер сформировалась тенденция к углублению переживания стресса.

В качестве основных факторов, которые обуславливают глубину переживания стресса, называют опасность заражения (собственной болезнью или болезнью близких) [5].

Более того, у молодых людей с высоким уровнем переживания стресса развивается «ксенофобия, выражающаяся в виде боязни иностранцев как потенциального источника заражения» [4 с. 58].

Молодые люди, подверженные глубокому переживанию стресса, отличаются значительной импульсивностью, слабостью эмоционально-волевого контроля, склонны к изменениям эмоциональной сферы в сторону большей упрощенности, они «заменяют решение субъективно более сложных задач относительно более простыми и доступными в сложившейся ситуации стресса» [4, с. 58]. В целом, молодые россияне, подверженные стрессу более эмоциональны, «испытывают эмоции различного спектра и нуждаются в психологической разрядке» [4, с. 58].

Преодоление стрессовой ситуации осуществляется на основании обращения к стратегиям «реализации в дей-

ствии», т.е. неосознанном совершении действий, рационализации, стремления объяснить собственные поступки и действия других: «Данный механизм защиты у молодых людей проявляется в создании *логических, отчасти псевдо-разумных*, но благовидных обоснований своего или чужого поведения, действий или переживаний» [5, с. 39].

Проявлениями стресса от коронавируса являются тревога и желание контроля ситуации, получения новых сведений и вирусе из социальных сетей, СМИ и т.д. Т. е. в эпоху пандемии возрастает зависимость личности от интернета.

Другие исследования отражают, что современные молодые люди часто страдают от высокого уровня тревожности, недостаточно высокого уровня сформированности волевых качеств, инициативности и выдержки [1;3]. Важно подчеркнуть, что указанные качества были выявлены в работах 2018 и 2020 гг., что позволяет сделать вывод, что авторы не видят трансформаций эмоций под влиянием пандемии.

Несколько иные результаты были получены в исследовании Е.Е. Федотовой [10]. На основании проведенных диагностик автор приходит к выводу, что эмоциональная сфера молодых людей имеет сложную структуру, включает в себя совокупность эмоциональных состояний одинаковой направленности. Т. е. эмоциональная сфера молодежи характеризуется разнонаправленностью, на поведение личности могут оказывать влияние разнонаправленные эмоции, автономно представленные в структуре эмоциональной сферы личности. Важно подчеркнуть, что положительные эмоциональные состояния преобладают над негативными, т.е. молодые люди все же склонны к позитивному восприятию ситуации. В данном аспекте результаты исследования входят в противоречие с результатами, полученными в работе А.А. Костригина, Л.В. Козловой [4, с. 58], согласно которым более половины молодых россиян склонны к переживанию стресса в условиях пандемии. В то же время, исследование было проведено в 2020 году, в начале распространения

пандемии, введения ограничительных мер, когда молодежь в меньшей степени переживала негативные эмоциональные состояния [5; 10]. В целом, можно сделать вывод, что эмоциональное состояние молодых людей существенно менялось не только до и после пандемии, но и на протяжении самой пандемии: в 2020 году преобладают позитивные эмоции, склонность к переживанию стресса не выражена, уже в 2021 году ситуация кардинально меняется, более половины молодых людей проявляют склонность к переживанию стресса и негативных эмоциональных состояний.

За указанный период подвергались исследованию гендерные особенности проявления эмоций [2;6;9]. Результаты эмпирических работ позволяют сделать вывод, что навыки контроля эмоциональных реакций, поведения в целом у мужчин сформированы на более высоком уровне, чем у женщин, что, скорей всего, «взаимосвязано с большей ответственностью за проявление и переживание эмоциональных состояний у мужчин, налагаемой на них обществом» [9, с. 160]. Следует подчеркнуть, что представления о меньшей эмоциональности мужчин выступают стереотипными, широко функционирующими в «доковидных» исследованиях, соответственно, указанное направление исследований не выявляет существенных трансформаций молодых людей под влиянием пандемии.

Кроме того, результаты эмпирических исследований позволяют сделать вывод о большей выраженности склонности к риску у юношей, более высокий уровень развития инновативных качеств, готовность к новаторству [9].

М.Н. Бычкова останавливается на изучении оскудения эмоциональных проявлений молодых людей под влиянием современных информационных технологий. На основании проведенного эмпирического исследования автор приходит к выводу, что современные юноши и девушки, с одной стороны, эмоциональны, но при этом, используя современные ИКТ молодые люди стремятся к экономии психосоциальных ресурсов, т.е. они стремятся к установлению как

можно большего числе коммуникативных взаимодействий в сети, сетевых сообществах, но при этом «они зачастую заявляют об истощении организма и тотальной нехватке времени; всегда пребывая в состоянии подключения, многозадачности, они избегают вербального взаимодействия за пределами близкого круга общения, поскольку современная жизнь требует от них полной вовлеченности и внимания, которое они не растрачивать понапрасну» [11, р. 155].

Отдельные исследования были посвящены изучению взаимосвязей между эмоциями и когнитивными процессами, между эмоциональным интеллектом и метакогнитивными способностями личности [2]. Результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о наличии взаимосвязи между личностными сферами, эмоциональный интеллект «обнаружил широкий спектр значимых связей с метакогнитивными и рефлексивными компонентами, что определило его включенность в психическую регуляцию – как на метакогнитивном, так и когнитивном уровнях» [2, с. 323]. Т. е. на эмпирическом уровне были подтверждены выводы о наличии взаимосвязи между эмоциями и когницией, о которой говорилось ранее. При этом иные исследования свидетельствуют о недостаточном уровне развития эмоционального интеллекта у молодых людей [7;9].

В целом, подводя итоги анализа теоретических источников, можно сделать следующие выводы:

1) Прежде всего, следует отметить, что на сегодняшний день подвергаются изучению или настроения (как длительное, стойкое, сохраняющиеся определенное время эмоции. Например, стресс, который сочетает в себе целый «пучок» негативных, деструктивных эмоциональных переживаний, оказывая целостное воздействие на личность), или эмоции более высокого уровня (например, актуальным направлением изучения эмоциональной сферы молодежи выступает исследование различных аспектом эмоционального интеллекта). Т. е. преобладает холистический, целост-

ный подход к исследованию молодежи, ученых интересует не какая-либо отдельно взятая эмоция (например, чувство страха, счастья, удовлетворенности жизнью и т.д.), но более общие аспекты эмоциональных переживаний;

- 2) Результаты исследований, проведенных в 2020 году, позволяют сделать вывод, что молодые люди не были подвержены стрессу или иным негативным эмоциональным переживаниям, т.е. в отличие от других социально-демографических групп, молодые люди в меньшей степени были подвержены негативному влиянию распространения пандемии, связанных с ней мер, прежде всего, инфодемией, а также по мере накопления экзистенциального опыта, в том числе связанного с заболеваниями близких, знакомых ситуация меняется кардинально: уже в 2021 году 51% молодых россиян продемонстрировали склонность к переживанию глубокого стресса. Т. е. показатели подверженности стрессу в среде молодежи сравнялись с общими показателями российского общества 2020 г., когда 51% населения испытывал стресс из-за ковида [8]. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что страх заболевания, распространение вируса привели к формированию деструктивных эмоциональных состояний современной российской молодежи, что по мере осознания последствий заболевания оптимизм постепенно сменялся негативизмом восприятия, изменения жизнедеятельности оказали деструктивное влияние на мировосприятие личности;
- 3) Влияние стрессовой ситуации привело к повышению импульсивности молодых людей, росту ксенофобии, боязни иностранцев, которые часто стали восприниматься как источник заражения. Отмечается повышение тревожности, снижение выраженности, сформированности волевых качеств, инициативности, самостоятельности. В целом, эмоциональные состояния молодых людей сегодня

- наглядно отображают, что они нуждаются в психологической разрядке;
- 4) Сама эмоциональная сфера отличается разнонаправленностью эмоций, которые регулируют поведение личности, их противоречивостью. В данном аспекте отражаются особенности взросления личности: молодые люди находятся в состоянии своего развития, формирования личностных качеств, эмоциональная сфера еще не сформирована и формируется сегодня в крайне неблагоприятных условиях стрессовой, кризисной ситуации. О том, что эмоциональная сфера личности находится в состоянии своего формирования, становления свидетельствует также недостаточно высокий уровень сформированности эмоционального интеллекта, тесно связанного с метакогнитивными, когнитивными структурами, поведением личности, особенностями ее рефлексии и саморефлексии;
 - 5) При этом существенных отличий в гендерных проявлениях эмоций по сравнению с «доковидными» временами выявлено не было: юноши в меньшей степени склонны к проявлениям эмоций, более скрытны, чем девушки.
 - 6) В ситуации распространения пандемии возрастает зависимость молодых людей от современных ИКТ, от зависимости в сети, которая, как было выявлено ранее, и без того выступает одной из существенных, отличительных характеристик социально-демографической группы;
 - 7) Усиление зависимости от ИКТ, общения в сети сопровождается усилением сформировавшейся в «доковидные» времена тенденцией к оскудению проявлений эмоций, т.е. молодые люди, с одной стороны, стремятся к интеграции в систему виртуальных коммуникативных взаимодействий, но при этом рачительно, рассудительно выражают своих эмоции, ограничивая проявление глубоких, сильных эмоций.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что эмоции представляют со-

бой сложные личностные конструкты, которые формируются в процессе жизнедеятельности индивидуума с окружающей социокультурной средой, выступают своеобразной реакцией на изменения этой среды. Эмоции основываются на иных механизмах, чем когниция, но при этом обладают не меньшей информативностью и значимостью.

Эмоциональная сфера молодых людей (впрочем, как и когнитивная) находится в состоянии своего интенсивного развития, становления, характеризуется разнонаправленностью, одинаковой силой воздействия различных, часто противоречивых, эмоций на поведение личности. В целом, молодежь представляет собой социально-демографическую группу, объединенную общей системой ценностей, возрастными рамками, характерными особенностями образа жизни (профессиональное становление, поиски своего места в мире, создание семьи, вхождение в систему профессиональных взаимодействий и т.д.).

Результаты анализа научных публикаций, посвященных изучению эмоций молодых людей, позволяют сделать вывод об отсутствии единства в восприятии возрастных рамок при обосновании молодежи как выборки (т.е. несмотря на становление границ молодежи за законодательном уровне, в научном сообществе дискуссии продолжаются). В качестве отличительных характеристик современной российской молодежи называют, прежде всего, вовлеченность в систему коммуникативных виртуальных взаимодействий, высокую зависимость от ИКТ.

В целом, говоря об особенностях трансформаций эмоций молодых людей периода пандемии можно сделать вывод о формировании ряда негативных тенденций:

- (1) Отмечается увеличение численности молодых людей, испытывающих деструктивные эмоциональные переживания, прежде всего, стресс, тревожность. Если в 2020 г. молодые люди были не склонны к переживанию негативных эмоций, в 2021 г. численность молодых россиян, переживаю-

щих стресс достигла 51%, сравнялась с общим показателем переживания стресса жителями России.

- (2) О деструктивном воздействии стресса на состояние и поведение личности написано много, однако, применительно к молодым людям, следует подчеркнуть, что влияние усиливается многократно по причине несформированности эмоциональной сферы, отсутствия эмоциональной стабильности, которой отличаются люди более зрелого возраста. Т. е. кризисная, стрессовая ситуация оказывает намного более сильное влияние именно на исследуемую социально-демографическую группу;
- (3) В ситуации пандемии возрастает зависимость от ИКТ, которая, как было выявлено, и без того является сегодня отличительной характеристикой российской молодежи. В свою очередь, высокая зависимость от сетевых взаимодействий, активность, характерная для людей молодого возраста, а также высокий уровень сформированности умений и навыков общения в сети сопровождается продуцированием сообщений алармистского смысла, усиливающих инфодемию, которая, в свою очередь, усиливает переживание стресса, фрустрации, тревности;
- (4) Высокая вовлеченность в систему виртуальных взаимодействий влечет за собой оскудение эмоциональных проявлений по причине того, что, с одной стороны, молодой человек стремится к установлению как можно большей численности контактов, с другой, для современной молодежи характерна тенденция к экономии эмоций по причине невозможности эмоционально вовлекаться в такое количество взаимодействий.

В целом, подводя итоги работы, необходимо отметить, что современная молодежь нуждается в психологической разрядке, ее эмоции, характер жизнедеятельности меняется. Сама проблематика нуждается в дальнейших фундаментальных исследованиях для выработки конструктивных решений взаимодействия

с молодыми людьми, их интеграцией в общество.

Литература

1. Бурлак К.К., Пугачёва М.С., Рубцова М.О. Особенности эмоционально-волевой регуляции и ценностных ориентаций современной молодежи // Настоящее будущее: проблемы и тенденции в сфере психического здоровья. 2020. С. 168–169.
2. Бызова В. М., Перикова Е.И. Эмоциональный интеллект в структуре метакогнитивных способностей молодежи // Способности и ментальные ресурсы человека в мире глобальных перемен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. С. 318–324
3. Бычкова М.Н. От богатства медиа до экономии эмоций: к результатам эмпирических исследования использования СМС современной молодежной аудиторией // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 176–187.
4. Костригин А. А., Козлова Л.В. Особенности переживания стресса, психологических защит и копинг-стратегий у молодежи, вызванных угрозой заболевания COVID-19 // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2021. № 3. С. 56–59.
5. Костригин А. А., Козлова Л.В. Стресс, вызванный угрозой заражения коронавирусом, и преобладающие копинг-стратегии у молодежи // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. № 4. С. 33–48.
6. Лемякина Ю. А., Родионов Г.А. Гендерные особенности эмоционального интеллекта молодежи // Гендерный калейдоскоп-2019. 2020. С. 157–161.
7. Смольникова Л.В. Роль эмоционального интеллекта в межличностном взаимодействии молодежи // III чтения памяти В.Т. Лисовского. 2020. С. 77–80
8. Тревога, стресс и одиночество: влияние COVID-19 на работу // Ipsos. 20.12.2020. URL: <https://www.ipsos>.

com/ru-ru/covid-19-pandemics-impact-workers-lives.

9. Федоровский А.Е., Атаманова И.В., Шнайдер М.И. Взаимосвязь инновативных качеств личности и эмоционального интеллекта у юношей и девушек // Человеческий фактор. Социальный психолог. 2020. № 1 (39). С. 458–464.
10. Федотова Е.Е. Структура эмоционального самочувствия в контексте субъективного благополучия студенческой молодежи // Молодёжь третьего тысячелетия. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2020. С. 913–918.
11. Turkle Sh. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. 2011. 379 p.

EMOTIONS OF YOUTH IN A POST-COVID CITY: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS. ANALYSIS OF CHANGES

Ravochkin N.N., Bobrikov V.N.

Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev

The article provides a sociological analysis of the emotions of young people in the realities of the post-COVID urban space. Relevant works devoted to the transformation of young people's emotions during the coronavirus pandemic have been selected. In the introductory part of the work, the authors draw attention to research points of view regarding the metamorphosis of the emotional states of young people, due to covid realities. Next, the pre-covid and post-covid variables of the emotional states of young people are critically examined. The authors establish relationships between a number of key determinants, which include stress, cognitive and metacognitive abilities of the individual, which allows us to present a more complete picture of the analyzed changes. Conclusions are formulated that make a significant contribution to the sociological study of the emotional states of young people in the conditions of (post) covid urban space, which makes it possible to draw trajectories for studying the stated topic in specific urban areas. In conclusion, the results of the work carried out are summarized and a promising panorama of future research is outlined.

Keywords: emotions, youth, everyday life, coronavirus infection, pandemic, society, interactions, urban space.

References

1. Burlak K.K., Pugacheva M.S., Rubtsova M.O. Features of emotional-volitional regulation and value orientations of today's youth// Present future: problems and trends in the field of mental health. 2020. S. 168–169.
2. Byzova V. M., Perikova E.I. Emotional intelligence in the structure of youth metacognitive abilities // Abilities and mental resources of a person in the world of global changes. M.: Publishing House "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2020. P. 318–324
3. Bychkova M.N. From the richness of the media to the economy of emotions: to the results of empirical research on the use of SMS by modern youth audience // Bulletin of the Tomsk State University Philosophy. Sociology. Political science. 2020. No. 54. S. 176–187.
4. Kostrigin A. A., Kozlova L.V. Peculiarities of experiencing stress, psychological defenses and coping strategies among young people caused by the threat of COVID-19 // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. 2021. No. 3. S. 56–59.
5. Kostrigin A. A., Kozlova L.V. Stress caused by the threat of coronavirus infection and the prevailing coping strategies among young people // Bulletin of Pedagogy and Psychology of Southern Siberia. 2020. No. 4. S. 33–48.
6. Lemyakina Yu. A., Rodionov G.A. Gender characteristics of the emotional intelligence of young people // Gender Kaleidoscope-2019. 2020. S. 157–161.
7. Smolnikova L.V. The role of emotional intelligence in the interpersonal interaction of youth // III readings in memory of V.T. Lisovsky. 2020. S. 77–80
8. Anxiety, stress and loneliness: the impact of COVID-19 on work // Ipsos. 12/20/2020. URL: <https://www.ipsos.com/ru-ru/covid-19-pandemics-impact-workers-lives>.
9. Fedorovsky A.E., Atamanova I.V., Shneider M.I. The relationship of innovative personality traits and emotional intelligence in boys and girls // Human factor. Social psychologist. 2020. No. 1 (39). pp. 458–464.
10. Fedotova E.E. The structure of emotional well-being in the context of the subjective well-being of student youth // Youth of the Third Millennium. Omsk: Om publishing house. state un-ta, 2020. S. 913–918.
11. Turkle Sh. Alone together: why we expect more from technology and less from each other. Published by Basic Books. 2011. 379 p.

Субъективная удовлетворенность качеством жизни молодыми женщинами (на примере жительниц г. Владикавказа)

Дзагурова Наталья Хаджумаровна,

старший научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиала Владикавказского научного центра РАН
E-mail: tedeevanina@yandex.ru

В статье рассматривается субъективная оценка удовлетворенности качеством жизни молодыми женщинами в контексте определения комфортности существования индивида в выделенных сферах общественной жизни. Новизна исследования заключается в анализе удовлетворенности качеством жизни молодыми женщинами – жительницами г. Владикавказа, как представительницами репродуктивного и трудоспособного возраста, обладающими профессиональным и демографическим потенциалом, на основании анализа субъективных оценок которых, можно судить о региональной составляющей удовлетворенности качеством жизни молодых россиянок.

Применен метод системного анализа, позволивший рассмотреть субъективную оценку удовлетворенности качеством жизни молодыми женщинами в контексте определения комфортности существования индивида в общественной жизни, дифференцированной по гендерным характеристикам, социальным и демографическим группам. Дана социально-экономическая характеристика исследуемой гендерной группы. Показатели, основания субъективной оценки качества жизни разделены на блоки удовлетворенности уровнем жизни, собственным здоровьем, трудом, услугами учреждений здравоохранения и образования. На основе анализа эмпирической базы исследования выявлен качественный интеллектуальный потенциал исследуемой гендерной группы, основанный на высокой оценке уровня образования и желании его улучшения. Сделан вывод о том, что фактор материальной обеспеченности становится решающим для молодых женщин при оценке различных аспектов качества жизни.

Ключевые слова: качество жизни, субъективная оценка, гендерные характеристики, молодые женщины, уровень жизни.

Качество жизни современного человека представляет собой комплекс условий жизнедеятельности и включает такие параметры как среда обитания, социальное благополучие, психологический комфорт [1]. В отечественных исследованиях в области качества жизни акцентируется внимание на междисциплинарность этого понятия и необходимость изучать под призмой соотношения уровней развития систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности индивидуума [2,3]. Такие авторы, как Давыдова Е., Давыдов А., Зубаревич Н., Бобылев С., Соловьева С. рассматривают качество жизни как парадигму и целевое устремление общества в целом [5,6,7]. Садовая Е., Сауткина В., при рассмотрении вопросов качества жизни считают необходимым учитывать как объективные, так и субъективные показатели, каждый из которых имеет как количественное и качественное измерение [8, с. 147]. Гайсина С., качество жизни предлагает рассматривать через качество жизни отдельных социальных страт [9]. Субъективные оценки качества жизни, дифференцированные по гендерным характеристикам, социальным и демографическим группам позволяют определять комфортность существования каждой личности в определенных сферах социальной жизни [10], и на наш взгляд, являются основанием для составления целого ряда программ по улучшению качества жизни различных социальных групп региона и общества в целом.

В данной статье рассматривается качество жизни молодых женщин – жительниц г. Владикавказа как представительниц репродуктивного и трудоспособного возраста, обладающих профессиональным и демографическим потенциалом, на основании изучения индивидуальных характеристик качества жизни о которых, можно судить по региональной составляющей удовлетворенности

качеством жизни молодых россиянок. Использованы результаты исследования проведенного в октябре 2021 г. среди 450 респонденток, в возрасте от 18 до 35 лет. Показатели, на основании которых делался анализ субъективной оценки качества жизни, в анкетировании были разделены на 5 блоков:

1. Оценка удовлетворенности уровнем жизни;
2. Оценка собственного здоровья и способностей его поддержки;
3. Оценка удовлетворенности трудом;
4. Оценка удовлетворенности услугами учреждений здравоохранения;
5. Оценка удовлетворенности учреждениями образования.

Общая социально-экономическая характеристика опрошенных, выявила, что по семейному положению: 36% – никогда не состояли в браке, 44% – в браке, 20% разведены, по количеству детей: 32% – имеют двух и более детей, 16% – 1 ребенка, 14% – не имеют детей, по сфере деятельности: студенты – 11%, чиновники госучреждений – 5,4%, работники сферы услуг – 24%, частные предприниматели – 14%, работники сферы здравоохранения – 16%, работники сферы образования и науки – 14,6%, торговля – 14,9.

Оценка удовлетворенности уровнем жизни включила в себя такие показатели как материальная обеспеченность, одежда, жилье. По результатам анализа опроса 53% респонденток для себя определили материальный вопрос, как главное составляющее их жизнеобеспечения. 44% опрошенных молодых жительниц города – оценивают свой уровень материального достатка ниже среднего, 30% женщин относят себя к группе среднего достатка по критерию материальной обеспеченности, 12% молодых женщин не могли определиться точно, и выбрали двойственный вариант – между средним и высоким обеспечением, 14% молодых жительниц Владикавказа смогли оценить свой достаток как – низкий, среди них абсолютное большинство это молодые женщины, имеющие детей. Достаточно позитивно выглядит удовлетворенность качеством питания: большинство опрошенных молодых жен-

щин – 55%, на наш вопрос ответили, что питаются хорошо, 19% – удовлетворительно, очень хорошо – 10% опрошенных и 16% – плохо, графа с ответом – очень плохо ни одна анкета не содержала. Вывод: взаимосвязь между уровнем материального благосостояния участниц опроса и оценкой качества питания молодых семей прослеживается четко: 86,4% респонденток нашего опроса качественное питание связывают с материальной обеспеченностью семьи.

Другой субъективный показатель качества жизни – одежда, выявил следующее: практически все опрошенные, т.е. – 100% имеет одежду для всех сезонов, другой вопрос – качество. Только 63% «полностью удовлетворены» ее качеством. Следующий показатель качества жизни – жилье: для 34% молодых женщин остро стоит вопрос жилья, при этом 78% удовлетворены качеством своего жилья, 18% – неудовлетворены (из них 20,8% ответили, что их «полностью удовлетворяет» жилье, остальных – «по большей части удовлетворяет»). Среди причин неудовлетворенности качеством жилья назвали: неудовлетворенность размером жилплощади – 53,2%, качеством услуг ЖКХ – 27,7%, принадлежность жилья родственникам, проживающим с ними на одной жилплощади – 25,5%.

Анализ субъективной оценки здоровья выявил, что здоровье в системе оценивания опрошенных, оказалось наиболее важным. Каждая вторая молодая женщина назвала проблемы наиболее значимой для нее (в данном случае возможно, что на оценку оказала влияние общая эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 и его последствия). Результаты опроса оказались неутешительными: состоянием своего здоровья, только 10% – «абсолютно удовлетворены», «по большей части удовлетворены» – 42%, «в целом удовлетворены» – 15%, а 33% молодых женщин, принявших участие в опросе, ответили на наш вопрос, что их не устраивает состояние собственного здоровья. Женщины, не имеющие детей и не со-

стоящие в браке свое здоровье оценили достаточно хорошим. Среди опрошенных женщин с одним ребенком, 43,5% ответили, что в целом они удовлетворены своим состоянием здоровьем, 56,5% не удовлетворены. Ответы женщин, имеющих двух и более детей, на вопрос «о состоянии здоровья», к сожалению, оказались неутешительными, 30% опрошенных не довольны состоянием собственного здоровья.

При опросе молодых женщин относительно способов поддержания здоровья оказалось, что 31% опрошенных женщин занимаются в том или ином виде регулярно спортом (разные виды фитнеса, утренние и вечерние прогулки в зеленых зонах города, утренние пробежки и т.д.), 35% делают это время от времени, остальные – 34% молодых женщин вообще не рассматривают для себя активные способы поддержания здоровья, как возможность поддерживать свое здоровье, причем это женщины имеющие двоих и более детей. 22,5% участниц опроса заботятся о режиме дня, сна и отдыха, 36% соблюдают режим не всегда. Визит к врачу для профилактики - как способ поддержания здоровья используют лишь 24% опрошенных молодых женщин, систематически это делают – 2%, эпизодично – 22%. Остальные обращаются лишь в случае крайней необходимости.

Распределение параметров влияющие на здоровье, молодых женщин распределились следующим образом:

- качество питания (54,7%),
- условия для полноценного отдыха
- уровень рабочей нагрузки (41,5%),
- экологическая обстановка (по 37,7%),
- образ жизни (34%),
- качество услуг здравоохранения (26,4%).

Проблемы трудоустройства актуальны для 20% респонденток. 11% молодых женщин рабочим местом «совершенно» удовлетворены, «скорее удовлетворены» – выбор 69%, 20% – «скорее не удовлетворены». Низкая оценка удовлетворенности своим трудоустройством свойственна женщинам, имеющим детей: процент полностью удовлетворен-

ных работой составил 32,4%, а «скорее удовлетворенных» составляет 56,0

Большая часть респонденток работает по полученной специальности, что составляет – 63,3% опрошенных, предполагают устроиться работать по специальности – 24%, из них 11% считают, что полученная ими специальность на современном рынке труда не востребована, 7% респонденток, отметили, что работа по специальности не оправдывает их материальных ожиданий.

Среди позиций, не соответствующих ожиданиям опрошенных женщин оказались перспективы карьерного роста – 23%, размер заработной платы – 33,2%. При этом размер заработной платы в основном не устраивает женщин имеющих двоих детей (49,8%).

Не удовлетворены спектром бесплатных медицинских услуг – 60,4% жительниц Владикавказа, платными медицинскими услугами – 32%. При ранжировании причин недовольства на первом месте стоит наличие очередей, – 31%, на втором месте квалификация медицинских работников (правильность диагностики и назначений) – 23%, качество медицинского обслуживания (мало времени уделяется на приеме) – 12%. Основная причина неудовлетворенности платными медицинскими услугами, их дороговизна – 78,4% опрошенных.

Характеристика полученного образования опрошенных молодых жительниц Владикавказа выглядит следующим образом:

- высшее образование – 27,2%;
- послевузовское образование (ученая степень) – 1,8%;
- незаконченное высшее – 36,9%;
- среднее специальное – 34,1%.

Абсолютное большинство опрошенных женщин удовлетворены уже полученным или только получаемым образованием – 90,5%, при этом больше 70% считают, что совершенствование в профессиональной сфере обязательно, поэтому планируют для себя как повышения квалификации, так и дополнительные образовательные модули. Среди причин повышения профессионального уровня обозначены – стремление к ка-

рьерному продвижению –34,3%, совершенствование уже имеющихся навыков –36,4%, моральное удовлетворение от собственного уровня профессионализма –29,3%.

Таким образом, результаты исследования субъективных показателей качества жизни молодыми женщинами, жительницами Владикавказа, позволяют сделать вывод о высоком уровне удовлетворенности молодыми горожанками полученным образованием, своим здоровьем, сферой трудовой деятельности. Положительно оценивается и большинство аспектов уровня жизни, такие как качество жилья, питание, одежда. Большее количество нареканий вызывает такой параметр качества жизни как медицинское обслуживание. Большинство молодых жительниц Владикавказа не устраивает организация медицинского обслуживания и качество предоставляемых медицинских услуг. При высокой субъективной оценке удовлетворенности полученным образованием у молодых женщин Владикавказа присутствует стойкое намерение совершенствовать свой образовательный уровень.

Наиболее проблематичной остается материальное благополучие молодых женщин. В группу риска, в которой оценки некоторых социально-экономических аспектов качества жизни значительно ниже средних, попадают женщины с двумя и более детьми. Наиболее актуальна для молодых жительниц Владикавказа проблема нехватки материальных средств, поэтому фактор материальной обеспеченности становится для них решающим при оценке аспектов качества жизни.

Высокая оценка уровня образования, желание его улучшения говорят о качественном интеллектуальном потенциале исследуемой демографической группы. Высокая удовлетворенность большинством аспектов трудовой деятельности является основой для реализации профессионального потенциала молодых женщин.

Литература

1. Антология русского качества / Под ред. В.В. Бойцова. М., 2007.

2. Давыдова Е. В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. М., 1993.
3. Леочи П. Качество жизни, устойчивое развитие и окружающая среда // Мир новой экономики. 2011. № 2 (12). С. 4–21.
4. Саенко М.Ю. Качество жизни и экономика устойчивого развития региона // Теория и практика общественного развития. 2013. № 3. С. 202–205.
5. Давыдова Е. В., Давыдов А.А. Измерение качества жизни. М., 1993
6. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. М., 2005.
7. Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С. Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147–160.
8. Садовая Е.С., Сауткина В.А. Качество жизни населения мира: измерение, тенденции, институты. М.: ИМЭМО РАН, 2012. 208 с.
9. Панкратова Е.В. Субъективная оценка социально-экономических аспектов качества жизни молодых женщин (на примере Ивановской области) // Женщина в российском обществе. 2008. № 2.
10. Гайсина С. Качество жизни населения в условиях социальной модернизации // Общество и экономика. 2017. № 9. С. 189–201.

SUBJECTIVE SATISFACTION WITH THE QUALITY OF LIFE OF YOUNG WOMEN (ON THE EXAMPLE OF RESIDENTS OF VLADIKAVKAZ)

Dzagurova N. Kh.

North Ossetian Institute for Humanities and Social Studies – branch of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

The article examines the subjective assessment of satisfaction with the quality of life of young women in the context of determining the comfort of an individual's existence in the selected spheres of public life.

The novelty of the study lies in the analysis of satisfaction with the quality of life of young women – residents of Vladikavkaz, as representatives of reproductive and working age, with professional and demographic potential, based on

the analysis of subjective assessments of the quality of life of which, it is possible to judge the regional component of satisfaction with the quality of life of young Russians.

The method of system analysis was applied, which allowed us to consider the subjective assessment of satisfaction with the quality of life of young women in the context of determining the comfort of an individual's existence in public life, differentiated by gender characteristics, social and demographic groups. The socio-economic characteristics of the gender group under study are given. Indicators, grounds for subjective assessment of the quality of life are divided into blocks of satisfaction with the standard of living, one's own health, work, services of health care and education institutions.

Based on the analysis of the empirical base of the study, the qualitative intellectual potential of the gender group under study was revealed, based on a high assessment of the level of education and the desire to improve it. It is concluded that the factor of material security becomes decisive in assessing various aspects of the quality of life.

Keywords: quality of life, subjective assessment, gender characteristics, young women, standard of living.

References

1. Anthology of Russian quality / Edited by V.V. Boytsova. M., 2007.

2. Davydova E. V., Davydov A.A. Measuring the quality of life. M., 1993.
3. Leochi P. Quality of life, sustainable development and the environment // The world of the new economy. 2011. No. 2 (12). pp. 4–21.
4. Saenko M. Yu. Quality of life and economics of sustainable development of the region // Theory and practice of social development. 2013. No. 3. pp. 202–205.
5. Davydova E. V., Davydov A.A. Measurement of quality of life. M., 1993
6. Zubarevich N.V. Social development of the regions of Russia: problems and trends of the transition period. Moscow, 2005.
7. Bobylev S., Zubarevich N., Solovyova S. Challenges of the crisis: how to measure the sustainability of development // Economic issues. 2015. No. 1. pp. 147–160.
8. Sadovaya E.S., Sautkina V.A. The quality of life of the world's population: measurement, trends, institutions. M.: IMEMO RAS, 2012. 208 p.
9. Pankratova E.V. Subjective assessment of socio-economic aspects of the quality of life of young women (on the example of the Ivanovo region) // A woman in Russian society. 2008. № 2.
10. Gaisina S. The quality of life of the population in the conditions of social modernization // Society and economy. 2017. No. 9. pp. 189–201.

Структура модели социальной стратификации китайского общества

Чжан Хаопэн,

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

E-mail: st072557@student.spbu.ru

Социальное расслоение является как результатом развития производительности труда в современном обществе, так и отражением социального прогресса. С 1980-х годов в Китае постепенно сформировалась структурная модель социальной стратификации, основанная на шести механизмах: социально-экономический рост как главная движущая сила, экономика, основанная на знаниях, как основа, приток талантов как руководство, социальное обеспечение как основа, распределение как основа и экологическое управление как гарантия. В отличие от западных стран, которые основывали свою социальную стратификацию на теоретическом анализе и эмпирических исследованиях и использовали ее в качестве основы для разработки и реализации социальной политики по управлению и регулированию социальной и экономической деятельности с целью достижения социального равенства и устойчивого развития (power of structure).

Ключевые слова: Социальная стратификация, модель, характеристики.

В современном Китае, социальная стратификация сильно различается как по высоте экономического развития, так и по размеру социальной стратификации, что отражает неравномерность и не вполне соответствует законам исторического развития человечества. Стратификация – это явление или социальный феномен, который основан на взаимном взаимодействии и присутствует во всех сферах экономической жизни. Он относится к тому факту, что элементы экономических и социальных условий (например, обеспеченность ресурсами, интеллект и т.д.) относительно заняты и распределены между социальными группами. В основном она характеризуется такими элементами капитала, как труд, капитал, земля и технология, а также такими элементами, как факторы человеческого капитала. Цель данной работы – проанализировать особенности социальной стратификации в Китае и взаимосвязь ее характеристик с китайским контекстом (например, демографическая структура, неравенство доходов и механизмы их формирования) и ее проявления. Дальнейший анализ социальной стратификации может иметь значительные и далеко идущие последствия как в теоретическом, так и в практическом плане. Социальную стратификацию можно разделить на две модели: одна – типичная форма социальной стратификации, такая как система регистрации домохозяйств, воплощенная в образовательных реформах, регулируемая правовой системой и т.д.; другая – особая модель, такая как социально-экономические различия или формы экономико-географических различий. Она соответствует национальным условиям Китая, но все еще есть некоторые недостатки: во-первых, социальное сознание недостаточно сильно; во-вторых, существует поведение «обратной стратификации»; в-третьих, есть проблемы и отклонения в «само-

понимании». В заключение следует отметить, что социальное расслоение является одной из основных проблем, с которой необходимо столкнуться и решить на следующем этапе текущих социальных преобразований в Китае. Он также является одним из наиболее важных факторов, ограничивающих устойчивое развитие страны. Социальное расслоение стало серьезной проблемой, которой китайское общество не может избежать и с которой ему приходится сталкиваться.

I

Система статуса городского и сельского хукоу. С момента основания страны Китай придерживается относительно строгой системы хукоу, которая делит людей на две категории: городские хукоу и сельские хукоу. Китайским фермерам крайне сложно изменить свой статус «хукоу», и им крайне сложно войти в другие статусные группы. Строгая система «хукоу» создала дуалистическую социальную структуру, в которой городские и сельские районы Китая отделены друг от друга, а разрыв между городом и деревней стал наиболее фундаментальным социальным расслоением. Разница в статусе между членами общества является результатом разделения между тремя основными субинституциональными структурами. Это «статусная система», «система единиц» и «административная система», которые пересекаются друг с другом и сосуществуют в определенной систематизации [1, 84–105]. Под «системой статусов» понимается институционализированное разделение всех членов общества на различные социальные группы. Правила статуса четко определены и, как правило, не могут быть свободно изменены человеком в соответствии с его желаниями или даже унаследованы, и не меняются в течение жизни человека без особых обстоятельств. Его социальное проявление заключается в том, что все члены общества имеют три различные социальные идентичности: «кадры», «рабочий» и «крестьянин». Различия в приобретении каждым членом общества определенных статусных харак-

теристик в первую очередь отражаются в статусе, что делает структуру социальной стратификации и реализацию статуса членов общества «жесткой» [2, 140–174]. 2. Различие в статусе всех членов нашего общества в значительной степени зависит от их отношения к различным типам и уровням единиц, включая степень унификации членов общества и тип единицы, к которой они принадлежат. Под «унификацией социального членства» подразумевается, что члены общества организованы в единицы различной степени, что общество в целом унифицировано, и что распределение социальных ресурсов также унифицировано, так что для индивидуумов невозможно занять значительные социальные ресурсы в больших количествах, но только вхождение в единицу и унификация индивидуума позволяет разделить определенные социальные ресурсы и 3 «Административная система» означает, что «административные отношения и административный статус становятся структурной основой социального статуса людей и их отношений в достаточно общем социальном контексте, так что власть становится одним из важных внешних признаков, обозначающих социальный статус людей [1, 140] Административные отношения и административный статус стали универсальными социальными отношениями, является общей чертой современной социальной структуры и ее иерархии – разделения и стратификации власти в соответствии с функциями и должностями, а также системы управления и организации, в которой правила являются предметом управления [3, 11].

II

С точки зрения стратификации, расслоение современного китайского общества характеризуется четырьмя отличительными чертами, в соответствии с присвоением трех типов ресурсов: 1. Профессиональная стратификация. Как и в большинстве обществ, которые индустриализировались или находятся в процессе индустриализации, расслоение общества в современном Китае имеет тенденцию к усилению профессиональной принад-

лежности. Влияние профессиональных факторов на социальную стратификацию проявляется в основном в двух направлениях: во-первых, увеличиваются социально-экономические различия между рабочими, занятыми ручным трудом, и рабочими, не занятыми ручным трудом, и, во-вторых, увеличиваются социально-экономические различия между менеджерами и не менеджерами. Оба эти фактора являются неизбежным результатом технического прогресса и развития секционных организаций в индустриальных обществах. 2. Некоторые специальные институциональные механизмы в современном китайском обществе по-прежнему оказывают значительное влияние на стратификацию. Эти институциональные факторы в основном включают средства производства. К ним относятся собственность на средства производства, система регистрации домохозяйств, система отраслевых единиц и сильная роль государства в распределении ресурсов. 3. Дифференциация собственности. Собственность на средства производства остается одним из важнейших факторов, ведущих к расслоению современного общества, и является общей чертой обществ с рыночной экономикой. Очевидно, что этот фактор играет более слабую роль в стратификации современного китайского общества, чем в современном капиталистическом обществе. 4. Переходный период экономических преобразований также оказал особое влияние на стратификацию общества. В ходе корректировки интересов в переходный период доходы и уровень жизни большинства людей будут постепенно повышаться, в то же время некоторые люди будут попадать в низшие слои общества из-за относительно снижения их доходов и уровня жизни, и в переходный период будут существовать маргинальные группы с неопределенным классовым положением [4, 8]. С точки зрения институциональных изменений, основные изменения включают изменения в структуре город-село, отношениях между городом и селом, изменения в унитарной системе и т.д. 1. Модернизация и индустриализация в основном

шли рука об руку, и самым большим профессиональным изменением, вызванным индустриализацией, был упадок сельскохозяйственного рабочего класса (характеризуемый реформой системы централизованного производства в народных коммунах в «систему ответственности домашнего подрыда» и переходом крестьян, особенно молодых и среднего возраста, от сельскохозяйственных работ к другим профессиям после 1980-х годов) и упадок промышленного рабочего класса (в том числе в городах). Рост промышленного рабочего класса (включая городских рабочих, сельских рабочих, особенно «рабочих поселковых предприятий» и рабочих-мигрантов из сельской местности в города) и класса самозанятых и частных промышленников и коммерсантов. 2 Изменения в отношениях между городом и деревней и в системе статуса «хукоу». Быстрое развитие промышленной и рыночной экономики в Китае в последнее десятилетие или около того оказало серьезное влияние на традиционную китайскую систему идентичности, которая демонстрирует признаки ослабления и распада. Опыт большинства развитых стран мира показывает, что модернизация в конечном итоге предполагает трансформацию сельскохозяйственного населения в промышленное, и по какому пути он пойдет [5, 45]. В Китае, в конце концов, уже около 60 лет существует строгая система регистрации домохозяйств, что делает процесс урбанизации в этой стране совсем иным, чем в большинстве развитых стран. Вместо разового перетока крестьян в города, как в развитых странах, наблюдается постоянное движение между городской и сельской местностью. Эта группа людей, блуждающих между городом и деревней, фактически породила триадическую структуру поверх

первоначальной дихотомии «город – село», триадическую структуру, которая подразумевает множество социальных проблем, как с точки зрения ценностей современного правового общества, так и с точки зрения многих существующих институциональных механизмов, даже конституционных.

Современное китайское общество вступило в новую стадию развития, а вместе с ним и социальная стратификация. Поскольку Китай в настоящее время переживает особый исторический период, национальная экономика и традиционная культура страны, традиционный образ жизни и правовые нормы претерпели большие изменения. В то же время в ходе развития социально-экономических преобразований возникло много новых явлений, проблем и противоречий, что привело к постепенному появлению некоторых крупных проблем. В долгосрочной перспективе это приведет к тому, что Китай перейдет на более высокую ступень развития. С развитием рыночной экономики Китая и продвижением социалистической демократии и правовой системы социальное расслоение на данном этапе, безусловно, перейдет в новую сферу, новую норму и новую модель. В нынешнюю эпоху для любой страны или региона формирование разумной современной структуры социальной стратификации не является полностью замкнутым процессом самозволюции, а должно основываться на собственной существующей структуре, сохраняя при этом определенные ценные характеристики, и в большей степени следовать универсальной мировой тенденции развития. Что касается социально-классовой структуры, то всеобщая мировая тенденция состоит в том, что благодаря индустриализации, урбанизации и непрерывному развитию образования, науки и техники в конечном итоге возникнет более рациональная классовая структура, стабильная, открытая и динамичная, в которой каждый класс имеет свои собственные классовые интересы и поэтому неизбежно имеет противоречивые интересы, но в то же время существует

много общих интересов, которые могут быть реализованы путем широкого компромисса и сотрудничества. При такой классовой структуре возможно достижение беспроигрышных результатов для всех классов в процессе экономического и социального развития.

Литература

1. Ли Лулу, Ван Фэньюй. Социальная структура и ее трансформация в процессе модернизации современного Китая / Чжэцзянское народное издательство—Ханчжоу, 2005 (на кит. яз.).
2. Ван Ин. Анализ иерархической структуры социальной трансформации / Народное издательство Хэйлуцзян—Харбин, 1994 (на кит. яз.).
3. Ли Лулу. Бюрократия / Издательство Китайской энциклопедии—Пекин, 1992 (на кит. яз.).
4. Доклад о социальной стратификации современного Китая // («Дандай чжунго шэуэй цзецэнь яньцзю баогао») / Гл. ред. С.И. Лу. – Пекин, 2002 (на кит. яз.).
5. Ли Цян. Модернизация и изменение структуры социальной стратификации в Китае / Преподавание и исследования—Пекин, № 3, 1996 (на кит. яз.).
6. Чжэн Ханшэн. Новое введение в социологию (3-е изд.) / Народный университет Китая, 2002 (на кит. яз.).
7. Сунь Липин. Разрыв – китайское общество с 1990-х годов / Издательство литературы по общественным наукам—Пекин, 2003 (на кит. яз.).

THE STRUCTURE OF THE MODEL OF SOCIAL STRATIFICATION OF CHINESE SOCIETY

Zhang Haopeng
St. Petersburg State University

Social stratification is both a result of the development of productivity in modern society and a reflection of social progress. Since the 1980s, China has gradually developed a structural model of social stratification based on six mechanisms: socio-economic growth as the main

driving force, knowledge-based economy as the basis, talent inflow as guidance, social security as the basis, distribution as the basis, and ecological management as the guarantee. In contrast to Western countries, which based their social stratification on theoretical analysis and empirical research and used it as the basis for developing and implementing social policies to manage and regulate social and economic activities in order to achieve social equity and sustainable development (power of structure).

Keywords: Social stratification, model, characteristics.

References

1. Li Lulu, Wang Fengyu. Social Structure and its Transformation in the Modernization of Modern China / Zhejiang People's Publishing House – Hanzhou, 2005 (in Chinese).
2. Wang Ying. Analysis of Hierarchical Structure of Social Transformation / Heilongjiang People's Publishing House – Harbin, 1994 (in Chinese).
3. Li Lulu. Bureaucracy / Chinese Encyclopedia Publishing House—Beijing, 1992 (in Chinese).
4. Report on Social Stratification of Modern China // ("Dandai Chunguo Shehui Tsetseng Yanjou Baogao") / Ed. by S.I. Lu. – Beijing, 2002 (in Chinese).
5. Li Qiang. Modernization and the Changing Structure of Social Stratification in China / Teaching and Research – Peking, No.3, 1996 (in Chinese).
6. Zheng Hansheng. A New Introduction to Sociology (3rd ed.) / People's University of China, 2002 (in Chinese).
7. Sun Liping. The Gap – Chinese Society since 1990s / Social Science Literature Publishing House—Beijing, 2003 (in Chinese).

Категория «цифровое благополучие» в системе оценки качества жизни

Щедрина Елена Владимировна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: shchedrina@rgau-msha.ru

Ивашова Ольга Николаевна,

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева
E-mail: o.ivashova@rgau-msha.ru

Паливец Максим Сергеевич,

кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры систем автоматизированного проектирования и инженерных расчетов, ФГБОУ ВО РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева

В статье рассмотрены понятия «цифровое благополучие» и эволюция «цифрового человека», сквозь призму актуального в современности процесса «цифровизации» и возможностей применения «цифровых технологий» на государственном уровне. Авторами произведен анализ существующих определений понятия «цифровизация» в работах различных исследователей, и предложен свой вариант с позиции генерирования нового цифрового продукта и/или услуги, как результата взаимодействия социума, информационных и цифровых (digital) – технологий, оборудования и технических средств. Представлены результаты анализа статистических данных, отражающих благоприятные тенденции в развитии цифровой экономики в России и степени вовлеченности граждан в этот процесс. Особое внимание уделено факторам, определяющим благополучие людей в условиях цифровизации, а также негативным последствиям цифровизации для современного человека.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой человек, цифровое благополучие, сквозные технологии

Современный мир погружен в глобальную цифровизацию, связанную с активным внедрением цифровых технологий во все значимые сферы жизнедеятельности человека с поддержкой на законодательном уровне, с конечной целью – достичь высокого уровня «цифрового благополучия» граждан нашего государства, которое определяется как «поддержание и рост благополучия человека в социальной среде, характеризующейся цифровизацией практически всех сфер жизни» [19].

Термин «цифровизация» не закреплен законодательно в нормативных правовых актах, и поскольку официального определения не существует, предпринимаются многочисленные попытки сформулировать единое научное определение.

Каждый житель страны понимает «цифровизацию» по-разному, в условиях дифференциации по: уровню образованности и сформированности цифровых компетенций; возрастным особенностям; принадлежности к определенным видам профессии и должностям; разной степени погружения в цифровую среду в условиях выполнения трудовой функции; доступности цифровой среды и технических средств для вовлечения в процессы цифровизации; заинтересованности и другим критериям [12, 13, 14, 16, 17].

На наш взгляд «цифровизация» представляет двунаправленное активное взаимодействие социума, информационных и цифровых (digital) -технологий, оборудования и технических средств, с целью создания и использования цифрового продукта и/или услуги, ранее не существовавших на рынке.

Самыми востребованными цифровыми технологиями являются: большие данные; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии;

промышленный интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностью [13].

Цифровые технологии открывают для общества и государства новые перспективы: улучшается качество государственного сервиса; создаются условия для коммуникации между гражданами и государством без посредников; трансформируется рынок труда и принципы взаимодействия между работодателями и претендентами на вакантные должности; насыщение рынка вакансиями, требующими от претендентов владения цифровыми компетенциями и сформированностью цифровой культуры; расширение рынков сбыта компаниями и участие в конкурентной борьбе на новых современных условиях; участие граждан в формировании рынка востребованных товаров и ценообразовании.

Пандемия COVID-19 2020 года привела к изменениям во всех сферах жизнедеятельности современного человека,

что способствовало активному использованию информационных технологий и становлению цифрового общества, ввиду увеличения объемов финансирования как на уровне государства, так и на уровне отдельных граждан страны [3, 10].

В условиях цифровизации общества, и реализации национальной программы «Цифровая экономика РФ» становится весьма актуальным и интересным анализ статистических данных, отражающих некоторые тенденции в развитии цифровой экономики в России [2, 15]. Представим некоторые из них.

Использование населением сети Интернет

Доля населения, являющегося активными пользователями сети Интернет в возрасте 15–74 лет, возросла за последние 5 лет на 13,2%. Особый интерес представляет значительный прирост пользователей сельской местности на 17,4% (рис. 1).

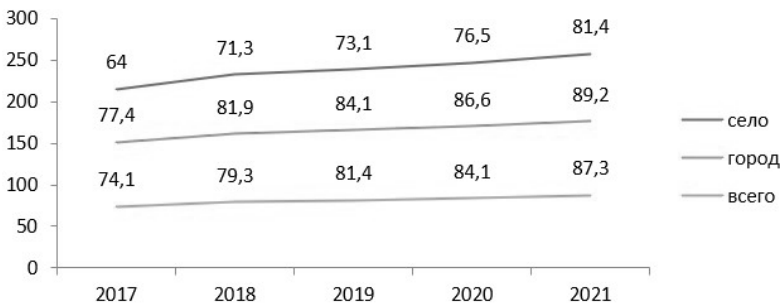

Рис. 1. Использование населением сети Интернет, в возрасте 15–74 лет, в%

Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных [2]

Использование населением сети Интернет для заказов товаров и/или услуг

В последние годы все большую популярность набирает тенденция к использованию интернет-сервисов для купли-продажи товаров и услуг. Пользователи сети Интернет могут совершать покупки через веб-браузеры на персональных

компьютерах, а также воспользовавшись мобильными приложениями. Доля населения в возрасте от 15–74 лет использовавшего сеть Интернет для заказов товаров и/или услуг возросла с 2017 по 2021 год на 15,4%. В разрезе сельских жителей на 11,1%, городских жителей тенденция к росту также сохраняется и составляет 16,9% (рис. 2).

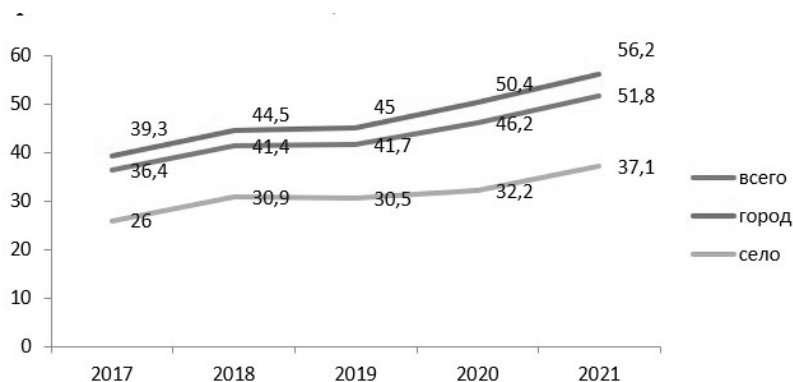

Рис. 2. Использование сети Интернет для заказов товаров и/или услуг, в возрасте 15–74 лет, в %

Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных [2]

Получение населением государственных и муниципальных услуг в электронной форме

Еще одно востребованное направление в цифровизации общества – электронные государственные и муниципальные услуги. Доля населения в возрасте 15–

72 лет, использовавшего сеть Интернет для получения государственных и муниципальных услуг (всего), в процентах от общей численности населения за последние 5 лет возросла на 20,8%. В разрезе сельских и городских жителей тенденция к росту также сохраняется (рис. 3).

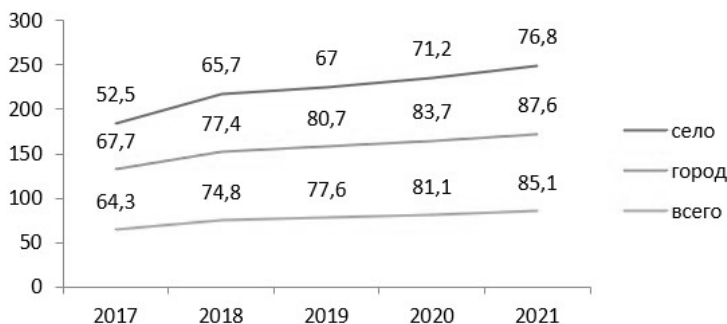

Рис. 3. Использование населением в возрасте 15–72 лет сети Интернет для получения государственных и муниципальных услуг, в %

Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных [2]

Спрос на «умные устройства»

По результатам опросов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, по состоянию на 2020 год 12% опрошенных- применяют умные устройства в быту, а 9% – получали консультации онлайн в медучреждениях, а 5% используют кашеринг. В 2015 году, чуть

меньше половины опрошенных (47%) только лишь мечтали воспользоваться этим в будущем [18].

Дети и Интернет

По данным Росстата, в 2020 г. 82% детей от 3-х до 14 лет ежедневно используют ресурсы глобальной сети (рис. 4).

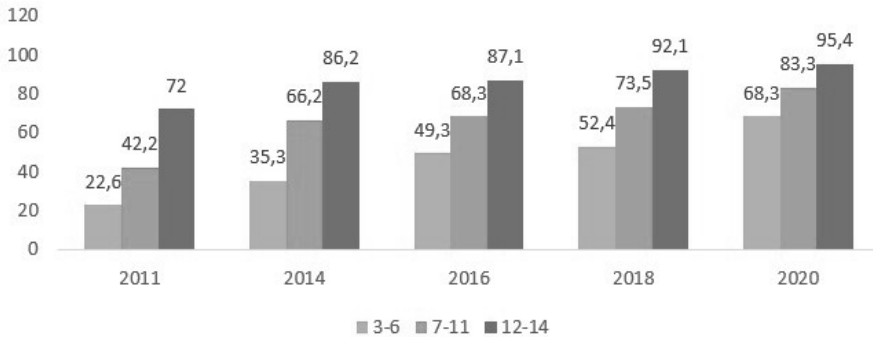

Рис. 4. Использование интернета детьми по возрастным группам, %

Примечание. Источник: собственная разработка на основе данных [2, 18]

Чаще всего дети используют Интернет для подготовки к урокам и выполнению домашних заданий (83,7%), в целях дистанционного обучения использование Интернета выросло в 20 раз в период с 2018 по 2020 гг. (с 3,6% до 68,9%).

Анализ динамики рассмотренных показателей указывает на неизбежность их дальнейшего роста ввиду активного внедрения проектов по цифровизации различных отраслей на государственном уровне: «Цифровое сельское хозяйство», «Цифровое строительство», «Цифровой транспорт и логистика», «Умный город» и других [1, 9, 17].

В новых условиях меняется и сам человек, он неизбежно эволюционирует и становится «человеком цифровым» со своими характерными особенностями, сильными и слабыми сторонами. Анализ нормативных документов, отчетов по результатам реализации проектов, работ многих исследователей свидетельствует о наличии большого интереса к изучению и анализу неизбежных изменений в жизнедеятельности формируемого «цифрового человека», социума в целом и экономики страны, как положительных, так и отрицательных [3, 5, 6, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 20].

В начале 2020-х годов была запущена инициатива «Индустрия 5.0», которая ориентирована на внедрение передовых технологий, устойчивое развитие и человекоцентричные технологии. Пред-

полагается, что в новых условиях работодатели будут инвестировать в кадровый потенциал своих компаний с целью формирования цифровых компетенций сотрудников, что будет способствовать росту их благополучия [19].

Эксперты ИСИЭЗ НИУ ВШЭ разработали рамочную модель Индекса условий цифрового благополучия (ИУЦБ), в которой предложили пять факторов, влияющих на благополучие человека в контексте цифровизации: «Доступ к ИКТ»; «Образование и навыки»; «Занятость и доход»; «Доступность услуг»; «Социализация». Факторы включают набор индикаторов для оценки возможностей и рисков в оценке благополучия человека [19]. Каждый фактор имеет набор индикаторов, определяющий риски и возможности в формировании цифрового благополучия.

Открытый доступ к цифровым технологиям, подкрепляемый активной политикой государства на законодательном уровне [11, 14], а также формирование у граждан навыков их использования неизбежно приведут к улучшению благополучия отдельного человека и общества в целом, несмотря на наличие опасений, скептически настроенных критиков нововведений и объективных сдерживающих факторов.

Несмотря на все положительные эффекты цифровизации разных отраслей экономики и сфер жизнедеятельности

современного человека, в рамках реализуемых программ на государственном уровне, следует принимать во внимание и негативные последствия этого процесса в первую очередь для человека, поскольку он является главным участником цифровой трансформации, одновременно, как объект и субъект этого сложного процесса.

Некоторые ученые называют современного человека «Homo digital» («человек цифровой»), и это название рассматривается как новый вид в эволюции человечества [5, 20]. В новых условиях человек адаптируется к цифровой среде, формирует систему цифровых ценностных установок, меняя свои привычки, повседневный уклад жизни, межличностные отношения (внутри коллектива, с противоположным полом, в кругу семьи), подходы к организации трудовых функций и распределению личного времени между работой и отдыхом, способам организации досуга.

Возможными проблемами для «цифрового человека» могут стать: «компьютерная зависимость»; «цифровое неравенство», связанное с различиями в доступе к сетевой инфраструктуре, цифровым ресурсам, сервисам, техническим средствам (компьютеры и гаджеты); «цифровая безопасность»; низкий уровень «цифровой грамотности»; роботизация, вытесняющая присутствие человека в ряде профессиональных сфер; формируемая негативная личностная особенность молодого поколения («клиповое мышление», «клиповая речь») [4, 7, 8].

Подводя итог, следует отметить, что цифровизация современного общества, это сложный многогранный процесс, затрагивающий множество открытых вопросов, влекущий за собой риски разнобразной природы. Цель цифровизации, состоящая в повышении уровня «цифрового благополучия» человека, однозначно является благой, и время, безусловно, покажет, насколько цель оправдала средства.

Литература

1. Ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство»: официальное

издание. – М: ФГБНУ «Росинфор-маагротех», 2019. – 48 с.

2. Выборочное федеральное статистическое наблюдение по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей. – Режим доступа – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html (Дата обращения 30.10.2022).
3. Ивашова О.Н., Палиивец М.С., Щедрина Е.В. Цифровизация современного общества: текущие изменения и прогнозы // Дневник науки. 2022. № 10 [Электронный ресурс]. URL: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/10/economy/ivashova_Palivets_Shchedrina.pdf (Дата обращения 08.11.2022).
4. Игнатъев В.И. Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–11. – Режим доступа – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3501322> (Дата обращения 30.10.2022).
5. Коломеец Т.В. Homo digitalis (человек цифровой) // Национальные приоритеты России. 2019. № 2 (33). С. 70–74.
6. Комкова Е.Г. Цифровая экономика / Е.Г. Комкова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 30 Ч. 2 (372). – С. 68–69. – URL: <https://moluch.ru/archive/372/83345/> (дата обращения: 17.11.2022).
7. Краснянская Т. М., Тылец В.Г. Принцип безопасности в психологических исследованиях проблем цифровизации. // Проблемы педагогики и психологии. 2020. № 2. С. 152–166. DOI: 10.17805/zpu.2020.2.14 – Режим доступа – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-bezopasnosti-v-psihologicheskikh-issledovaniyah-problem-tsifrovizatsii> (Дата обращения 30.10.2022).
8. Кунцевич, Н.В. Вызовы цифрового общества / Н.В. Кунцевич. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. Ч. 1–2021. – № 30 (372). – С. 59–63. – URL: <https://moluch.ru/>

- archive/372/83345/ (дата обращения: 17.11.2022).
9. Минсельхоз создает единую цифровую платформу для сельского хозяйства. TAdviser. Государство. Бизнес. Технологии. – Режим доступа – URL: Минсельхоз России (Нацплатформа Цифровое сельское хозяйство) (tadviser.ru) (Дата обращения 30.10.2022).
 10. Палий, Дарья. ИТ-отрасль в России: текущие изменения и прогнозы / Дарья Палий. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 26 (421). – С. 185–188. – URL: <https://moluch.ru/archive/421/93740/> (дата обращения: 17.11.2022).
 11. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» – Режим доступа – URL: <http://government.ru/info/35568/> (Дата обращения 30.10.2022).
 12. Распоряжение Правительства № 2215-РП «Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и интернет-ресурсам» от 11.10.2010 г. – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/28884220/?ysclid=la15czp-5dc237562142> (дата обращения: 17.11.2022).
 13. Степаненко А. Почему цифровые технологии вытесняют аналоговые. РБКТренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a-0ec1d> (дата обращения 17.11.2022).
 14. Указ Президента РФ от 09.05.2017 N203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ukaz_203.pdf (дата обращения: 17.11.2022).
 15. Федеральная служба государственной статистики – Режим доступа – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (Дата обращения 18.11.2022).
 16. Хомякова, С.С. Трансформация и закрепление термина «цифровизация» на законодательном уровне / С.С. Хомякова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 41 (279). – С. 9–12. – URL: <https://moluch.ru/archive/279/62867/> (дата обращения: 17.11.2022).
 17. Цифровая трансформация: новые вызовы для бизнеса и руководителей компании // Высшая школа экономики Кочубей центр. – URL: <https://kc.hse.ru/2018/05/15/cifrovaya-transformaciya-novye-vyzovy/> (дата обращения 17.11.2022).
 18. Цифровая экономика: 2022: краткий статистический сборник / Г.И. Абдрахманова, С.А. Васильковский, К.О. Вишневский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. – 124 с.
 19. Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека / Ю.В. Демидкина, К.О. Вишневский // Научный дайджест. – 2022. – № 7 (12). – 16 С. – URL: [Human_Capital_NCMU_Digest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf](https://hse.ru/doc/28884220/28884220-7-12-digest-12-Digital-Technology-and-Society-2022.pdf) (hse.ru) (дата обращения: 17.11.2022).
 20. Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса / И.В. Чернов. – Текст: непосредственный // Гуманитарий юга России – 2021. – Том 10 (47) № 1. – С. 121–32. – URL: [tsifrovizatsiya-kak-tendentsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa\(2\).pdf](https://tsifrovizatsiya-kak-tendentsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa(2).pdf) (дата обращения: 17.11.2022).

CATEGORY “DIGITAL WELL-BEING” IN THE QUALITY OF LIFE ASSESSMENT SYSTEM

Shchedrina E.V., Ivashova O.N., Paliyets M.S.

RGAU-MSHA named after K.A. Timiryazev

The article describes the concepts of “digital well-being” and the evolution of the “digital person” through the prism of the current process of “digitalization” and the possibilities of using “digital technologies” at the state level. The authors analyzed the existing definitions of the concept of “digitalization” in the works of various re-

searchers, and proposed their own version from the position of generating a new digital product and/or service as a result of the interaction of society, information and digital technologies, equipment and technical means. The results of the analysis of statistical data reflecting favorable trends in the development of the digital economy in Russia and the degree of involvement of citizens in this process are presented. Special attention is paid to the factors determining the well-being of people in the conditions of digitalization, as well as the negative consequences of digitalization for modern man.

Keywords: digitalization, digital person, digital well-being, end-to-end technologies.

References

1. Departmental project "Digital Agriculture": official publication. – M: FGBNU "Rosinformaagrotech", 2019. – 48 p.
2. Selective federal statistical observation on the use of information technologies and information and communication networks by the population. – Access mode – URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/business/it/ikt21/index.html(Accessed 30.10.2022).
3. Ivashova O.N., Paliivets M.S., Shchedrina E.V. Digitalization of Modern Society: Current Changes and Forecasts // *Diary of Science*. 2022. No. 10 [Electronic resource]. URL: http://www.dnevniknauki.ru/images/publications/2022/10/economy/ivashova_Paliivets_Shchedrina.pdf(Accessed 08.11.2022).
4. Ignatiev V.I. Information overload of the social system and its social consequences. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 7. P. 3–11. – Access mode – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=3501322>(Accessed 30.10.2022).
5. Kolomeets T.V. Homo digitalis (digital person) // *National priorities of Russia*. 2019. No. 2 (33). pp. 70–74.
6. Komkova E.G. Digital economy / E.G. Komkov. – Text: direct // *Young scientist*. – 2021. – No. 30 Part 2 (372). – S. 68–69. – URL: <https://moluch.ru/archive/372/83345/> (date of access: 11/17/2022).
7. Krasnyanskaya T. M., Tylets V.G. The principle of security in psychological research of digitalization problems. // *Problems of Pedagogy and Psychology*. 2020. No. 2. S. 152–166. DOI: 10.17805/zpu.2020.2.14 – Access mode – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-bezopasnosti-v-psihologicheskikh-issledovaniyah-problemtsifrovizatsii> (Accessed 30.10.2022).
8. Kuntsevich, N.V. Challenges of the digital society / N.V. Kuntsevich. – Text: direct // *Young scientist*. Part 1–2021. – No. 30 (372). – S. 59–63. – URL: <https://moluch.ru/archive/372/83345/> (date of access: 11/17/2022).
9. The Ministry of Agriculture is creating a single digital platform for agriculture. *TAdviser*. State. Business. Technology. – Access mode – URL: Ministry of Agriculture of Russia (National Platform Digital Agriculture) (tadviser.ru)(Accessed 30.10.2022).
10. Paly, Daria. IT industry in Russia: current changes and forecasts / Daria Paly. – Text: direct // *Young scientist*. – 2022. – No. 26 (421). – S. 185–188. – URL: <https://moluch.ru/archive/421/93740/> (date of access: 11/17/2022).
11. Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation" – Access mode – URL: <http://government.ru/info/35568/>(Accessed 30.10.2022).
12. Government Decree No. 2215-RP "Concepts for providing residents of the city of Moscow with telecommunications services to obtain socially significant information by creating conditions for equal access to cable television and Internet resources" dated October 11, 2010 – URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/28884220/?y-sclid=la15czp5dc237562142> (accessed 11/17/2022).
13. Stepanenko A. Why digital technologies are replacing analog ones. *RBKTrends*. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/60e427ea9a79471089a0ec1d>(accessed 11/17/2022).
14. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 N203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030". – URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ukaz_203.pdf (date of access: 11/17/2022).
15. Federal State Statistics Service – Access mode – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (Date of access 11/18/2022).
16. Khomyakova, S.S. Transformation and consolidation of the term "digitalization" at the legislative level / S.S. Khomyakova. – Text: direct // *Young scientist*. – 2019. – No. 41 (279). – P. 9–12. – URL: <https://moluch.ru/archive/279/62867/> (date of access: 11/17/2022).

17. Digital transformation: new challenges for business and company executives // Higher School of Economics Kochubey Center. – url: <https://kc.hse.ru/2018/05/15/cifrovaya-transformaciya-novye-vyzovy/> (accessed 11/17/2022).
18. Digital economy: 2022: a brief statistical collection / G.I. Abdrakhmanova, S.A. Vasilkovsky, K.O. Vishnevsky and others; National research University "Higher School of Economics". – M.: NRU HSE, 2022. – 124 p.
19. Digital technologies and society: impact on well-being and quality of human life / O.V. Demidkina, K.O. Vishnevsky // Scientific digest. – 2022. – No. 7 (12). – 16 С. – URL: Human_Capital_NCMU_Didgest_12_Digital_Technology_and_Society_2022.pdf (hse.ru)(date of access: 11/17/2022).
20. Chernov I.V. Digitalization as a trend in the development of modern society: the specifics of scientific discourse / I.V. Chernov. – Text: direct // Humanitarian of the South of Russia – 2021. – Volume 10 (47) No. 1. – P. 121–32. – URL: tsifrovizatsiyakak-tendantsiya-razvitiya-sovremennogo-obschestva-spetsifika-nauchnogo-diskursa (2).pdf(date of access: 11/17/2022).

Управленческие технологии в процессе формирования политических партий в России

Ананишев Владимир Максимович,

доктор социологических наук, доктор бизнес-администрирования (США), профессор, ГАОУ ВО МГПУ

Зотова Марина Викторовна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры специальной психологии и психолого-социальных технологий, ГАОУ ВО МГПУ
E-mail: m.v.zotova2015@ya.ru

Гаврилов Дмитрий Вячеславович,

аспирант, ГАОУ ВО МГПУ

Пугачев Никита Максимович,

аспирант, ГАОУ ВО МГПУ

В статье рассматриваются основным управленческие технологии, используемые в процессе формирования отечественных политических партий. Отмечается, что наличие определенных управленческих технологий в формировании политических партий обусловлено спецификой политических партий как самостоятельного политического института. Обосновывается важность управленческих технологий в партийном строительстве и их влияние на рейтинг политической партии, авторитет и имидж ее лидеров и в целом успешность и эффективность деятельности соответствующей партии. В качестве самостоятельных рассмотрены вопросы, связанные с выявлением сущности такого явления как формирование политических партий или партстроительства, а также определением понятия и содержания управленческих технологий. Установлено, что управленческие технологии, используемые при формировании политических партий в России, имеют большое разнообразие. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что в отечественных партиях активно используются технологии партийных стартапов, работы с партийными функционерами, активистами и сторонниками. Анализ реализации управленческих технологий партийного строительства свидетельствует о том, что любая технология требует повышенной активности субъектов политического процесса, а использование подобного рода технологий является востребованным и актуальным ввиду современной трансформации политических сил и политической системы общества.

Ключевые слова: управленческие технологии, политические партии, партстроительство, партийная система, политический менеджмент.

Усиление роли политических партий в управлении современным обществом требует разработки управленческих решений, связанных со строительством партий и оптимизацией их деятельности. Проблема партийного строительства становится актуальной ввиду разрастания в условиях многопартийности количества партий на политической арене и необходимости сохранения партией своего места на этой арене.

Управленческие технологии в партийном строительстве занимают важную роль ввиду того, что от грамотно спланированных и организованных технологий во многом зависит рейтинг политической партии на выборах, авторитет и имидж ее лидеров и в целом успешность и эффективность деятельности соответствующей партии. В настоящее время в современном государстве роль политических партий возрастает, ввиду чего, распространено мнение, что партия предстает в виде организационно упорядоченной группы людей, которых связывает общая цель, связанная с завоеванием и применением власти.

На современном этапе развития общества, его участия в управлении государством становится невозможным без активного участия политических партий в политических процессах. Реализация политическими партиями своего главного предназначения, связанного с борьбой за власть и ее удержание напрямую определяется характером взаимоотношений партий с государством, ее имиджем в обществе. Все сказанное определяет возможность политических партий воздействовать на избирательные процессы в государстве. Большую роль в эффективности деятельности политических партий и успешности реализации их партийной программы играет создание стратегии их развития, которое предполагает подбор кадров.

Для наиболее полного исследования заявленной темы первоначально необ-

ходимо выяснить сущность такого явления как формирование политических партий или партстроительства, а также определить сущность управленческих технологий.

Существует точка зрения, согласно которой партстроительство представляет собой вид управления, направленный на создание, развитие и борьбу политических партий, включая разработку стратегии правления внутри них [7, с. 249]. Однако, в данном случае неясно какую роль партстроительство играет в борьбе политических партий, поскольку в этом процессе участвуют и другие политические партии. Думается, что рассматриваемое явление оказывает влияние на политику борьбы, избираемой конкретной партией в политической борьбе за власть.

Т.А. Невская дает более лаконичное, в то же время точно определение партийному строительству, понимания под таковым «совокупность мер, которые реализуются органами партийного управления в целях организации партии и ее дальнейшего функционирования на политической арене» [4, с. 244]. С указанным мнением следует согласиться, попутно отметив, что партийное управление имеет двустороннюю направленность, связанную, в первую очередь, с системой реализуемых функций, а, во-вторых, со спецификой протекания политических процессов, с которым сталкивается и в которых принимает непосредственное участие партия.

По совершенно верному замечанию Т.А. Невской, «партийное строительство в России на сегодняшний день представляет собой динамичное и постоянно развивающееся явление, в том числе – с точки зрения основных аспектов конструирования новых партийных объединений» [4, с. 242].

Применительно к теме исследования управленческие технологии следует рассматривать в качестве набора управленческих средств и методов, направленных на определение целей партии, приёмов эффективного воздействия на её участников, формулирование принципов, за-

конов и закономерностей организации и управления, а также системы контроля.

Управленческие технологии представляют собой своего рода вид искусства, которое состоит в умении не только грамотно избирать и реализовывать управленческий действия, но выполнять соответствующие преобразования и воздействия, которые окажут положительный эффект на управляемый объект или явление, в том числе позволять произвести качественную их реорганизацию или перевод в нужное состояние [6]. Управленческие технологии используются не только для организации деятельности политических партий и организационного воздействия на ее участников, но и с целью их формирования, то есть до существования политической партии как самостоятельного участника политических процессов. Однако, авторами верно отмечается. Что данные технологии направлены на перевод политических партий в желаемое состояние, то есть придание ей определенной структуры, причем большую важность в этом процессе приобретает характеристики данной структуры, оказывающие непосредственное влияние на её дальнейшее функционирование. В предложенном определении также справедливо отмечено, что управленческие технологии представляют собой совокупность последовательных управленческих действий или решений.

Наличие определенных управленческих технологий в формировании политических партий обусловлено спецификой политических партий как самостоятельного политического института.

Следует отметить, что в отличие от других политических институтов политической партии присущи особые характеристики, среди которых наличие внутренней организации и структуры программы действий, идеологической ориентации. Все это обуславливает использование особого инструментария политического менеджмента в формировании политических партий.

Для настоящего исследования представляется необходимым определить момент начала партстроительства.

Важно отметить тот факт, что ошибочно полагать, что процесс создания или формирования партий запускается с момента их регистрации. Как показывает существующая практика избирательного процесса перед регистрацией общественного объединения в форме политической партии, требуется проведение значительного массива подготовительных работ, в том числе требующих управленческих решений и применения управленческих технологий. Всю совокупность подготовительных действий в научной литературе принято называть «партийным стартапом» [8, с. 233].

Запросы современного общества, как и любой общественной организации невозможно полноценно реализовать без квалифицированного и подготовленного управленческого аппарата [5, с. 201]. Примечательно, что действующим законодательством также предусмотрена необходимость формирования в каждой партии руководящего центра, что должно быть прямо предусмотрено их уставными документами. При этом, стоит отметить, что указанный руководящий центр может обладать авторитетом у всех членов партии, а может нет, также может быть различной степень его влияния на состав партии. Однако, успешной и эффективной следует признать ту партию, в которой данное управленческое ядро формируется посредством объективных выборов и обладает высоким авторитетом.

Анализ технологий политического менеджмента позволяет утверждать, что работу политических менеджеров российских политических партий вполне можно фиксировать с помощью мониторинга интернет-публикаций. В современных реалиях основным параметром, по которому можно определить успешность работы политического менеджера является количественный показатель упоминаний о конкретной партии в сети Интернет [8, с. 233]. Следует отметить, что не играет особой роли характер упоминания. Порой, даже негативные упоминания о политической партии вызывают общественный резонанс и могут привлечь внимание избирателей к про-

блемам той или иной партии. Актуальность данного направления подтверждается большим количеством упоминаний в Интернет-ресурсах таких словосочетаний как «регистрация партий», «создание партии», «зарождение партии» и др.

Специфической чертой управленческих технологий при формировании политических партий является их зависимость от современных реалий, а также действующего законодательства.

В юридической литературе встречается способ политического управление партийными организациями через партийных функционеров, оказывающий большое влияние на создание линии политической партии и утилитарное исполнение партийных вопросов и проблем [1, с. 14].

К политическим функционерам можно применить несколько видов партийного менеджмента, которые можно охарактеризовать в качестве основного, сетевого, комплексного и смешанный. Разберём более подробно каждый из них.

Основной подход основывается на том, что функционеры избираются и внедряются в партию через базовые организации, которые, как правило, контролируются ядром партии. Данный подход именуется основным или базовым, поскольку представляется наиболее простым и менее затратным, а также отличается программируемостью и управляемостью. Сказанное подтверждается частотой его использования действующими политическими партиями России.

Стоит заметить, что как и любая технология, вышеописанная управленческая модель отличается некоторыми недостатками. Эти несовершенства можно обусловить недостаточной эрудицией предполагаемых функционалом в области политики и управления, а также отношения власти и подчинения. В результате неправильного применения данной технологии может сформироваться система с преобладанием чиновничьего аппарата, следствия которой отразятся в период политической кампании [3].

Сетевой подход заключается в формировании целостной системы подобных

функционеров посредством притягивания к деятельности партии существующих в соответствующей местности публичных лиц. Указанный подход в том числе может быть реализован посредством вовлечения в политическую деятельность абсолютно далеких от этой деятельности людей через личные знакомства и связи состава партии.

Привлечение новых людей, ранее не занимавшихся политической деятельностью, и, даже не имеющих отношения к государственным структурам и власти, является привлекательным направлением и дает позитивные плоды в период предстоящих политических кампаний. Вовлечение новых людей в функционирование партии осложняется объяснением им специфики их деятельности, а также знакомством с новой для них сферой. Сказанное влечет финансовые и временные расходы. Трудность в реализации описанной управленческой технологии обусловлена также тем моментом, что каждый из новичков требует, как правило, индивидуального подхода. Однако, в данном случае очень важно оптимально подбирать способы и методы управленческого характера, поскольку их несовершенство может независимость и неуправляемость вовлекаемых лиц, что отрицательно отразится на запущенном процессе формирования политической партии.

Комплексный подход состоит в объединении политических и общественных организаций. Реализация данного метода состоит в разрастании политической партии за счет прежних региональных составом организаций. Примечательно, что комплексная технология может способствовать наиболее оперативному образованию новой системы из числа более опытных и квалифицированных в политической сфере функционеров [7].

Чаще всего на практике применяется смешанный или комплексный подход, сочетающий в себе технологии всех выше обозначенных подходов. Это обусловлено тем, что в зависимости от членства, основным назначениям деятельности, отношениям с избирателями, внутренней структуре, выделяются партии ка-

дровые, массовые и партии избирателей [2].

В качестве еще одной управленческой технологии при формировании политических партий можно назвать привлечение и работу с партийными активистами. Данная практика носит положительный характер, поскольку в ходе нее осуществляется взаимодействие электоратом и сторонниками.

Е. Малкин и Е. Сучков в работе политического менеджера с партийными активистами выделяют четыре этапа: «обозначение, фиксация, вербовка и «намагничивание»» [3].

Рассматривая перечисленные стадии, можно предположить, что обозначение активиста запускается с момента формулирования настроя на участливость в занятии политической деятельностью. В этой связи, основополагающим направлением управленцев следует признать выявление потенциальных членов партии в период проведения массовых мероприятий. На наш взгляд, первоначальным этапом целесообразно было бы именовать «выявлением».

В дальнейшем происходит фиксация активиста, которая, по нашему мнению, заключается в проверке активиста посредством дачи ему определенного задания. Задания могут быть различного рода, в зависимости от личностных качеств активиста и заканчивая от потребностей в партийных мероприятиях. Так, активисту может быть поручено распространение агитационных мероприятий, расклейка плакатов и др. На данном этапе особенно важно не давать серьезных поручений, связанных. Например, с передачей каких-либо документов, носящих конфиденциальный характер.

В случаях, если активист выполняет задание успешно и соглашается продолжить партийную работу, его можно считать зафиксированным, а этап фиксации окончанным. Следовательно, наступает этап вербовки активиста, который заключается главным образом в его включении в реализацию политических проектов.

«Намагничивание» активиста по мнению авторов состоит в систематическом

его привлечении к партийным мероприятиям. Видится, что указанный этап предполагает донесение лицу информации о важности занимаемой позиции и осуществляемой деятельности. Немаловажным моментом на данном этапе выступает материальное стимулирование активиста.

Нельзя не согласиться с выделением указанной стадии. Тем не менее, на наш взгляд, последняя стадия предлагает полноценное «вовлечение» активиста в деятельность политической партии, что позволяет признать ее пограничный характер с политической деятельностью.

Немаловажную роль в управленческих технологиях при формировании политических партий играет работа с партийными сторонниками. Видится, что данная технология осуществляется в два этапа: выявления и взаимодействия.

На этапе взаимодействия большую роль играет выработка системы, которые будут составлять основу приверженцев партии и поддерживать ее линию. Данного рода связи поддерживаются через участие в общественных и массовых мероприятиях, собраниях. Данное направление следует признать перспективным ввиду того, что оно открывает новые горизонты и знакомит с новыми людьми, которые могут также войти в состав сторонник, а может и членов партии.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно утверждать, что в России управленческие технологии, используемые при формировании политических партий, отличаются многообразием. При формировании российских политических партий используются технологии партийных стартапов, работы с партийными функционерами, активистами и сторонниками, а также иные виды взаимодействий. Анализ реализации управленческих технологий партийного строительства свидетельствует о том, что любая технология требует повышенной активности субъектов политического процесса, а использование подобного рода технологий является востребованным и актуальным ввиду современной трансформации политических сил и политической системы общества.

Литература

1. Кочетков А. Особенности формирования и развития политического класса современной России // Россия и мусульманский мир. 2017. № 6 (300). С. 14. 12–18.
2. Кыдыралиев Б.М. Сущность и вовлеченность политической партии // Международный журнал гуманитарных и дополнительных наук. 2018. № 3С, 105. 103–106.
3. Малкин Е., Сучков Е. Политические технологии. М., 2006.
4. Невская Т.А. Организационные основы партийного строительства в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 5. С. 244. 241–249.
5. Оськин С.А. Особенности партийного строительства в современной России // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 201–210. 201
6. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие. К.: МАУП, 2004. 608 с.
7. Федорченко С.Н. Современные технологии политического менеджмента. М.: МГОУ, 2012.
8. Федорченко С.Н., Рыбина М.В. Технологии политического менеджмента в партийном строительстве России // Известия МГТУ. 2013. № 4. С. 233. С. 228–237.

MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE PROCESS OF FORMING POLITICAL PARTIES IN RUSSIA

Ananishnev V.M., Zotova M.V., Gavrillov D.V., Pugachev N.M.
GAOU IN MSPU

The article discusses the main management technologies used in the formation of domestic political parties. It is noted that the presence of certain management technologies in the formation of political parties is due to the specifics of political parties as an independent political institution. The importance of managerial technologies in party building and their impact on the rating of a political party, the authority and image of its leaders and, in general, the success and effectiveness of the activities of the relevant par-

ty are substantiated. The issues related to the identification of the essence of such a phenomenon as the formation of political parties or party building, as well as the definition of the concept and content of management technologies are considered as independent. It is established that the management technologies used in the formation of political parties in Russia have a wide variety. As a result of the research, the author comes to the conclusion that the technologies of party startups, work with party functionaries, activists and supporters are actively used in domestic parties. The analysis of the implementation of managerial technologies of party building indicates that any technology requires increased activity of the subjects of the political process, and the use of such technologies is in demand and relevant due to the modern transformation of political forces and the political system of society.

Keywords: management technologies, political parties, party building, party system, political management.

References

1. Kochetkov A. Features of the formation and development of the political class of modern Russia // *Russia and the Muslim world*. 2017. No.6 (300). pp. 14. 12–18.
2. Kydyraliev B.M. The essence and involvement of a political party // *International Journal of Humanities and Additional Sciences*. 2018. No.3C, 105. 103–106.
3. Malkin E., Suchkov E. *Political technologies*. M., 2006.
4. Nevskaya T.A. Organizational foundations of party building in modern Russia // *Socio-humanitarian knowledge*. 2021. No.5. pp. 244. 241–249.
5. Oskin S.A. Features of party building in modern Russia // *Managerial consulting*. 2006. No.3. pp. 201–210. 201
6. Surmin Yu. P., Tulenkov N.V. *Theory of social technologies: Textbook*. K.: IAPM, 2004. 608 p.
7. Fedorchenko S.N. *Modern technologies of political management*. Moscow: Moscow State University, 2012.
8. Fedorchenko S.N., Rybina M.V. *Technologies of political management in party construction of Russia* // *Izvestiya MSTU*. 2013. No. 4. pp. 233. pp. 228–237.

Исследование механизма функционирования и практического пути социальной рабочей станции в социальном управлении

Ван Бэйбэй,

магистр, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: 519849494@qq.com

Социальная работа открывает новые возможности для развития, в области социальной работы появился ряд высококачественных результатов исследований по таким темам, как теоретическое построение социальной работы, эффективная связь между искоренением бедности и возрождением сельских районов, содействие развитию социальной работы в области общественного здравоохранения и инновационное развитие образования в области социальной работы. Для дальнейшего развития социальной работы, социальная работа должна усилить построение «трех систем» и рассказать «китайскую историю» социальной работы; соответствовать основным стратегическим потребностям страны и вести профессиональное развитие с помощью исследований высокого уровня; сосредоточиться на инновационном развитии политики, знаний и практики, а также способствовать развитию исследований в области социальной работы. Исследование также фокусируется на инновационном развитии политики, знаний и практики для продвижения новой инфраструктуры исследований в области социальной работы; на основе трансформации и модернизации образования в области социальной работы, оно оптимизирует многоуровневую и классифицированную систему подготовки специалистов по социальной работе. В связи с быстрым развитием специализации социальной работы в Китае, Министерство гражданских дел способствовало строительству станций социальной работы в поселках (улицах) по всей стране. В то же время, теоретически эту модель можно охарактеризовать как «административно-ориентированный неоменеджмент»: с одной стороны, покупка государством услуг социальной работы может помочь государству активно выполнять свои обязанности по обеспечению благосостояния; с другой стороны, в процессе может возникнуть напряжение между административными целями и рыночными средствами, что приведет к непредвиденным последствиям с точки зрения экономики, эффективности и результативности.

Ключевые слова: социальная работа, станции, Китай, развитие, общество, обеспечение.

Строительство станций социальной работы помогло социальной работе выйти на низовой уровень в городских и сельских районах, «двойное сокращение» предоставило новое пространство для социальной работы по обслуживанию детей и молодежи, а нормализация профилактики и контроля эпидемий помогла социальной работе занять место в построении системы здравоохранения. Нормализация профилактики и борьбы с эпидемиями помогла социальной работе занять свое место в построении системы общественного здравоохранения. Чтобы по-настоящему подчеркнуть профессиональные достоинства социальной работы, необходимы исследования социальной работы на высоком уровне.

В процессе локализации социальной работы все больше китайских ученых выступает за создание базы знаний. Разобравшись с логикой профессионального развития социальной работы, ученые предположили направление для развития теории социальной работы в Китае – это сочетание локализации и индигенизации, то есть внутреннего стремления реагировать на местные потребности и перехода от западного конформизма к культурному самосознанию. [1,33]

Практика социальной работы в Китае – это, по сути, процесс содействия реализации национальной политики, поэтому местная сельская социальная работа должна быть направлена на возрождение села. [2,99]

В 2021 году в строительство поселковых (уличных) пунктов социальной работы по всей стране было вложено около 2,49 млрд юаней, построено более 17 000 поселковых (уличных) пунктов социальной работы, в результате чего более 5000 учреждений социальной работы укоренились на низовом уровне, в них разместились более 40 000 социальных работников, которые оказыва-

ют услуги, и в общей сложности 187 900 получателей услуг. [3,168] В настоящее время 32 провинции по всей стране выдвинули планы по реализации строительства пунктов социальной работы в поселках (улицах), и строительство пунктов социальной работы находится в зачаточном состоянии, с различными моделями практики по всей стране. С точки зрения дисциплинарного развития, необходимо продвигать дифференцированное исследование в разных местах к профессионально обоснованному нормативному признанию, и в конечном итоге достичь нового этапа построения социальных рабочих мест от увеличения количества к улучшению качества. Укрепление и совершенствование строительства пунктов социальной работы в поселках (улицах) способствует созданию низовых систем социального обслуживания и потенциала.

Что касается развития социальных рабочих мест, ученые отмечают узкие места, которые ограничивают развитие строительства социальных рабочих мест в поселках (улицах). Первый – это вопрос «политического сообщества», т.е. сколько человеческих, финансовых и ресурсных ресурсов каждый департамент мобилизует для участия в строительстве пунктов социальной работы в поселках, что отразится на ходе и качестве строительства пунктов социальной работы в поселках и в дальнейшем повлияет на их функционирование. Здесь следует говорить о двух типах политических сообществ: первое – это сообщество, сформированное различными департаментами в системе гражданских дел как инициаторами этой работы, а второе – это политическое сообщество, сформированное департаментом гражданских дел, ответственным за эту работу, и другими соответствующими департаментами. [4,150] Что касается развития станций социальной работы, то стоит подумать о том, как максимально расширить их функции. В отличие от медицинской социальной работы, социальная работа в области общественного здравоохранения проводится не только в больницах, но и в сообществе и обществе, при

междисциплинарном сотрудничестве множества сторон для предоставления систематических услуг по укреплению здоровья населения. С нормализацией профилактики и контроля эпидемий, как реализовать местное строительство теории и практики социальной работы в области общественного здравоохранения и как интегрировать социальную работу в области общественного здравоохранения в систему управления чрезвычайными ситуациями, чтобы постоянно защищать жизнь и здоровье людей, стало предметом обсуждения социальной работы в области общественного здравоохранения.

Во время профилактики и борьбы с эпидемией были подчеркнуты функции и роль социальной работы в реагировании на кризисные события в обществе. Социальная работа сыграла важную роль в трех областях: расширение возможностей поддержки, пропаганда политики и межпрофессиональное сотрудничество, и ее роль в оказании психосоциальной помощи после бедствия и восстановлении социальных функций была незаменимой.

Во время эпидемии социальная работа сыграла важную роль в преодолении кризиса общественного здоровья, а построение парадигмы социальной работы в области общественного здоровья на местах стало важной задачей в постэпидемическую эпоху. Однако социальная работа еще не включена в институциональную систему управления чрезвычайными ситуациями в здравоохранении, и все еще существует необходимость дальнейшего изучения того, как придать социальной работе в здравоохранении легитимную идентичность.

В целом, исследования в области социальной работы достигли определенного прогресса в таких областях, как теория и построение дисциплины, искоренение бедности и возрождение сельских районов, построение социальной работы в области общественного здравоохранения и образование в области социальной работы, и начали демонстрировать кумулятивный эффект производства знаний. Однако, чтобы действительно достичь

амбициозной цели содействия развитию практики социальной работы и формированию политики через исследования, необходимо приложить больше усилий для развития исследований социальной работы на высоком уровне для поддержки практики и политики. [5,31] Следует отметить, что эта статья ограничена объемом чтения и внимания автора, и я боюсь, что она не является достаточно полной, и неизбежно какая-нибудь жемчужина останется за кадром. Цель данной статьи – способствовать качественному развитию исследований в области социальной работы, и совместные усилия академического сообщества, безусловно, могут достичь этой цели. В данной статье предлагаются четыре направления для обращения.

Во-первых, усилить построение «трех систем» социальной работы и рассказать «китайскую историю» социальной работы. Мы должны использовать и впитывать суть зарубежных теорий, знаний и методов социальной работы, совершенствовать концепции, категории, предложения и модели вмешательства, которые отражают опыт Китая в развитии социальной работы и способны к диалогу с международными коллегами, чтобы сформировать теории, знания, методы и модели социальной работы с китайской спецификой, китайским стилем и китайской манерой, внести вклад в международное сообщество социальной работы, тем самым формируя определенный профессиональный дискурс на международной арене. На самом деле, быстрое развитие социальной работы в Китае привлекло широкое внимание международных коллег, и английские журналы очень заинтересованы в публикации статей, связанных с темой китайской социальной работы, что дает нам хорошую возможность познакомить международных коллег с достижениями, опытом и тенденциями развития китайской социальной работы.

Во-вторых, мы ориентируемся на основные стратегические потребности страны и ведем профессиональное развитие с помощью исследований высокого уровня. Углубленные исследова-

ния социальной работы, направленные на изменение политики, услуг и практики, должны проводиться в области общего процветания, возрождения сельских районов, общественного здравоохранения, построения систем психосоциального обслуживания и других профессиональных областях, с целью получения большего количества крупных исследовательских проектов или включения в ключевые платформы строительства на местном и университетском уровнях. Существует особая потребность в усилении исследований вмешательства и оценочных исследований для демонстрации профессиональных преимуществ с помощью объективных и достоверных данных.

В-третьих, сосредоточиться на инновационном развитии политики, знаний и практики для продвижения новой инфраструктуры исследований в области социальной работы. Например, мы должны усилить создание баз данных, баз случаев и пунктов наблюдения; усилить интеграцию социальной работы с новыми технологиями, такими как большие данные и искусственный интеллект, и создать новые лаборатории; усилить связь между образовательным сектором и практическим сектором, а также взаимодействие с ведомствами, чтобы сформировать институциональную платформу для диалога, обмена и сотрудничества, чтобы преодолеть разрыв между производством знаний и их применением; стремиться к созданию новых профессиональных журналов и журнальных рубрик по социальной работе, чтобы предоставить больше возможностей для публикации работ по социальной работе. возможности; укреплять энтузиазм и инициативу профессиональных ассоциаций и их различных профессиональных комитетов в воспитании молодых талантов; только таким образом профессиональное сообщество, представляющее возможности для развития молодежи, может иметь будущее[6,684].

В-четвертых, необходимо содействовать трансформации и модернизации образования в области социальной работы, а также оптимизировать систему

подготовки специалистов по социальной работе различных уровней и категорий. Образование в области социальной работы должно быть преобразовано и усовершенствовано, чтобы разрешить глубоко укоренившиеся противоречия между «преподаванием», «обучением» и «использованием». Исследования в области образования в сфере социальной работы должны предоставить эмпирические данные для решения этой задачи. Образование в области социальной работы должно воспитывать как практические таланты с профессиональными ценностями, так и исследовательские таланты высокого уровня; оно должно воспитывать как универсалов с широким спектром услуг, так и специалистов в определенной области. Поэтому каждый университет должен опираться на свои сильные стороны, чтобы сформировать диверсифицированный путь подготовки талантов. Что касается темы данной статьи, то существует значительная нехватка талантов в области исследований социальной работы, и исследовательские университеты должны сосредоточиться на этом.

Литература

1. Рудых Л. Г., Хомич Н.В. Особенности развития инфраструктуры в Китае в 2020–2021 гг. //Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № . 7 (108). – С. 33–36.
2. Мозиас П.М. Социальная сфера Китая: тенденции и проблемы развития //Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9, Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. – 2018. – № . 3. – С. 99–106.
3. Шаманина Э.А. Социальные преобразования и социальная политика Китая //Экономика и управление: проблемы, решения. – 2018. – Т. 2. – № . 6. – С. 168–173.
4. Ефремова С.М. Анализ практики развития рынка труда Китая в» Новом формате» //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2018. – № . 2. – С. 150–156.
5. Томайчук Л.В. Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества //Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № . 3 (29). – С. 31–36.
6. Чэнь Ц. Цифровизация социальной сферы в современном Китае //Современное образование: векторы развития. Цифровизация экономики и общества: вызовы для системы образования. – 2018. – С. 684–690.

STUDY OF THE MECHANISM OF FUNCTIONING AND PRACTICAL WAY OF THE SOCIAL WORK STATION IN SOCIAL MANAGEMENT

Wang Beibei

Lomonosov Moscow State University

Social work offers new opportunities for development, social work has produced a series of high-quality research results on such topics as the theoretical construction of social work, the effective link between poverty eradication and rural revitalization, the promotion of social work in public health and the innovative development of social work education. To further develop social work, social work must reinforce the construction of the «three systems» and tell the «Chinese story» of social work; meet the country's basic strategic needs and lead professional development through high-level research; focus on the innovative development of policy, knowledge and practice, and promote social work research. The study also focuses on the innovative development of policy, knowledge and practice to promote new social work research infrastructure; based on the transformation and modernization of social work education, it will optimize the multi-level and classified social work training system. Due to the rapid development of social work specialization in China, the Ministry of Civil Affairs has promoted the construction of social work stations in townships (streets) across the country. At the same time, this model can theoretically be characterized as «administrative-oriented neo-management»: on the one hand, the state's purchase of social work services can help the state actively fulfill its welfare responsibilities; on the other hand, there can be tension between administrative goals and market means in the process, leading to unintended consequences in terms of economy, efficiency, and effectiveness.

Keywords: social work, stations, China, development, society, provision

References

1. Rudykh L.G., Homich N.V. Peculiarities of Infrastructure Development in China in 2020–2021 // *Society: Politics, Economics, Law*. – 2022. – № 7 (108). – С. 33–36.
2. Mozias P.M. The Social Sphere of China: Trends and Problems of Development // *Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Ser. 9, Orientalism and African Studies: Abstract Journal*. – 2018. – № 3. – С. 99–106.
3. Shamanina E.A. Social transformation and social policy of China // *Economics and management: problems, solutions*. – 2018. – Т. 2. – № 6. – С. 168–173.
4. Efremova S.M. Analysis of the Chinese labor market development practice in the «New format» // *Vestnik of Tver State University. Series: Economics and Management*. – 2018. – № 2. – С. 150–156.
5. Tomaychuk L.V. Digitalization of China's Economy: Risks and Opportunities for Society // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. – 2019. – № 3 (29). – С. 31–36.
6. Chen Q. Digitalization of Social Sphere in Modern China // *Modern Education: Vectors of Development. Digitalization of Economy and Society: Challenges for Education System*. – 2018. – С. 684–690.

Влияние гендерного фактора на управленческий потенциал в системе миссии и ценностей компании

Трифорова Виктория Юрьевна,

аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vitrif@mail.ru

В статье рассматривается склонность людей к управлению в зависимости от их половой принадлежности. В целом предпочтение найма на руководящие позиции, как и трудоустройства на работу в подчинение, отдается мужчинам. Но правильно ли это утверждать в отношении специфики деятельности всех компаний?! Также на управленческий потенциал может влиять не только сегмент бизнеса, но и общие ценности и миссия, которую несет компания.

Для исследования была проведена комплексная оценка персонала компании, который относится к руководящему сегменту. Также, описанные результаты охватили систему миссии и ценностей компании, что помогает корректнее оценить управленческий потенциал человека не в принципе, а в рамках компании. Для сравнения полученных результатов с общепринятыми показателями к способности руководить, был использован тест способностей Swift Analysis Aptitude в отношении среднего показателя, полученного в ходе опроса более чем 20 000 менеджеров крупнейших компаний по всему миру. Четкое понимание заинтересованности в руководстве в рамках системы ценностей определенной компании и сочетание такого стремления с природным управленческим потенциалом поможет организовать крепкую систему управления и ускорить развитие организации.

Ключевые слова: Социология управления, организационная культура, корпоративная культура, управленческий потенциал, управленческие решения, гендерный фактор, гендерное различие, гендерная принадлежность, миссия, ценности, система миссии и ценностей компании.

Каждая компания нацелена на то, чтобы руководящие должности занимали именно те люди, которые поистине заинтересованы в развитии компании и стремятся приумножить ее капитал, обеспечить развитие, отдают приказы и действуют именно в рамках интересов организации. Выбирая на управляющую должность кандидата, как правило, предпочтение отдается именно людям с принадлежностью к мужскому гендерному признаку, в связи с тем, что принято считать, что мужчины склонны к большей системности, анализу, логичности и хладнокровности. Также при трудоустройстве на работу, что женщины, что мужчины значительно охотнее будут подчиняться именно мужчине.

Помимо человеческого фактора, влияющего на оба гендера в стремлении подчиняться и отдавать управление более сильному полу, есть особенности законодательной базы, которой определяются различия для мужчин и женщин. Российское законодательство имеет гендерную предрасположенность. Так, например, в отношении женщин, которые совершают преступления, но имеют несовершеннолетних детей, применяются более мягкие меры, чем к мужчинам в том же статусе. В трудовом кодексе подразумевается, что женщина рано или поздно уйдет в декрет и оставит свои рабочие дела в пользу воспитания детей.

Тем не менее, для организации, сумевшей укоренить и внедрить в систему мышления персонала свою миссию и ценности, вовлечь персонал, гендерный фактор может потерять свое влияние в отношении управленческого потенциала и исполнительских функций.

Исследование, которое легло в основу этой статьи, было проведено на компании, занимающейся внешнеэкономической деятельностью. Результаты деятельности компании строго контролируются государством и лежат в основе национального проекта Российской Фе-

дерации «Международная кооперация и экспорт».

Для компании были выработаны совместно с государственной поддержкой и вовлечением всего персонала следующие миссия и ценности:

Миссия – «Мы верим, что для российских товаров и услуг нет границ».

Мы повышаем благосостояние общества, раскрывая возможности глобальных рынков для каждой российской компании».

Ценности:

«1 – Мы – команда профессионалов, увлеченных экспортом;

2 – Мы делаем сложное – простым, и экспорт – «в один клик»;

3 – Мы интегрируем возможности госинститутов и бизнеса в интересах экспорта;

4 – Мы задаем стандарты и постоянно развиваемся;

5 – Результат нашей работы – успешные экспортеры».

Идентификация управленческого потенциала сотрудников потребовала определить роли каждого сотрудника в системе ценностей компании. Для этого была разработана модель компетенций на базе Британской модели компетенций Wave, ценностях, заложенных в организации, с учетом разбивки по грейдам и уровням должностей. Модель включает: 20 общекорпоративных компетенций, 8 общих профессиональных и 337 специфических профессиональных компетенций, выявленных по направлениям деятельности компании (рис. 1).

Общекорпоративные компетенции Группы РЭЦ					
	Результат нашей работы – успешные экспортеры	Мы – делаем сложное простым и экспорт «в один клик»	Мы – интегрируем возможности госинститутов и бизнеса	Мы – команда профессионалов, увлеченных экспортом	Мы – задаем стандарты и постоянно развиваемся
ТОП – 10 (М2.1)	Обозначает цели	Принимает решения и берет ответственность за них	Определяет возможности	Демонстрирует лидерство	Определяет стратегию
ТОП-50 (М2.2., М3)	Приводит к результату	Генерирует идеи	Достигает договоренностей	Мотивирует других людей	Определяет тактику
ТОП – 100 (Е1)	Проявляет инициативность	Мыслит системно	Налаживает взаимопонимание	Работает в команде	Упорядочивает задачи
Специалисты (до Е1)	Выполняет задачи	Приветствует изменения	Использует возможности	Взаимодействует с людьми	Развивает свою экспертизу

Рис. 1. Общий вид модели компетенций, основанный на ценностях компании

Под каждой ценностью, определенной компанией, расписаны индикаторы, определяющие соответствие управленческого потенциала уровню должности в системе ценностей компании.

В рамках специфики деятельности организации, ее миссии, ценностей и модели компетенций, для исследования теряют интерес уровень руководства Топ-10. Руководители высшего звена

в рамках государственного проекта – это лица, имеющие представительские функции на уровне государства. Как правило, должности этого уровня занимают люди, назначенные государством. Также для исследования будет некорректной выборка в отношении Специалистов – уровень исполнительских функций. Уровень Топ-100 можно определить как выполняющий исполнительские функции, но получившие повышение за выслу-

гу лет, но не несущие ответственности за результат принятых управленческих решений.

Результаты исследования, описанные в данной статье, относятся к уровню Топ-50 – руководители подразделений, которые определяют функцию и результативность направлений. С индикаторами их деятельности в рамках модели компетенций компании можно ознакомиться на рис. 2.

	Приводит к результату	Генерирует идеи	Достигает договоренностей	Мотивирует других людей	Определяет тактику
ТОП-50 (М2.2., М3) Индикаторы	<ul style="list-style-type: none"> • Работает быстро • Работает продуктивно • Работает многозадачно 	<ul style="list-style-type: none"> • Придумывает идеи • Придумывает подходы • Принимает радикальные решения 	<ul style="list-style-type: none"> • Уговаривает других людей • Формирует мнения • Ведет переговоры 	<ul style="list-style-type: none"> • Проявляет эмпатию • Слышит других людей • Проясняет мотивацию 	<ul style="list-style-type: none"> • Разрабатывает концепции и модели • Применяет теоретические знания • Определяет основополагающие принципы

Рис. 2. Индикаторы, определяющие соответствие компетенций управленческому уровню

В основу методологии исследования легли:

- Тест способностей Swift Analysis Aptitude
- Личностный опросник Wave Professional Styles

– Интервью по компетенциям
Шкала оценки полученных результатов в отношении опросника и интервью приведена ниже в виде шкалы (рис. 3).

Потенциал (Опросник)	Уровень	Навыки (Интервью)
<ul style="list-style-type: none"> • выражена ярче, чем у большинства людей • часто проявляется 	4	<ul style="list-style-type: none"> • полностью владеет компетенцией, проявляет ее не только в базовых, но и в нестандартных ситуациях • помогает другим эффективнее проявлять компетенцию
<ul style="list-style-type: none"> • однозначно выражена • часто проявляется • ярче, чем у многих 	3,5	<ul style="list-style-type: none"> • проактивно проявляет данную компетенцию
<ul style="list-style-type: none"> • проявляется в обычных ситуациях • выражена на среднем уровне • как у большей части людей 	3	<ul style="list-style-type: none"> • полностью владеет компетенцией и проявляет ее во всех базовых рабочих ситуациях
<ul style="list-style-type: none"> • выражена, но слабо • проявляется, но редко • слабее, чем у многих 	2-2,5	<ul style="list-style-type: none"> • владеет компетенцией ограниченно, в виде отдельных элементов • проявление компетенции происходит в пассивной форме, в ответ на установленные нормы и правила
<ul style="list-style-type: none"> • проявляется слабее, чем у большинства людей • практически не выражена 	1-1,5	<ul style="list-style-type: none"> • не владеет компетенцией • не применяет данную компетенцию в рабочем процессе и не стремится ее реализовать

Рис. 3. Шкала оценки результатов

Общая картина соответствия компетенций уровню управленческого по-

тенциала по уровню Top-50 изображена на рисунке 4.

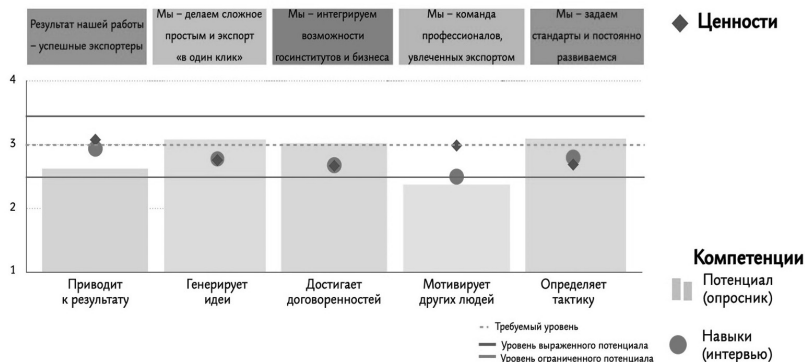

Рис. 4. Соответствие компетенций ценностям компании для уровня Top-50

Таблица 1. Результаты исследования управленческого потенциала по гендерной принадлежности

		Приводит к результату	Генерирует идеи	Достигает договоренностей	Мотивирует	Определяет тактику	Потенциал	Интервью	Тест
1	Ж	3.5	4.0	3.0	2.0	3.5	3.2	3.0	7
2	Ж	4.0	3.5	3.0	2.0	3.5	3.2	3.0	5
3	М	3.5	3.5	3.0	2.5	3.5	3.2	2.0	3
4	М	2.0	3.5	3.5	3.0	4.0	3.2	3.0	9
5	М	3.5	3.5	3.5	2.0	3.5	3.2	3.2	10
6	М	2.5	4.0	3.0	2.5	4.0	3.2	2.5	10
7	Ж	3.0	4.0	3.0	2.0	3.5	3.1	2.0	10
8	Ж	3.0	3.0	3.5	3.0	3.0	3.1	3.0	7
9	Ж	3.0	3.5	2.5	2.5	3.5	3.0	3.5	7
10	М	3.0	3.0	3.0	2.5	3.5	3.0	2.5	9
11	Ж	3.0	3.5	3.0	2.0	3.5	3.0	3.0	5
12	Ж	3.5	2.0	3.0	3.0	3.0	2.9	2.5	6
13	Ж	4.0	2.5	2.0	3.0	3.0	2.9	2.5	4
14	М	3.0	2.5	3.0	3.0	2.5	2.8	3.0	7
15	М	2.0	3.5	2.5	2.0	3.5	2.8	3.0	10
16	М	2.5	3.5	3.0	2.0	3.5	2.8	3.5	5
17	Ж	3.0	2.0	3.5	2.5	3.5	2.7	3.0	5
18	Ж	1.5	3.5	2.5	3.0	4.0	2.7	3.0	6
19	М	2.5	2.0	3.0	3.0	3.0	2.7	3.0	6
20	М	1.5	3.0	3.5	2.5	3.0	2.7	2.5	2
21	Ж	2.5	3.0	3.0	2.0	3.0	2.7	2.5	6
22	Ж	1.5	3.0	3.0	2.5	3.5	2.7	2.0	6
23	М	3.0	2.0	3.0	3.0	1.5	2.5	0.0	5
24	Ж	1.5	2.0	3.5	2.0	3.5	2.5	2.5	4
25	М	2.0	2.0	3.0	3.0	2.5	2.5	2.5	6
26	М	1.5	2.0	3.5	2.5	2.5	2.4	3.0	7
27	Ж	3.0	2.5	1.5	1.5	3.0	2.3	3.0	6
28	Ж	3.0	2.0	2.0	2.0	2.0	2.2	2.5	8

Результатами проведенного исследования для руководителей уровня Топ-50 в рамках дифференциации по гендерному принципу можно рассматривать следующие показатели, изображенные в Таблице 1.

По отраженным выходным данным исследования в приведенной выше таблице можно отметить, что мужчины проявляют управленческий потенциал выше женщин, если ориентироваться на общепринятое тестирование для менеджеров (последний столбец в таблице), в то время как при ориентации на миссию и ценности компании, потенциал к руководству среди женщин также начинает проявляться активнее. Полученные результаты говорят о том, что действительно у мужчин может превосходить способность управлять при прочих равных условиях, но имея уже определенную приверженность миссии и ценностям компании, женщины более чутко придерживаются политики и становятся замотивированнее на пути следованию ей.

Литература

1. Силласте Г.Г. Социально-психологический облик россиянок: доклад на 3-й Международной гендерной конференции «Мужчина и женщина: меняющиеся роли и образы». 14–16 октября 1997. М., 1997
2. Федеральная служба государственной статистики; Женщины и мужчины России – 2016 г. [электронный ресурс] http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_50/Main.htm (дата доступа 01.05.2017)
3. Фокина О.А. Сервисная деятельность как особый вид социальной практики [электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/servisnaya-deyatelnost-kak-osobyy-vid-sotsialnoy-praktiki> (дата доступа 05.04.2017)
4. Amway Global Entrepreneurship Report. 2015. URL: <http://globalnews.amway.com/amway-global-entrepreneurship-report>.
5. Индекс предпринимательской активности женщин WBI 2015 // Комитет по развитию женского предприни-

мательства «ОПОРА России». URL: <http://www.woman-opora.ru/proekty>.

6. Women in business: the path to leadership // Grant Thornton International Business Report 2015. URL: <http://www.grantthornton.global/insights/articles/women-in-business-2015>.

THE INFLUENCE OF THE GENDER FACTOR ON MANAGERIAL POTENTIAL IN THE COMPANY'S MISSION AND VALUES SYSTEM

Trifonova V. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article deals with the propensity of people to manage, depending on their gender. In general, preference for hiring for leaders' positions, as an employment for work in submission, is given to men. But is it correct to say it about the specifics of the activities of all companies?! Also, management potential can be influenced not only by the business segment, but also by the general values and mission that the company carries.

Due to research, a comprehensive assessment of the company's personnel, which belongs to the management segment, was carried out. Also, the described results covered the system of the mission and values of the company, which helps to more correctly assess the managerial potential of a person not in principle, but within the company.

To compare these results with generally accepted indicators of leadership ability, the Swift Analysis Aptitude test was used against the average score obtained in a survey of more than 20,000 managers of the largest companies around the world. A clear understanding of the interest in leadership within the value system of a particular company and the combination of this desire with natural managerial potential will help to organize a strong management system and accelerate the development of the organization.

Keywords: Sociology of management, organizational culture, corporate culture, managerial potential, gender factor, gender difference, mission, values, system of mission and values of the company.

References

1. Sillaste G.G. Socio-psychological image of Russian women: report at the 3rd International Gender Conference "Man and Wom-

- an: Changing Roles and Images". October 14–16, 1997. M., 1997
2. Federal State Statistics Service; Women and men of Russia – 2016 [electronic resource] http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_50/Main.htm (accessed 05/01/2017)
3. Fokina O.A. Service activity as a special type of social practice [electronic resource] <http://cyberleninka.ru/article/n/servisnaya-deyatelnost-kak-osobyi-vid-sotsialnoy-praktiki> (accessed 04/05/2017)
4. Amway Global Enterprise Report 2015. URL: <http://globalnews.amway.com/amway-global-entrepreneurship-report>
5. Women's Entrepreneurship Index WBI 2015 // Committee for the Development of Women's Entrepreneurship "OPORA Russia". URL: <http://www.woman-support.ru/projects>.
6. Women in Business: A Path to Leadership // Grant Thornton International Business Report 2015. URL: <http://www.granthornton.global/insights/articles/women-in-business-2015>

Воспроизводство и развитие культуры в культурных индустриях: к постановке проблемы

Кудинова Анна Васильевна,

кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

E-mail: kafrekpr@hotmail.com

Морозов Сергей Александрович,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социально-культурной деятельности, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

E-mail: morozovsakras@yandex.ru

Статья посвящена постановке вопроса о необходимости специального культурологического анализа проблемы воспроизводства аксиологических оснований императивов культуры российской цивилизации в сфере современных культурных индустрий. Культурные индустрии в рамках государственной культурной политики признаны важным фактором развития современных форм отечественной культуры. Они охватывают различные формы современной социально-культурной жизни, реализуют новейшие технологические решения в области цифровизации воспроизводства культуры, образовательной, воспитательной и культурно-просветительной работы учреждений культуры. С помощью социальных институций культурных индустрий осуществляется эффективное воздействие на массовое сознание российского общества. В представленной статье предпринята попытка наметить пути разрешения противоречия между формами развития культурного воспроизводства в условиях индустриализации самой инерционной из системных областей современных социальных систем – социокультурной сферы, и современными технологиями и формами развития массовой культуры, ориентированной на самые широкие целевые аудитории.

Ключевые слова: социокультурная сфера, массовая культура, культурные индустрии, аксиологические основания культуры.

Актуальность

В настоящее время важным направлением развития современной массовой культуры в Российской Федерации становится политика импортозамещения. Импорт зарубежных форматов массовой культуры привел к активной имплантации в массовое сознание российского общества аксиологических оснований западной индивидуалистской потребительской культуры. Потому что воспроизводство неадаптированных инокультурных форм неизбежно порождает и воспроизводство инокультурных аксиологических оснований. Между тем лишь в последнее время на это обратили внимание отечественные гуманитарии, раскрыв для себя глубину концепта «мягкой силы».

Степень научной разработанности проблемы

Аксиологические аспекты воздействия инокультурных форм и продуктов в массовой культуре в области культурных индустрий лишь сравнительно недавно привлекли внимание отечественных ученых в свете освоения концепта «мягкой силы» американского ученого Дж. Пая. Как правило, внимание привлекали различные аспекты влияния средств массовой информации. Меньше внимание уделялось различным аспектам воспроизводства культуры в современном обществе. Из фундаментальных работ можно назвать труды зарубежных ученых П. Бурдые, Э. Гидденса, А. Моля, из отечественных ученых – работы С.А. Азаренко, М.А. Гохгалтер, Н.А. Ерофеева, Г.В. Лебедева и Д.В. Лебедевой, Н.А. Селиверстовой, А.И. Субетто, А.Я. Флиера

Научная новизна исследования

В настоящей статье предпринята постановка вопроса о культурном воспроизводстве в сфере культурных индустрий. В современных культурных индустриях, представляющих собой в российской массовой культуре заимствованные куль-

турные формы из массовой культуры Запада, реализована концепция «мягкой силы» Запада, направленная на подмену российских аксиологических оснований массовой культуры западными цивилизационными культурными моделями. Опора на исторически сложившиеся, отрефлексированные и осмысленные в российском цивилизационном аксиологическом измерении модели культурного воспроизводства представляются одним из наиболее актуальных направлений развития социально-культурной сферы.

Методология и методы исследования

В представленной статье авторы опираются на методологию структурно-функционального анализа, позволяющую поставить и наметить актуальные вопросы развития воспроизводства культуры в сфере современных форм массовой культуры, представленной в культурных индустриях. Методологическим основанием настоящей статьи послужили работы Н.А. Костиной, В.Л. Иноземцева, Э. Гидденса, М. Кастельса, М. Маклюэна, А. Моля. В работе использовались методы феноменологического и структурно-функционального анализа.

Основная часть

Культурные индустрии активно участвуют в воспроизводстве культуры в современную эпоху. Воспроизводство культуры, как и ее развитие является важным системообразующим элементом социокультурной сферы, как и воспроизводство и развитие социально-экономической и социально-политической областей жизни социума. Согласно точке зрения Н.А. Селиверстовой, термин «культурное воспроизводство» П. Бурдье получил распространение благодаря опубликованной в 1977 году работе П. Бурдье [16, с. 59] «Культурное воспроизводство и социальное воспроизводство». [2] Однако, еще в 1970 году в капитальном труде П. Бурдье и Ж.-К. Поссрон «Воспроизводство: элементы системы теории образования» авторы сформулировали место и роль образовательной деятельности в процессах воспроизводства культуры в системе школьного образования. [24, 25]

Конечно, система школьного образования является важным детерминирующим фактором первичной социализации юного человека, хотя центром первичной социализации, вне всякого сомнения, является семья и ее социально-культурное окружение. [10]

Индустриализация социальной жизни общества связана с его модернизацией, распространением опыта индустриализации социально-экономической сферы вначале на политическую жизнь общества, когда система всеобщего голосования превращается в индустриальном обществе систему продвижения политических услуг политическими партиями и кандидатам в депутаты посредством политического маркетинга. А система политического управления или политический менеджмент, встраиваемая в систему государственного управления и муниципального самоуправления, формирует рынок политических услуг, по образцу и подобию рынка экономического. [18,14, 12, 22]

Социально-культурная сфера является наиболее инерционной областью социальной жизни общества, которая, как правило, «догоняет» как область социальных изменений эволюционирующей быстрее социально-экономическую и социально-политическую сферы социальной системы. [23]

Однако такое состояние социокультурной сферы не устраивало правящие политические и экономические элиты в развивавшихся в XX веке индустриальных обществах, и они предприняли усилия на ускорение стандартизации формирования социокультурных практик в области массовой культуры. Как справедливо отмечал А. Моль, в индустриальном обществе человек не столько усваивает культурное наследие предшествующих поколений, сколько формирует свою персональную культуру как часть массовой культуры посредством давления на него развивавшихся во второй половине XX века средств массовой информации – радио и телевидения, находясь под воздействием непрерывного потока отдельных элементов культуры, которые в результате деятельности ком-

муникативных посредников обосновывают заданную шкалу ценностей с помощью эмоционального воздействия на аудиторию. [13, с. 366–367]

Интерес к проблеме интеграции культуры и современных технологий организации социально-коммуникативной деятельности обозначился в науке вскоре после окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. в работе немецких эмигрантов в США М. Хоркмайера и Т. Адорно «Диалектика просвещения», опубликованной в 1947 году. Причем концептуально вопрос увязывался в негативной коннотации с эволюцией капиталистической культуры, трансформировавшейся в индустриальном формате как массовое производство культурной продукции для широких слоев населения. Как полагают авторы концепции культурная индустрия является стандартизированной культурной формой, подчиненной экономическим интересам правящих классов, обладающих экономической властью [22, с. С. 150–151]. При этом, согласно их точке зрения, произошла миграция культуры в сферу потребления: «В условиях господства частной монополии на культуру действительно тирания оставляет в покое тело и переходит к решительной атаке на душу». [22, с. 154]

Методологический подход к культурному воспроизводству М. Хоркмайера и Т. Адорно поддержал позднее и Э. Гидденс: воспроизводство культуры в процессе первичной и вторичной социализации он рассматривал как способ поддержания экономического и социального неравенства в современном обществе. [4, с. 404], тем самым фактически раскрывая, вслед за М. Хоркмайером и Т. Адорно аксиологическую составляющую воспроизводства культуры в современном обществе. Поэтому не случайно в концепте модернизации, сформировавшейся после Второй мировой войны, концепт модернизации сформировался в период после Второй мировой войны. Методология изучения модернизаций принято рассматривала как образец для всего человечества трансформацию традиционного общества, включая и культуру, в индустриальное общество (общество modernity), сфор-

мировавшееся на территории Западной Европы и США, как социальный феномен цивилизации Запада. [5] По мнению У. Мура, под модернизацией в ее классической модели следует понимать «тотальную трансформацию традиционного домодернистского общества в такую социальную организацию, которая характерна для «продвинутых», экономически процветающих и в политическом плане относительно стабильных наций Запада» [29] В известной степени этот концептуальный подход воспроизводил сформулированное К. Марксом в «Капитале» предположение, что чита «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». [12, с. 9]

Доминировавшую на рубеже 1950–1960-х гг. экономическую парадигму догоняющей западно-ориентированной модернизации в начале 1960-х гг. сменяет мотивационная парадигма Д. Мак Лелланда и Э. Хагена, согласно которой уровень развития общества и возможность преодоления ценностных ориентаций традиционного общества объясняется степенью распространенности в обществе ориентаций на индивидуальные достижения человека. Если в рамках доминирования традиционных базовых социокультурных ценностей индивид подчинен социокультурной группе, к которой он принадлежит и его жизненная траектория строго предопределена положением этой социо-культурной группы в обществе, то в результате внешних кросс-культурных заимствований социокультурных ценностей индустриального индивидуалистского общества происходит инкорпорация новых ценностей, которые могут стать основанием формирования модернистски ориентированных групп и базой последующих модернизационных процессов. [7, 20]

«С точки зрения наиболее популярных трактовок теории модернизации, развитие современной промышленной индустрии, транспорта и коммуникаций, мирового рынка, урбанизации должно приводить к повсеместному вытеснению традиционной культуры на периферию общественной жизни». [6, с. 9]

Согласно точке зрения Н.Е. Тихоновой, социокультурной сферы подразумевает формирование новых нормативно-ценностных систем и смыслов, поведенческих паттернов, а также рационального типа мышления и внутреннего локуса-контроля», что предопределяет формирование и успешное функционирование новых социальных институтов. [19, с. 64]

В современных условиях развития глобальной миросистемы и гибридной агрессии США и их союзников по НАТО против России важнейшей задачей развития современного российского общества становится культурная и духовная консолидация социума в противостоянии политике «мягкой силе» стран западной цивилизации. [3, с. 28; 30] Причем необходимо специально подчеркнуть, что культура в рамках ее воспроизводства представляет собой культурный генотип любой цивилизации. [7, с. 60]

В этой связи можно оспорить представление о массовой культуре в западном ее формате, продвигаемой до сих пор публичном коммуникационном поле современными культурными индустриями, как о «нивелирующая не только национальную, региональную специфику, но и неповторимость личности, осваивающей культуру». [7, с. 66] Именно в аксиологических основаниях распространяемых в российский массовом обществе форматах продуктов массовой культуры, продуцируемой в сфере культурных индустрий, и лежит проблема кросс-культурных взаимовлияний исторически сложившихся и противоречащих друг другу аксиологических оснований российской и западной цивилизации (достаточно вспомнить мифологизированное представление о США как о сияющем граде на холме – наследнике Западной Римской империи).

Англо-саксонское цивилизационное ядро западной цивилизации во главе с США превратило английский язык не только в доминантный язык межкультурной коммуникации, но и в язык ретрансляции смыслов на массовые аудитории культурных индустрий в различных странах. При этом важно осознавать, что социокультурная идентичность в научной литературе рассматривается

как «разделяемое коллективное представление о том, кем является человек и как ему себя вести». [27, р.12] Следует отметить, что отечественный исследователь С.А. Токарев полагал, что в основе социокультурной идентичности лежит социально-коммуникативные взаимодействия.[20] И язык ретрансляции культуры выполняет важнейшую культуроформирующую функцию, организуя в вербальном ментальном поле когнитивные процессы и кодировку и декодировку символических аспектов продуктов культурного производства.[9]

Социокультурная идентичность реализуется в диалектическом взаимодействии элементов триады – социум – культура – личность. Причем социокультурная идентичность может иметь как устойчивый, так и динамичный характер. Именно ориентация на «текущую современность» и является целью агрессивных устремлений представителей западной цивилизаций по размыванию традиционных оснований российской цивилизации [15], превращение россиян в ситуативно-ориентирующихся индивидов, пребывающих в «непрерывном процессе самоидентификации, в ходе которого социальный актер узнает себя, конструирует и меняет жизненные смыслы, приспособляющая их к внешнему миру». [1, с. 9; 17; 21].

Имплантиция инокультурных оснований социокультурной идентификации в иноцивилизационные общества по мысли адептов современной глобализации должны вызвать «многочисленные трансформации и рост новых «местных культур» [31, р.241]

Развивая современные подходы и технологии в сфере культурных индустрий российская культура, как показывает опыт ее современной эволюции, в состоянии сформировать пространство воспроизводства аксиологических оснований российской культуры, в том числе, и в современных ее форматах с использованием цифровых технологий.

Заключение

Как представляется авторам, развитие российских культурных индустрий,

в том числе основанных на применении принципа «преимущества и инноваций» – опоре на этнокультурные, исторические особенности и традиции», которые воспроизводят российские цивилизационные культурные ценности как в традиционных, так и в новых, в том числе, цифровых форматах. [8] Постановка проблемы исследования формирования культурного, символического, так и эмоционального капиталов актуальна, жизненно необходима и требует специального изучения. Учитывая массовость культурного производства в культурных индустриях и охват широких слоев населения, это позволит обеспечить как национальную культурную безопасность, так и расширенное воспроизводство российской культуры в современных формах ее репрезентации.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М.: Логос, 2002. – LXIII, 324, [2] с. – Текст: непосредственный.
2. Бурдье П. Воспроизводство: элементы теории системы образования= La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignement / П. Бурдье, Ж.-К. Поссрон. – М.: Просвещение, 2007. – 265, [2] с. – Текст: непосредственный.
3. Гезалов, А.А. Глобализация как фактор развития национальных культур / А.А. Гезалов, Н.Н. Комиссаров. – Текст: непосредственный // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. – 2022 – Вып. № 4 (93). – С. 35–44.
4. Гидденс Э. Социология / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с. – Текст: непосредственный.
5. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс. – Текст: непосредственный // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – С. 101–123.
6. Захаров, А.В. Традиционная культура в современном обществе / А.В. Захаров. – Текст: непосредственный // Социологические исследования. – 2007. – № 4. – С. 105–115.
7. Карпунин, О.И. Отечественная культура как объект информационного воздействия / О.И. Карпунин, С.Н. Комиссаров. – Текст: непосредственный // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. – 2022 – Вып. № 4 (93). – С. 58–74.
8. Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р. URL: [http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya-8FAVDUfP.pdf/](http://static.government.ru/media/files/HEXNAom6EJunVlxBCjIAtAya-8FAVDUfP.pdf) (дата обращения: 05.12.2022). – Текст: электронный.
9. Костина, Н.А. Массовая культура как феномен постиндустриального общества / Н.А. Костина. – М.: URSS, 2020. – 352 с. – Текст: непосредственный.
10. Кузьмина, К.Е. Особенности социализации личности в современном мире / К.Е. Кузьмина. – Текст: непосредственный // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 131–137.
11. Лемешева, Т.В. Политический маркетинг: теоретический аспект / Т.В. Лемешева. – Текст: непосредственный // Управление в социальных и экономических системах. – 2019. – № 28. – С. 178–179. 7
12. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – Текст: непосредственный // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1959. – 1126 с. 13
13. Моль, А. Социодинамика культуры / Пер. с фр. Е.В. Бирюкова / А. Моль. 3-е изд. – М.: ЛКИ, 2008. – 416 с.
14. Морозова, Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии / Е.Г. Морозова. – М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1999. – 247 с. – Текст: непосредственный.

15. Россия – Запад – Восток: новая формационно-цивилизационная конфигурация мира: Коллективная монография / Под науч. редакцией д-ра экон. наук, проф. И.М. Братищева. – М.: АНО СПО «СОТИС», 2022. – 736 с. – Текст: непосредственный.
16. Селиверстова, Н.А. Культурное воспроизводство: вопросы методологии и методики исследования / Н.А. Селиверстова. – Текст: электронный // Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 3. – С. 59–63. URL: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/3> (дата обращения: 04.12.2022).
17. Семененко, И.С. Глобализация и социокультурная динамика: личность, общество, культура. – Полис. Политические исследования. – 2003. – № 1. – С. 5–23.
18. Семенов, В.А. Политический менеджмент: учебное пособие для академического бакалавриата / В.А. Семенов, В.Н. Колесников. 2-е изд., испр. и доп. -М.: Юрайт, 2019. – 298 с. – Текст: непосредственный.
19. Тихонова, Н.Е. Социокультурная модернизация в России: динамика и перспективы / Н.Е. Тихонова. – Текст: электронный // Россия реформирующаяся. – 2012. – № 11. – С. 62–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-modernizatsiya-v-rossii-dinamika-i-perspektivy> (дата обращения: 07.12.2022).
20. Токарев, С.А. История русской этнографии / С.А. Токарев. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 656 с. – Текст: непосредственный.
21. Флиер, А.Я. Структурирование культуры по способам социальной регуляции / А.Я. Флиер. – Текст: электронный // Культура культуры. – 2022. – № 4. URL: <http://www.cult-cult.ru/structuring-culture-according-to-the-methods-of-social-regulation/> (дата обращения: 05.12.2022).
22. Хоркмайер, М. Диалектика просвещения: Философские фрагменты / Перевод с немецкого М. Кузнецова. – М. Хоркмайер, Т. Адорно. – М.: СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 314 с. – Текст: непосредственный.
23. Archer, M.S. Culture and agency: The place of culture in social theory: revisited edition / M.S. Archer – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. -XXIX+ 351 p. – Text: direct.
24. Bourdieu, P. Cultural Reproduction and Social Reproduction / P. Bourdieu, J. Karabel, A.H. Halsey (eds) – Text: direct // Power and Ideology in Education. – New York: Oxford University Press, 1977. P. 487–511.
25. Bourdieu, P. La reproduction. Eléments pour une théorie du système d'enseignement / P. Bourdieu, J-C.Passeron– Paris: Les Éditions de Minuit, 1970. – 284 p. – Text: direct.
26. Hagen, E.E. On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. / E.E. Hagen. // – Homewood: Dorsey Press, 1962. xvii + 557 p. – Text: direct.
27. Hogg, M.A. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Process / M.A. Hogg, D. Abrams. – London: Routledge, 2016. – 288 p. – Text: direct.
28. McClelland, D.C. The Achieving Society / D.C. McClelland. – Princeton: Van Nostrand, 1961. – XV, 512 p. – Text: direct.
29. Moore, W. Social Change / W. Moore. – Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963. – 120 p. – Text: direct.
30. Nye, J. S. “Soft Power” / J.S. Nye. – Text: direct // Foreign Policy. – № 80. – 1990. – P. 153–71.
31. Reinventing Government for the XXI Century: State Capacity in a Globalizing Society / Rondinelly D., Cherna G. S. Connecticut: Lynne Rienner Publishers, 2003. – 270 p. – Text: direct.

REPRODUCTION AND DEVELOPMENT OF CULTURE IN CULTURAL INDUSTRIES: TO THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Kudinova A.V., Morozov S.A.
Krasnodar State Institute of Culture

The article is devoted to the question of the need for a special cultural analysis of the problem of reproduction of the axiological foundations of the imperatives of the culture of Russian civili-

zation in the field of modern cultural industries. Cultural industries within the framework of the state cultural policy are recognized as an important factor in the development of modern forms of domestic culture. They cover various forms of modern social and cultural life, implement the latest technological solutions in the field of digitalization of cultural reproduction, educational, educational and cultural and educational work of cultural institutions. With the help of social institutions of cultural industries, an effective impact on the mass consciousness of Russian society is carried out. The presented article made an attempt to outline ways to resolve the contradiction between the forms of development of cultural reproduction in the context of industrialization of the most inertial of the systemic areas of modern social systems – the socio-cultural sphere, and modern technologies and forms of development of mass culture, aimed at the widest target audiences.

Keywords: sociocultural sphere, mass culture, cultural industries, axiological foundations of culture.

References

1. Bauman Z. Individualized society / Z. Bauman. – M.: Logos, 2002. – LXIII, 324, [2] p. – Text: direct.
2. Bourdieu P. Reproduction: elements of the theory of the education system = La reproduction éléments pour une théorie du système d'enseignemen / P. Bourdieu, J.-C. Possron. – M.: Enlightenment, 2007. – 265, [2] p. – Text: direct.
3. Gezalov, A.A. Globalization as a factor in the development of national cultures / A.A. Gezalov, N.N. Komissarov. – Text: direct // SEARCH: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. – 2022 – Issue. No. 4 (93). – P. 35–44.
4. Giddens E. Sociology / E. Giddes. – M.: Editorial URSS, 1999. – 704 p. – Text: direct.
5. Giddens, E. Consequences of modernity / E. Giddens. – Text: direct // New post-industrial wave in the West. Anthology / Ed. V.L. Inozemtseva. – M.: Academia, 1999. – S. 101–123.
6. Zakharov, A.V. Traditional culture in modern society / A.V. Zakharov. – Text: direct // Sociological research. – 2007. – No. 4. – P. 105–115.
7. Karpukhin, O.I. Domestic culture as an object of information impact / O.I. Karpukhin, S.N. Komissarov. – Text: direct // SEARCH: Politics. Social science. Art. Sociology. Culture: scientific and socio-cultural journal. – 2022 – Issue. No. 4 (93). – P. 58–74.
8. The concept of the development of creative (creative) industries and mechanisms for the implementation of their state support in large and largest urban agglomerations until 2030. Approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated September 20, 2021 No. 2613-r. URL: <http://static.government.ru/media/files/HEX-NAom6EJunVlxBCjIAtAya8FAVDUfP.pdf> (accessed 05.12.2022). – Text: electronic.
9. Kostina, N.A. Mass culture as a phenomenon of post-industrial society / N.A. Kostina. – M.: URSS, 2020. – 352 p. – Text: direct.
10. Kuzmina, K.E. Features of personality socialization in the modern world / K.E. Kuzmin. – Text: direct // Personality in space and time. 2015. No. 5. P. 131–137.
11. Lemesheva, T.V. Political marketing: theoretical aspect / T.V. Lemeshev. – Text: direct // Management in social and economic systems. – 2019. – No. 28. – P. 178–179. 7
12. Marx, K. Capital / K. Marx. – Text: direct // Marx K., Engels F. Works. T.23. – M.: Gospolitizdat, 1959. – 1126 p. 13
13. Mol, A. Sociodynamics of culture / Per. from fr. E.V. Biryukova / A. Mol. 3rd ed. – M.: LKI, 2008. – 416 p.
14. Morozova E.G. Political market and political marketing: concepts, models, technologies / E.G. Morozov. – M.: "Russian Political Encyclopedia" (ROSSPEN), 1999. – 247 p. – Text: direct.
15. Russia – West – East: a new formational-civilizational configuration of the world: Collective monograph / Under scientific. edited by Dr. Econ. sciences, prof. I.M. Bratishcheva. – M.: ANO SPO "SOTIS", 2022. – 736 p. – Text: direct.
16. Seliverstova, N.A. Cultural reproduction: issues of methodology and research methods / N.A. Seliverstov. – Text: electronic // Knowledge. Understanding. Skill. – 2012. – No. 3. – P. 59–63. URL: <http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2012/3> (date of access: 04.12.2022).
17. Semenenko, I.S. Globalization and sociocultural dynamics: personality, society, culture. – Polis. Political studies. – 2003. – No. 1. – S. 5–23.
18. Semenov, V.A. Political management: textbook for academic undergraduate studies / V.A. Semenov, V.N. Kolesnikov. 2nd ed.,

- rev. and additional -M.: Yurayt, 2019. – 298 p. – Text: direct.
19. Tikhonova, N.E. Sociocultural modernization in Russia: dynamics and prospects / N.E. Tikhonov. – Text: electronic // Russia in reform. – 2012. – No. 11. – S. 62–81. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnaya-modernizatsiya-v-rossii-dinamika-i-perspektivy> (Date of access: 12/07/2022).
 20. Tokarev, S.A. History of Russian ethnography / S.A. Tokarev. – M.: Institute of Russian Civilization, 2015. – 656 p. – Text: direct.
 21. Flier, A. Ya. Structuring culture according to the methods of social regulation / A. Ya. Flier. – Text: electronic // Culture of culture. – 2022. – No. 4. URL: <http://www.cult-cult.ru/structuring-culture-according-to-the-methods-of-social-regulation/> (date of access: 05.12.2022).
 22. Horkmaier, M. Dialectics of Enlightenment: Philosophical Fragments / Translated from German by M. Kuznetsov. – M. Horkmeier, T. Adorno. – M. – St. Petersburg: Medium, Yuventa, 1997. – 314 p. – Text: direct.
 23. Archer, M.S. Culture and agency: The place of culture in social theory: revisited edition / M.S. Archer-Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. -XXIX+ 351 p. – Text: direct.
 24. Bourdieu, P. Cultural Reproduction and Social Reproduction / P. Bourdieu, J. Karabel, A.H. Halsey (eds) – Text: direct // Power and Ideology in Education. – New York: Oxford University Press, 1977. P. 487–511.
 25. Bourdieu, P. La reproduction. Elements pour une theorie du système d'enseignement / P. Bourdieu, J-C. Passeron – Paris: Les Éditions de Minuit, 1970. – 284 p. – Text: direct.
 26. Hagen, E.E. On the Theory of Social Change: How Economic Growth Begins. / E.E. Hagen. // – Homewood: Dorsey Press, 1962. xvii + 557 p. – Text: direct.
 27. Hogg, M.A. Social Identifications: A Social Psychology of Intergroup Relations and Group Process / M.A. Hoggs, D. Abrams. – London: Routledge, 2016. – 288 p. – Text: direct.
 28. McClelland, D.C. The Achieving Society / D.C. McClelland. – Princeton: Van Nostrand, 1961. – XV, 512 p. – Text: direct.
 29. Moore, W. Social Change / W. Moore. – Englewood Cliffs: Prentic Hall, 1963. – 120 p. – Text: direct.
 30. Nye, J.S. “Soft Power” / J.S. Nye. – Text: direct // Foreign Policy. – No. 80. – 1990. – P. 153–71.
 31. Reinventing Government for the XXI Century: State Capacity in a Globalizing Society / Rondinely D., Cherna G.S. Connecticut: Lynne Rienner Publishers, 2003. – 270 rubles. – Text: direct.

Культурная самобытность Китая после 20-го Национального конгресса и построение культурной мягкой силы

Рую Инь,

Ph.D. (политология), Ляонинский университет
E-mail: yin.ys@outlook.com

Зихан Ли,

М.А. (литературоведение), Коммуникационный университет Китая
E-mail: lisihan9095@126.com

В настоящее время глобальные культурные интересы яростно сталкиваются, культурные обмены беспрецедентно активны, а вопросы культуры сложны и изменчивы. После 20-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая укрепление культурной уверенности в себе и дальнейшее укрепление культурной мягкой силы стали неотложными целями исследования Китая, и неотложность создания социалистической культурной власти становится все более заметной. В настоящей статье анализируются две ключевые концепции культурной идентичности и мягкой силы, а также глубоко исследуется значение укрепления культурного строительства Китая. На этой основе в статье далее выдвигается тройная логика формирования культурной самобытности и исследуется практический путь усиления культурной мягкой силы Китая, чтобы обеспечить соответствующие теоретические ориентиры и ориентиры для Китая по созданию социалистической культурной мощи.

Ключевые слова: 20-й Всекитайский съезд Коммунистической партии Китая, культурная мягкая сила, культурная уверенность в себе, созидательный путь.

Funding sources: This article was prepared with the support of the Liaoning provincial social science youth project “COVID-19 and Public Opinion: China’s Strategy for International Communication and Destigmatization” (Project No. L20CGJ002).

The report of the 20th National Congress of the Communist Party of China made specific arrangements for China to achieve its second centenary goal (that is, to build a modern and powerful socialist country in an all-round way), mainly in two steps: the first step, from 2020 to 2020 In three to five years, socialist modernization will be basically realized. The second step is to build my country into a prosperous, strong, democratic, civilized, harmonious, and beautiful socialist modern power from 2035 to the middle of this century [9]. In the first stage, enhancing the country’s cultural soft power is one of the many goals. Cultural development has become an important goal of China’s new modernization journey. How can China strengthen its cultural self-confidence and further enhance its soft power?

The significance of strengthening cultural construction

Culture is the soul of a country and a nation. Both official and academic circles in China believe that the Chinese government’s great rejuvenation requires a solid material foundation and a strong spiritual force. With advanced cultural guidance, a rich spiritual world, and strong spiritual power, it is possible to have a country and nation that is more powerful than the forest of world powers [4, 121]. In international intercourse, the competition of military, economic, and other hard power are essential, but the cultural competition between countries cannot be ignored [3, 22].

Joseph Nye, who proposed the concept of “soft power”, believes that cultural soft power can “attract and persuade other countries to obey your goals so that you can get what you want” than hard power,

such as military and economics [1, 160]. This paper believes that cultural soft power refers to the internal cohesion, mobilization, and spiritual power of the country's traditional culture, values, and ideology, as well as external penetration, attraction, and persuasion [7, 13]. Cultural self-confidence is a nation-state's complete understanding, and active practice of its artistic value manifested as a deep and lasting confidence in the vitality of its own culture.

The Communist Party of China regards cultural construction as an essential fulcrum to promote the country's high-quality development, and it is also an important source of strength to overcome various risks and challenges. In recent years, historical nihilism and cultural nihilism have distorted, belittled, and slandered the history and culture of the Chinese nation under the guise of "joking" and "spoofing". To fight against this negative influence, we should put cultural construction in a more prominent position, promote Chinese culture to create new brilliance continuously, and provide vital positive energy for the firmness and development of socialism with Chinese characteristics in the new era.

Three logics of cultural self-confidence

Historical logic is a rich resource for inheriting traditional Chinese culture. General secretary of the Communist Party of China (CPC) Central Committee Xi Jinping once stressed: "Chinese civilization is extensive and profound and has a long history stretching back to antiquity. It is the cultural identity of the Chinese nation, the foundation of the contemporary Chinese culture, the cultural bond holding all Chinese around the globe together, and it is the treasure trove inspiring cultural innovation." [2] The ideas of harmony and self-improvement in traditional Chinese culture have provided cultural resources and spiritual power for developing the socialist market economy. It provides cultural resources for establishing the theoretical system of the modern Chinese political economy [6]. As the staunch inheritors and proponents of China's excellent traditional culture, the Chinese Communists not only pay attention to absorbing the essence of traditional culture and national

historical experience but also promote China's traditional culture and the integration and development of Marxism.

Value logic is the integration of the basic principles of Marxism and the specific reality of the country. The basic principles of Marxism show that things that conform to aim laws represent the correct direction of social development. To judge whether a country's culture is superior, we need to see whether they root in the country's historical soil and whether it adapts to the country's actual national conditions. General Secretary Xi Jinping pointed out: "Throughout the ages, the reason why the Chinese nation has had status and influence in the world is not due to militarism or external expansion, but due to the strong appeal and attraction of Chinese culture." [10] Chinese Communists are believers and practitioners of Marxism. In the final analysis, Chinese cultural self-confidence is a complex cultural concept guided by Marxism, which has distinct characteristics of the people [8].

The practical logic is that cultural self-confidence and soft power complement each other. There is a complementary endogenous relationship between cultural self-confidence and cultural soft power. In building a socialist cultural power, a high degree of cultural self-confidence will inevitably play a huge role in strengthening China's cultural soft power. Adhering to the direction of advanced socialist culture is to enhance China's cultural soft power and boost national cultural confidence. Strengthening cultural self-confidence and enhancing cultural soft power are both endogenous and serve the historical practice of China taking the road of socialist cultural development with characteristics and promoting the strategy of building a socialist cultural power.

Three Paths to Enhance China's Cultural Soft Power

First, always adhere to the guiding position of Marxism, and lead the construction of a culturally powerful country with socialist core values. Marxism is a scientific world outlook and method which reveals the fundamental laws of the development of human society and points out the direction for China's ad-

vanced cultural construction. At present, China should insist on promoting cultural development with Xi Jinping Thought on Socialism with Chinese Characteristics for a New Era, stick to the foundation of ideological construction, and insist on leading cultural building in the new era with socialist core values.

Second, eliminate the idea of blindly worshipping Western culture and vigorously promote the excellent traditional Chinese culture. The Communist Party of China differs from political parties in Western countries, and we cannot simply apply Western party theories to analyze the Communist Party of China. Cultural dissemination power determines influence, and the right to speak determines initiative. To improve China's cultural soft power, it is necessary to strengthen the construction of international communication capabilities, jump out of the trap of Western discourse, and present an accurate and comprehensive China. In addition, it is also necessary to excavate the essence of the 5,000-year Chinese civilization, combine the development of excellent traditional culture with Marxist standpoints, viewpoints, and methods, and promote the creative transformation and innovative development of China's traditional culture [5, 4].

Third, accelerate the creative transformation and innovative development of Chinese excellent traditional culture. The life of culture lies in creation. Many principles and spirits of ancient culture are worth inheriting, but China must change the methods according to the times to adapt to contemporary society. Creative cultural transformation is to use and creatively interpret those connotations and forms of expression that still have reference value by the characteristics and requirements of the times, endow them with new definitions of the times, and activate their vitality [11].

Литература

1. Joseph S. Nye. Jr. Get Smart: Combing Hard Power and Soft Power. Foreign Affairs, 2009, 88(4), p. 160.
2. Xi calls for advancing study of Chinese civilization. QiuShi, 2022-05-30, http://en.qstheory.cn/2022-05/30/c_757652.htm

3. Инь Жуюй, Бобыло А.М. СМИ как инструмент политики «мягкой силы» Китая и России в начале XXI века: монография / Инь Жуюй, А.М. Бобыло. – Москва: МАКС Пресс, 2021. С. 22.
4. 郭华.“文化自信与社会主义核心价值观”教学设计.马克思主义理论学科研究, 2022, 8(09), 第121页.
5. 李爱芳.论文化自觉.学术交流, 2011(12), 第4页.
6. 史焕翔.中国优秀传统文化的当代价值.人民网.2018年6月19日. <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0619/c40531-30066197.html>
7. 魏恩政,张锦.关于文化软实力的几点认识和思考[J].理论学刊, 2009(03), 第13页.
8. 王井,吴兴智.把握文化自信的历史、价值和实践逻辑.人民网.2020-08-04. <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0804/c40531-31809089.html>
9. 习近平.高举中国特色社会主义伟大旗帜 为全面建设社会主义现代化国家而团结奋斗——在中国共产党第二十次全国代表大会上的报告.新华网.2022-10-25, http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm
10. 习近平：坚定文化自信，建设社会主义文化强国. 人民网. 2019-06-15, <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0615/c64094-31154163.html>
11. 中华优秀传统文化的传承和创新.人民政协报, 2022-04-25, http://dzb.rmzxb.com/rmzxbPaper/pc/con/202204/25/content_23641.html

CHINA'S CULTURAL SELF-CONFIDENCE AFTER THE 20TH NATIONAL CONGRESS AND THE CONSTRUCTION OF CULTURAL SOFT POWER

Ruyu Yin, Sihan Li

Liaoning University, Communication University of China

At present, global cultural thoughts collide fiercely, cultural exchanges are unprecedentedly active, and cultural issues are complex and changeable. After the 20th National Congress of the Communist Party of China, strengthening cultural self-confidence and further enhancing cultural soft power has become China's urgent

exploration goals, and the urgency of building a socialist cultural power has become increasingly prominent. This article first analyzes the two key concepts of cultural self-confidence and soft power and profoundly examines the significance of China's strengthening of cultural construction. On this basis, the article further puts forward the triple logic of generating cultural self-confidence and explores the practical path to enhance China's cultural soft power to provide corresponding theoretical reference and reference for China to build a socialist cultural power.

Keywords: the 20th National Congress of the Communist Party of China, cultural soft power, cultural self-confidence, construction path

References

1. Joseph S. Nye. Jr. Get Smart: Combing Hard Power and Soft Power. *Foreign Affairs*, 2009, 88(4), p.160.
2. Xi calls for advancing study of Chinese civilization. *QiuShi*, 2022-05-30, http://en.qstheory.cn/2022-05/30/c_757652.htm
3. бобыло жуюй, а инь.м. сми как политики «мягкой мягкой силы силы силы силы силы китая и в в начале века: монография / инь жуюй, а. бобыло. – москва: макс пресс, 2021. с. 22.
4. Guo Hua. "Cultural Confidence and Socialist Core Values" Teaching Design. *Research on Marxist Theory*, 2022,8(09), p.121.
5. Li Aifang. On Cultural Consciousness. *Academic Exchange*, 2011(12), p.4.
6. Shi Huanxiang. The contemporary value of China's excellent traditional culture. *People's Daily Online*. June 19, 2018. <http://theory.people.com.cn/n1/2018/0619/c40531-30066197.html>
7. Wei Enzheng, Zhang Jin. Some understanding and thinking about cultural soft power [J]. *Theoretical Journal*, 2009(03), p.13.
8. Wang Jing, Wu Xingzhi. Grasping the History, Value and Practical Logic of Cultural Confidence. *People.cn*. 2020-08-04. <http://theory.people.com.cn/n1/2020/0804/c40531-31809089.html>
9. Xi Jinping. Hold High the Great Banner of Socialism with Chinese Characteristics and Work Together to Build a Modern Socialist Country in an All-round Way – Report at the Twentieth National Congress of the Communist Party of China. *Xinhuanet*.2022-10-25, http://www.news.cn/politics/cpc20/2022-10/25/c_1129079429.htm
10. Xi Jinping: Strengthen cultural self-confidence and build a socialist cultural power. *People's Daily Online*. 2019-06-15, <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0615/c64094-31154163.html>
11. Inheritance and Innovation of Chinese Excellent Traditional Culture, *People's Political Consultative Conference*, 2022-04-25, http://dzb.rmzxb.com/rmzxbPaper/pc/con/202204/25/content_23641.html

Эпистемологические аспекты процессов реконструирования и конструирования исторического прошлого

Давыдов Вячеслав Александрович,

кандидат философских наук; кафедра философии, истории, политологии и права, ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет»
E-mail: va.davydov@bk.ru

В статье анализируются вопросы эпистемологических аспектов процессов реконструирования и конструирования исторического прошлого с позиции системного подхода. Раскрыты подходы к реконструированию исторического прошлого. Отмечен процессуальный характер реконструкции исторического прошлого. Показано, что историческая реконструкция представляет собой целостный процесс исторического познания, который позволяет воссоздать неявную информацию картины исторического прошлого на основе междисциплинарных методов познания из разных областей научного знания. Раскрыты подходы к интерпретации исторических событий и фактов прошлого. Показана роль исторического сознания и исторического времени в процессе реконструирования исторического прошлого. Отмечено, что процессы конструирования и реконструирования исторического прошлого детерминированы ценностно-мировоззренческими характеристиками исторического сознания познающего субъекта. Обозначены проблемы тождества и объективности реконструкции исторического прошлого.

Ключевые слова: историческое познание, историческое прошлое, конструирование, реконструирование, историческое время, историческое сознание.

Проблема исторического прошлого является предметом научной дискуссии, а вопросы разработки теоретических подходов к его познанию приобретают особую значимость, что связано с кризисом научного осмысления исторической реальности в настоящее время. Анализ исторического прошлого предполагает использование научных методов к его конструированию и реконструированию, которые способны снизить идеологические искажения и субъективные оценки исторических фактов и событий, формирующих историческую картину прошлого. Актуальным становится анализ эпистемологических аспектов процессов реконструирования и конструирования исторического прошлого.

Вопросы об эпистемологии исторического прошлого освещаются в контексте понимания сути процессов его реконструирования и конструирования. В этой связи выделим ряд подходов. С позиции подхода, который оформился первоначально, был выделен процессуальный характер реконструкции исторического прошлого, который включает этап познания исторических источников и этап обобщения исторических фактов, позволяющий отобразить фрагменты исторической реальности. Второй подход интерпретирует реконструкцию исторического прошлого как метод восполнения пробелов в историческом знании на основе сохранившихся исторических фактов. С позиций третьего подхода, историческая реконструкция представляет собой один из этапов исторического познания, который позволяет извлечь из исторических источников неявную информацию для воссоздания картины исторических событий и фактов прошлого.

Таким образом, реконструкция исторического прошлого, в отличие от узкого понимания его как метода или этапа исторического познания, определяется

как целостный процесс, позволяющий использовать широкий круг исторических источников, включающих комплекс документов и предметов материальной культуры, на основе междисциплинарных методов познания из разных областей научного знания. Реконструкция исторического прошлого является процессом, в который включены как этапы воспроизведения, так и конструирования знаний о прошлом. Воспроизведение фрагмента исторического прошлого является процессом, в котором субъект исторического познания на первом этапе воспроизводит в неизменном виде совокупность исторических фактов с целью их осознания и интерпретации, что позволяет на следующем этапе систематизировать и обобщить разрозненные сведения исторической реальности в новое знание об историческом прошлом. Историческая реконструкция представляет собой не единичную процедуру, а «сложный процесс, в котором имеют место переходы, взаимосвязи, взаимодействия между отдельными этапами исследования» [3, с. 12].

В процессе исторического познания в самом общем виде можно выделить два подхода к интерпретации исторических событий и фактов прошлого. Первый подход связан с анализом прошлого вне социокультурного контекста как результата деятельности индивидуального сознания, который представлен многочисленными социально-философскими концепциями прошлого. Второй подход связан с осмыслением исторического прошлого в социокультурном контексте, который отражается в исторических концепциях как феномен социокультурного конструирования [5]. С этих позиций историческое прошлое понимается как «совокупность конструируемых, исторически изменчивых, но локально устойчивых, социальных (коллективных) представлений о прошлом» [5, с. 16]. Важную роль в процессе реконструирования исторического прошлого играют историческое сознание и историческое время. Существующее многообразие подходов к описанию сущности исторического сознания выделяет ряд общих положений,

к которым относятся его временные характеристики, включающие прошлое, настоящее, будущее, и многогранность источников его становления и феноменологии [4]. Историческое сознание, как подчеркивает В.А. Ельчанинов, «охватывает всю совокупность существующих представлений, понятий и теорий, в которых общество так или иначе отражает своё прошлое бытие» [2, с. 17]. Другой важнейшей категорией реконструирования фрагментов исторического прошлого является время. Для создания картины исторического прошлого используется историческое время, рассматриваемое как одно из разновидностей времени, особенности которого определяются «объектом истории – прошлым, а так же теоретическими особенностями построения образа прошлого в конкретную мировоззренческую эпоху» [1, с. 42].

Системный анализ познания исторического прошлого, осуществляемый с учетом социокультурного контекста, позволяет описать механизмы и закономерности его функционирования и генезиса. Реконструирование картины исторического прошлого опосредовано историческими фактами и событиями прошлого, которые отражаются в документах и памятниках, что позволяет формировать картину относительно единообразного прошлого. С другой стороны, процессы конструирования и реконструирования исторического прошлого детерминированы ценностно-мировоззренческими характеристиками исторического сознания познающего субъекта. При реконструировании исторического прошлого «историк не столько наблюдатель прошлого (которого в реальности нет), сколько его создатель, а значит, первостепенное значение играет то наличное содержание его конкретного сознания, при посредстве которого он конструирует свою историю» [1, с. 39].

Реконструкция исторического прошлого с точки зрения эпистемологических аспектов историко-философского анализа актуализирует проблему исторического тождества, поскольку в процессе реконструкции исторических событий и фактов истории проводят

оценку исторического события с разных ценностно-мировоззренческих точек зрения. Концепции исторического прошлого опираются на широкий спектр научных интерпретаций данного феномена. Историческое прошлое анализируется как в русле деятельности индивидуального сознания, так и в контексте историко-культурного процесса. Эпистемологической проблемой реконструирования исторического прошлого является и тот факт, что зачастую исторические сведения о событии подвержены многочисленным изменениям, исправлениям, искажениям и субъективным оценкам. Отсюда встает проблема объективности реконструкции исторического прошлого, критерием которого выступает «инвариантность результатов реконструктивной деятельности историков: историческое событие находит свое отражение в разных источниках, поэтому полная информация о нем содержится в совокупности этих источников» [3, с. 19–20].

Таким образом, процессы реконструирования и конструирования исторического прошлого, осуществляемые с позиции системного подхода, учитывают как их процессуальные характеристики, так и факторы, которые оказывают влияние на возможность достичь объективную картину исторического прошлого. Данный подход позволяет выявить и проанализировать важные эпистемологические аспекты процесса реконструкции исторического прошлого.

Литература

1. Герасимов Г.И. Идеалистический подход к истории: теория, методология, концепции. – Екатеринбург: Издательские решения, 2022. – 342 с.
2. Ельчанинов В.А. Актуальные проблемы теории исторического сознания: учеб. пособие для студентов вузов; М-во образования и науки РФ, Алтайский гос. ун-т. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. университета, 2004. – 115 с.
3. Давыдов В.А. Эпистемологические и аксиологические аспекты реконструкции исторического прошлого: автореферат дис. ... кандидата фило-

софских наук: 09.00.01. – М., 2011. – 26 с.

4. Скепкина А.К. Гносеологические аспекты структурирования исторического сознания: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.01. – Барнаул, 2009. – 22 с.
5. Шуб М.Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: автореферат дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. – Челябинск, 2018. – 42 с.

EPISTEMOLOGICAL ASPECTS OF THE PROCESSES OF RECONSTRUCTION AND CONSTRUCTION OF THE HISTORICAL PAST

DAVYDOV V.A.

State University of Humanities and Social Studies

The article analyzes the issues of epistemological aspects of the processes of reconstruction and construction of the historical past from the standpoint of a systematic approach. Approaches to the reconstruction of the historical past are disclosed. The procedural nature of the reconstruction of the historical past is noted. It is shown that historical reconstruction is a holistic process of historical cognition, which allows you to recreate the implicit information of the picture of the historical past on the basis of interdisciplinary methods of cognition from different areas of scientific knowledge. Approaches to the interpretation of historical events and facts of the past are disclosed. The role of historical consciousness and historical time in the process of reconstructing the historical past is shown. It is noted that the processes of constructing and reconstructing the historical past are determined by the value-worldview characteristics of the historical consciousness of the cognizing subject. The problems of identity and objectivity of the reconstruction of the historical past are outlined.

Keywords: historical knowledge, historical past, construction, reconstruction, historical time, historical consciousness.

References

1. Gerasimov G.I. Idealistic approach to history: theory, methodology, concepts. – Yeka-

- terinburg: Publishing solutions, 2022. – 342 p.
2. Elchaninov V.A. Actual problems of the theory of historical consciousness: textbook. allowance for university students; Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Altai State. un-t. – Barnaul: Publishing House of the Altai State. University, 2004. – 115 p.
 3. Davydov V.A. Epistemological and axiological aspects of the reconstruction of the historical past: Abstract of the thesis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.01. – M., 2011. – 26 p.
 4. Skepkina A.K. Gnoseological aspects of structuring historical consciousness: Abstract of the thesis. ... candidate of philosophical sciences: 09.00.01. – Barnaul, 2009. – 22 p.
 5. Shub M.L. The Image of the Past as a Phenomenon of Culture: Conceptualization and Forms of Representation in the Modern Socio-Cultural Space: Abstract of the thesis. ... Doctor of Cultural Studies: 24.00.01. – Chelyabinsk, 2018. – 42 p.

Влияние государственного управления на накопление и раскрытие человеческого капитала в условиях реализации технологий умного города

Макаренко Екатерина Дмитриевна,
студент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации
E-mail: kate.makarenko2003@mail.ru

В статье рассмотрена связь между феноменами человеческого потенциала, умного города и политическими факторами. Дано определение человеческого потенциала как комплексного многогранного понятия, включающего природные задатки индивида и накопленные навыки, а также охарактеризован феномен умного города как комплексной сложной системы, формирование которой непосредственно связано с техническим прогрессом, цифровизацией и информатизацией, определённым образом влияющей на человека и взаимодействующей с окружающей средой. Показана неразрывная связь между внедрением технологий умного города и накоплением и реализацией человеческого потенциала. Рассмотрена роль политических факторов в накоплении человеческого потенциала в умном городе, где наличие политических факторов, под которыми понимается в широком смысле влияние государственных властей на организацию повседневной жизни горожан признаётся неизбежно существующим. Выявлено, что политические решения, власти играют значительную роль в успешности раскрытия человеческого потенциала и внедрении технологий умного города.

Ключевые слова: умный город, человеческий потенциал, городское управление, самореализация, инновации.

Современные крупные города, мегаполисы, активно развиваются и в процессе технического прогресса движутся к статусу “умных городов”. Город – традиционное место проживания миллионов людей, а потому изменения в его устройстве и функционировании, внедрение передовых достижений технического прогресса в городскую жизнь и работу городских систем сказывается и на жителях.

Важнейшим показателем успешности государства является накопленный гражданами человеческий потенциал, который затем преобразуется в человеческий капитал – особенно ценный ресурс для постиндустриальной цифровой эпохи[3]. На его накопление влияет среда, в которой растёт и развивается человек, и таковой, в том числе, является город и те технологии, которые человека в этом городе окружают.

Таким образом, можно проследить наличие связи между организацией государственного управления и накоплением и трансформацией человеческого потенциала в контексте “умного города” как особой технической системы и политической единицы. Возникает проблема определения роли политического фактора в процессе накопления человеческого потенциала в умном городе.

Исходя из вышесказанного, исследовательский вопрос данной статьи можно сформулировать так: какую роль играет политический фактор в процессе накопления человеческого потенциала в умном городе? Следовательно, целью исследования является выявление связи характера организации политического управления и успешности накопления человеческого потенциала в крупных городах и мегаполисах.

Согласно поставленной цели следует сформулировать ряд задач. Во-первых, необходимо дать определение умного города. Далее будет дано определение

человеческого потенциала и установление влияния технологий умного города на накопление и трансформацию человеческого потенциала. Наконец, после выявления того, какие факторы умного города непосредственно влияют на человеческий потенциал, будут сделаны выводы о политических факторах, влияющих на этот процесс.

Умный город – современная трактовка понятия

Понятие “умный город” широкое и многогранное. В зависимости от задач и цели конкретных исследований учёные дают разные определения, обращают внимание на разные аспекты данного понятия. В рамках данного исследования представляется необходимым дать как можно более исчерпывающую трактовку этого термина, так как на накопление и развитие человеческого потенциала могут оказывать влияние разные аспекты этого явления.

В первую очередь, “умным” город называют в случае, если многие привычные процессы в нём переведены в электронный формат, активно применяются технологии роботизации и автоматизация различных процессов[1]. В умном городе переведены в “цифру” все позволяющие данную операцию процессы. Это можно видеть на примере Москвы: внедрение цифровых государственных услуг, портала “Активный гражданин” (замена очных собраний жильцов домов и районов), широкое распространение бесконтактных сервисов и онлайн-маркетплейсов. Однако это – не исчерпывающая характеристика умного города. Помимо уровня технического прогресса в количественном измерении, важно оценивать глубину проникновения техники в функционирование городской системы и жизнь горожан.

Умные города характеризуются внедрением технологий искусственного интеллекта, которые обучаются непосредственно в процессе работы. Различные “умные” видеокамеры и автоматы уже проникли в жизнь москвичей и жителей других мегаполисов. Кроме того, важным аспектом развития умного города

является развитие самих его жителей. Во-первых, они учатся пользоваться передовыми технологиями, включаются в цифровые процессы, осваивают цифровую реальность, которая становится неотъемлемой частью городской жизни. Во-вторых, только благодаря обращению с технологиями продвинутых пользователей сами “умные” системы города благодаря искусственному интеллекту подстраиваются под ритм жизни горожан. Эту же мысль высказывал Т. Бакиси, определяя умный город следующим образом: “[Умный город – это] высокотехнологичный и интенсивно развивающийся город, объединяющий людей, информацию и элементы городской инфраструктуры с помощью новых технологий для создания конкурентоспособной и инновационной экономики, а также высокого качества жизни” [2].

Кроме того, умным городам свойственно устойчивое развитие или стремление к его реализации. Под устойчивым развитием понимается такая организация отношений между средой технологий, экономическим ростом и природными ресурсами, при которой человек не эксплуатирует, а бережно использует природу, вписываясь в естественную экосистему и восполняя её ресурсы. Устойчивый рост не предполагает последующий откат, который наступает в результате резкого экстенсивного роста. Можно сказать, что умный город – это зелёный город, в котором высокие технологии используются, в том числе, на благо экологии.

Таким образом, под “умным городом” следует понимать сложную систему взаимодействия человека, технологий и природы, в которой использование высоких технологий в рамках постиндустриальной экономики способствует становлению Индустрии 4-го порядка, основанной на внедрении информационных технологий, повышенной ценности коммуникаций и информации, а также автоматизации множества процессов. Это город, в котором люди обладают высоким уровнем цифровой грамотности, которая позволяет им не только взаимодействовать со сложными и передо-

выми технологическими решениями, но и пользоваться информацией, ориентироваться в информационном потоке и подстраивать данные им технологии под себя. Наконец, умный город – это город, грамотно вписанный в окружающую его природную среду, не наносящий ей ущерб и не эксплуатирующий её ресурсы[8].

Человеческий потенциал и его накопление в умном городе

Человеческий потенциал также является сложным и многогранным понятием. В самом общем смысле его можно определить как совокупность врождённых и приобретённых черт и первичных навыков личности. К таковым К.Г. Герасимова относит характер человека, его личностный психотип, уровень образования, задатки и таланты, количество и качество социальных связей[4]. Использование всего этого в правильном русле в конечном счёте приводит к самореализации индивида. Важно подчеркнуть, что, в отличие от человеческого капитала, потенциал – это лишь совокупность задатков и потенциальных возможностей, которые может реализовать человек для достижения своих целей.

В качестве более полного определения человеческого потенциала можно привести следующее: "... [это] совокупность задатков, черт характера и способностей, которые при определённых условиях могут помочь человеку в достижении тех или иных целей, постановка которых может быть обусловлена как личными склонностями, так и запросами со стороны общества и иных структур. При этом, человеческий потенциал как способность достигать цели способен накапливаться, в том случае, если обеспечиваются комфортные условия для развития задатков и физического благополучия индивида" [7].

Можно заметить, что несмотря на то что человеческий потенциал во многом подразумевает внимание именно к личностным характеристикам, это также социальное, общественное понятие. Накопление и характер накопленного человеческого потенциала

зависят от того, в какой среде рос и воспитывался человек, какие возможности у него были для получения образования и наживания социальных связей. В этой связи следует вспомнить Джона Ролза, который писал, что для обеспечения полноценной самореализации индивидов необходимо справедливое государство, предоставляющее равные возможности для развития всем своим гражданам. В этом смысле человеческий потенциал также является гуманистическим понятием.

Теперь проследить связь между умным городом и накоплением человеческого потенциала не представляется сложным. Было перечислено, какими навыками и способностями должен обладать человек, чтобы вписаться в сложную технико-цифровую систему городских технологий высокоразвитого мегаполиса. Жизнь в окружении электронных сервисов, онлайн-служб и гаджетов, оснащённых искусственным интеллектом, меняет горожанина. Например, чтобы накапливать потенциал посредством образования, человек должен освоить цифровые образовательные площадки, которые сегодня повсеместно внедряются не только как самостоятельные, но и как компоненты традиционного школьного и высшего образования. Кроме того, в наращивании социальных связей и повышении эрудиции также необходимо обладание цифровой грамотностью, то есть такими важными способностями, как умение ориентироваться в информационном потоке и использовать технологии умного города в своих интересах[5].

Кроме того, для жизни в умном городе человек должен обладать определённым уровнем духовной культуры – осознанно подходить к использованию природных ресурсов, быть осведомлённым об экологических проблемах современности. Можно сказать, что в умных городах формируются индивиды нового, следующего поколения, накопления потенциала которых неразрывно связано с цифровыми технологиями.

Таким образом, для самореализации и самоактуализации своего потенциа-

ла в умном городе человек должен обладать набором навыков, позволяющих использовать те возможности, которые предоставляет индивиду технический прогресс. Человек, помимо таких специальных навыков, должен обладать общими качествами, позволяющими вписаться в новую цифровую реальность. Новый индивид должен быть самостоятельным и коммуникабельным, так как многие процессы благодаря их упрощению и цифровизации теперь замкнуты на одного человека (даже для отправки заявления теперь не поможет работник МФЦ – многие государственные услуги стали полностью электронными), но в то же время, для предотвращения формирования информационного вакуума вокруг себя человек должен уметь вступать во взаимодействие с различными людьми и уметь искать информацию для расширения своего кругозора и знаний.

Политический фактор накопления человеческого потенциала в умном городе

Как было показано, становление мегаполисов как умных городов подталкивает их жителей к приобретению новых способностей, навыков и качеств. Более того, повышается роль отдельных индивидов, которые становятся более самостоятельными звеньями в цепочках сложных информационных и цифровых коммуникаций, из которых соткана современная жизнь в высокотехнологичных городах. Кроме того, в умных городах повышается роль инноваций, для которых необходимо формирование мощной прослойки сотрудников интеллектуального труда различного уровня для обеспечения работы инновационных систем и разработки новых решений для них. Необходима также адаптация простых жителей к новым техническим решениям.

Так как город, помимо территориальной единицы, является ещё и политической единицей, имеющей собственное руководство, подчинённое вышестоящим инстанциям, власти неизбежно оказываются вовлечёнными в процесс развития умного города. Таким образом,

в развитии умного города имеет место политический фактор, под которым следует понимать меры, принимаемые городскими и региональными властями для обеспечения развития городской среды по «умной» траектории.

Перед городскими, региональными и государственными властями стоят задачи не только обеспечения дальнейшего технического прогресса городов, но и адаптации под эти города жителей. На сегодняшний день это осознают и в России, где в новых стратегиях развития до 2030 и более отдалённых лет уже прямо упоминается накопление человеческого потенциала и человеческого капитала как важные задачи для обеспечения процветания городов. Так, например, стратегия развития Воронежской области до 2035 года уже опирается на констатацию факта наличия определённого уровня человеческого потенциала, реализации которого должны способствовать власти с целью выполнения данной стратегии. О человеческом потенциале граждан говорится и в стратегии развития города Москвы как умного города. Каким же образом власти могут способствовать накоплению и раскрытию человеческого потенциала в умном городе?

В качестве примера будет рассмотрена стратегия развития Москвы до 2030 года, так как в ней прямо прописывается, что мегаполис идёт по пути развития умного города. Следует заметить, что Москва развивается по модели «Умный город 2.0». В рамках такой модели в разработке стратегии развития города городские власти стремятся не просто внедрить как можно больше технологий и автоматизировать как можно больше процессов, но и учесть интересы граждан, а также культурные особенности среды.

Всего же существует пять моделей умного города. Для первой характерно внедрение цифровых технологий в организацию работы городской инфраструктуры, общая модернизация процессов без внимания к развитию отдельной личности, горожанина. В «Умном городе 3.0», помимо внимания к отдельной

личности со стороны государства, осуществляется постоянная обратная связь с жителями. В этой модели горожане начинают гораздо сильнее влиять на процесс модернизации города, здесь ценятся инициативность, активная жизненная позиция. «Умный город 4.0» характеризуется развитием не только технологий, но и жителей. В этой модели горожане также становятся «умными» – осваивают передовые технологии и становятся полноценными акторами в проведении городской политики. Они не только адаптируются к новой городской среде, но и сами участвуют в её формировании. Наконец, в наиболее совершенном «Умном городе 5.0» инновационные технологии ещё глубже проникают в жизнь городского сообщества. Происходит симбиоз между техникой, людьми и окружающей средой, благодаря чему обеспечивается наиболее полная реализация целей устойчивого развития ООН и более стабильное функционирование городской системы управления в целом [11]. Если говорить конкретно о Москве, то на данный момент как умный город она находится на стадии 2.0.

Уже на первых страницах стратегии можно заметить, что перспективы развития Москвы как умного города неразрывно связаны с реализацией нового человеческого потенциала, который накапливается в цифровой среде. В качестве одной из своих задач городские власти ставят исключение жителей из процессов, требующих низкоквалифицированного ручного труда. Москвичи будущего должны уметь контролировать городские процессы, активно участвовать в управлении городом и заниматься сложным интеллектуальным созидательным трудом [9, с. 25]. Для реализации этого как раз нужны такие новые качества как самостоятельность, осознанность и умение пользоваться технологиями новой цифровой среды.

Если говорить о генеральной стратегии, цели развития Москвы как умного города, то власти видят её следующим образом: "... это инновационный город, использующий цифровые технологии для повышения уровня жизни, эффек-

тивности деятельности и услуг в городе, а также конкурентоспособности при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономических, социальных, культурных и природоохранных аспектах" [8, с. 21]. Как было показано выше на примере одной из более конкретных задач, для достижения этой цели необходима реализация особого рода человеческого потенциала. Каким образом городские власти будут участвовать в его накоплении и реализации?

Если говорить о базовом уровне понятия "человеческий потенциал", то к нему относятся задатки и физические характеристики, которыми обладает индивид. Чтобы обеспечить повышение их качества, власти Москвы намерены на протяжении не одного поколения улучшать качество медицины и экологии в городе, используя новейшие технические решения, что и поможет формированию более совершенных предпосылок для накопления человеческого потенциала. Кроме того, человеческий потенциал состоит, в том числе, из паттернов поведения и привычек индивида, которые также можно регулировать, особенно на ранних этапах становления личности. Так, один из экспертов, Александр Чернов, убеждён, что и в этом возможно влияние политического фактора: власти Москвы могут способствовать формированию здоровых привычек у граждан не только путём внедрения каких-либо обязательных занятий, но и иными методами – через нативную пропаганду ЗОЖ в информационной среде, то есть в духе цифровой эпохи [9, с. 18].

Человеческий потенциал также составляют навыки работы с новейшими техническими решениями. В России, в том числе и в Москве, уже активно прорабатывается вопрос открытия "живых лабораторий" [10] и образовательных кластеров, где дети и взрослые могут как осваивать новые технологии, получая необходимые навыки, так и реализовывать свой потенциал в более серьёзных разработках, например, в молодёжных центрах инновационного творчества [6].

Согласно стратегии развития, Москва в 2030 году будет городом, в управлении которым самое активное участие будут принимать именно жители [9, с. 34]. Для этого необходимо не только освоение цифровых сервисов, важных для гражданского участия, но и наличие самой культуры участия в решении городских проблем. С этой целью власти намерены внедрять цифровые сервисы, через которые жители смогут сообщать о городских проблемах, обсуждать вопросы городского благоустройства и др. Участвуя в таких инициативах, жители получают новые навыки, усваивают новые паттерны поведения. Они становятся внимательнее к окружающей их среде, активнее и самостоятельнее, а эти качества также вкладываются в общий человеческий потенциал.

В стратегии развития города Москвы большое внимание уделено образованию [8, с. 40a]. Власти намерены обеспечить большую персонализацию образовательных процессов, развивать электронные образовательные сервисы и др. Кроме того, одной из целей социального развития города является обеспечение равных возможностей для жителей получать качественную медицинскую помощь, образование, пользоваться общественными благами.

Все вышеперечисленные инициативы напрямую связаны с накоплением человеческого потенциала. Становится очевидно, что их реализация связана именно с работой властей, ведь именно они занимаются вопросами медицинского обеспечения, развития образовательной сферы и городской среды. Получается, что для накопления и реализации человеческого потенциала важна не только среда в виде продвинутого уровня города, но и работа властей. С одной стороны, власти должны быть готовы предоставлять жителям гораздо большую степень свободы в вопросах городского управления, то есть быть демократичнее. Но с другой стороны, власти должны быть эффективны в вопросах претворения намеченных инициатив в жизнь, то есть важным становится низкий уровень коррупции во властных

структурах и высокая степень открытости и подотчётности. Только при такой работе властей можно говорить о дальнейшем прогрессе города как умной системы.

Выводы

Таким образом, была показана тесная связь между человеческим потенциалом, умным городом и политическим фактором. Было дано определение умного города как сложной многогранной системы, характеризующейся не только повсеместным внедрением передовых технологий, но и особым отношением между умными технологиями и людьми, между умным городом и окружающей средой.

Далее, было дано раскрытое определение человеческого потенциала, выявлена его специфика и те базовые факторы, которые влияют на его накопление и реализацию. Затем было выяснено, что именно в умном городе происходит накопление и реализация, а также обогащение человеческого потенциала как набора качеств, связей, знаний и умений. Это происходит за счёт пользования передовыми технологиями и формирования личности в новой среде, в окружении цифровых технологий, информационных потоков, умных технологий.

Наконец, на примере стратегии развития города Москвы как умного города было показано, какую роль играют городские власти в накоплении человеческого потенциала, то есть, была раскрыта роль политического фактора. Именно власти выступают главным бенефициаром внедрения и развития цифровых технологий и умных систем, они же заинтересованы в обучении жителей обращаться с ними и использовать их в своих интересах. Без участия со стороны властей невозможно планомерное внедрение технологий умного города, повышение качества образования и медицины, а всё это непосредственно влияет на накопление человеческого потенциала в умном городе.

Литература

1. Cohen B. Barcelona: A smart city model for a planet. 2011. URL: <https://www.>

- fastcodesign.com/1679017/barcelona-smart-city-model-for-the-planet.2011.
2. Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research. 2011. P. 282–291. URL: https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/dgo_2011_smartcity.pdf
 3. С. И. Абрамян, А. А. Федотов Формы человеческого потенциала // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 10–2.
 4. Герасимова К.Г. Человеческий потенциал: иметь или реализовывать? Авторская методика комплексной социологической оценки степени самореализованности. // Научно-исследовательский социологический центр, 2017.
 5. Иванов О.И. Человеческий потенциал: вопросы теории и методологии исследования // СОЦИС, 2014. – № 6. – С. 89–95.
 6. Кононов В.М. Человеческий потенциал как фактор инновационной политики России в современной исторической ситуации // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2015. № 1 (19).
 7. Кузьмина А. С., Липецкая М.С. и др. Приоритетные направления внедрения технологий умного города в российских городах // Центр стратегических разработок (ЦСР), 2018. – 178 стр.
 8. Макаренко Е.Д. Феномен человеческого потенциала в общества эпохи Индустрии 4.0 // Социология. 2022. № 4.:
 9. Москва 2030: умный город // [Электронный ресурс] URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (Дата обращения: 09.11.2022)
 10. Мухаметов Д.Р. Развитие человеческого капитала в «Умных городах» России: сети и «Живые лаборатории» // Мир новой экономики. 2020. № 2.
 11. Серегина Т.Н. Умный город как феномен информационного общества:

социально-философский анализ // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 3.

THE INFLUENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION ON THE ACCUMULATION AND DISCLOSURE OF HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF THE IMPLEMENTATION OF SMART CITY TECHNOLOGIES

Makarenko E.D.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article considers the relationship between phenomena of human potential, smart city and political factors. The article provides a definition of human potential as a complex multifaceted concept, including natural features of the individual and accumulated skills, and also characterises the phenomenon of intelligent city as a complex complex system, the formation of which is directly related to technical progress, digitalization and informatization, which in a certain way affects humans and interacts with the environment. The article shows inextricable connection between the introduction of smart city technologies and accumulation and realization of human potential. The article considers the role of political factors in the accumulation of human potential in a smart city, where the presence of political factors, which means in a broad sense the influence of state authorities on the organization of everyday life of citizens is recognized as unavoidable. It has been revealed that political decisions, authorities play a significant role in the success of human development and the introduction of smart city technologies.

Keywords: smart city, human potential, urban management, self-realization, innovations.

References

1. Cohen B. Barcelona: A smart city model for a planet. 2011. URL: <https://www.fastcodesign.com/1679017/barcelona-smart-city-model-for-the-planet.2011>.
2. Nam T., Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions // Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research. 2011. R. 282–291. URL: https://inta-aivn.org/images/cc/Urbanism/background%20documents/dgo_2011_smartcity.pdf

3. S. I. Abramyan, A.A. Fedotov Forms of human potential // International Journal of the Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 10–2.
4. Gerasimova K.G. Human potential: to have or to realize? The author's methodology for a comprehensive sociological assessment of the degree of self-realization. // Research sociological center, 2017.
5. Ivanov O.I. Human potential: issues of theory and methodology of research // SOCIS, 2014. – No. 6. – P. 89–95.
6. Kononov V.M. Human potential as a factor of Russia's innovation policy in the modern historical situation // Science of man: humanitarian research. 2015. No. 1 (19).
7. Kuzmina A.S., Lipetskaya M.S. and others. Priority directions for the implementation of smart city technologies in Russian cities // Center for Strategic Research (CSR), 2018. – 178 pages.
8. Makarenko E.D. The phenomenon of human potential in the society of the Industry 4.0 era // Sociology. 2022. No. 4.:
9. Moscow 2030: smart city // [Electronic resource] URL: https://www.mos.ru/upload/alerts/files/3_Tekststrategii.pdf (Date of access: 09.11.2022)
10. Mukhametov D.R. Development of human capital in “Smart cities” of Russia: networks and “Living Laboratories” // World of New Economics. 2020. № 2.
11. Seregina T.N. Smart city as a phenomenon of the information society: socio-philosophical analysis // Izvestiya TuIGU. Humanitarian sciences. 2022. № 3.

Социально-политические причины формирования множественной субъективности

Тетенков Николай Борисович,

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) Федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
E-mail: tenibo@yandex.ru

Социальные процессы, происходящие в обществе, имеют большое количество альтернативных, иногда взаимоисключающих направлений развития событий, при этом формирующимся ветвям развития социальной сложности не присуща равнозначность. Наблюдается прогресс социокультурной напряженности в мире, усиливаются межкультурные и межстрановые антагонизмы, при этом общественному сознанию становится присущи состояния неопределенности, кризисности, ощущения стресса и надвигающейся катастрофы.

В настоящей статье рассматриваются социально-политические причины формирования множественной субъективности. Характеризуется понятие множественной субъективности, актуальность данного феномена. Выявлены причины, которые позволили С. Кьеркегору прийти к идее множественной субъективности. Дополнительно обозначены иные причины формирования множественной субъективности в зарубежной и русской литературе.

К социально-политическим причинам формирования множественной субъективности относятся: расколотость личности, сложносистемное мышление, образование, воспитание, интеллектуальная среда, социальные и политические кризисы и т.д.

Анализ социально-политических причин множественной субъективности позволяет сделать вывод, что рассматриваемый феномен не представляет социальной угрозы, несмотря на то, что ее формирование зачастую обусловлено кризисными явлениями в социуме.

Ключевые слова: С. Кьеркегор, множественная субъективность, причины множественной субъективности, эстетическая форма человеческого бытия, этическая форма человеческого бытия, Б. Паскаль.

Введение. Социальные процессы, происходящие в обществе, имеют большое количество альтернативных, иногда взаимоисключающих направлений развития событий, при этом формирующимся ветвям развития социальной сложности не присуща равнозначность. Наблюдается прогресс социокультурной напряженности в мире, усиливаются межкультурные и межстрановые антагонизмы, при этом общественному сознанию становится присущи состояния неопределенности, кризисности, ощущения стресса и надвигающейся катастрофы. Личность, развивающаяся в данных условиях, теряет возможность выстраивания простых отношений с вещами и окружающим миром, в связи с чем она должна отказаться от классической идеи устойчивого бытия.

Кризисное состояние социума обуславливает необратимые личностные изменения, связанные с упадком когнитивной сложности субъекта, деградацией сознания индивида на примитивную ступень развития, что приводит к поверхностной оценке социальной реальности. Также наблюдается увеличение расщепленности и противоречивости сознания непосредственно личности, в том числе амплитуды его внутренних эмоциональных колебаний [1, с. 187].

Постоянно увеличивающееся разнообразие познавательных инструментов, показывающих личности варианты познания и проектирования окружающей действительности, в том числе непосредственно себя, формирует многообразие вариативных реальностей, которые проявляются в глобализационных процессах и взаимосвязях. При развитии такого рода взаимодействий осуществляется пересечение и объединение таких разновидностей развития реальности и таких сценариев формирования личности субъекта, вероятность сопоставимости которых в классической

социально-философской системе равняется нулю.

Указанные обстоятельства обуславливают актуальность феномена множественной субъективности.

Целью настоящей статьи является анализ социально-политических причин формирования множественной субъективности.

Материал и методы исследования включают: теоретические методы (анализ литературы по теме исследования); эмпирические методы, метод сравнения, синтеза, экспертных оценок. В качестве материала послужили работы Кьеркегора и других отечественных и зарубежных исследователей по рассматриваемой теме.

Результаты исследования и их об- суждение. Формирование понятия мно-

жественной субъективности представля- ет собой итог историко-философского процесса, берущего свое начало с антич- ных времен, однако научное обоснова- ние этот процесс получил в европейской философии 18–19 вв., а последующее развитие – в феноменологии и теории субъективности Ж. Делёза [2].

Под множественной субъективно- стью понимается наличие в сознании нескольких мировоззренческих устано- вок, каждая из которых задаёт своё ми- ровосприятие; социальные конфликты и трансформации приводят к формиро- ванию множественной субъективности.

Факторы, оказывающие влияние на формирование множественной субъективности представлены на ри- сунке 1.

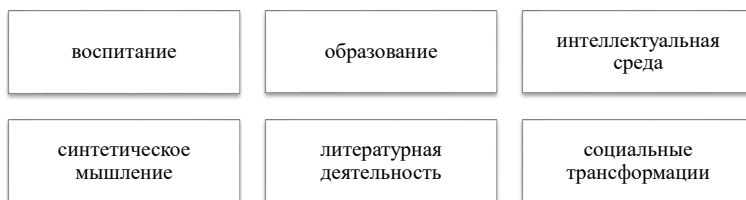

Рис. 1. Факторы, оказывающие влияние на формирование множественной субъективности

Ярким примером множественной субъективности в философии выступает С. Кьеркегор [3], который выразил множественную субъективность посредством использования в своих работах концептуальных персонажей.

В качестве причин, обусловивших возникновение у С. Кьеркегора множественной субъективности, можно отметить следующие: во-первых, это сама фундаментальная задача, поставленная перед собой датским философом: «представить стадии жизненного пути или все формы мировоззрений» [3]. Со- образно поставленной задаче он выразил и экзистенциально прожил каждую из форм «изнутри» и продемонстриро- вал, как выглядит эта же форма применительно к остальным мировоззрениям. С. Кьеркегором были созданы многочис- ленные «авторы», «редакторы», переда- ющие одно из мировоззрений, очерчи- вающие границы между мировоззрения-

ми и т.д. Представляется возможным их всех определить в качестве концептуаль- ных персонажей [4, с. 73].

У С. Кьеркегора непосредственно двойственность, расщепленность созна- ния формирует множественную субъек- тивность. Это обусловлено тем, что оно трансцендирует себя в другую область бытия или в Другого, при этом оставляя естественную установку сознания. Со- знание находится в положении «между» двумя планами бытия: планом действи- тельности и планом возможности – дей- ствительным и теоретическим миром [3, с. 89].

Тем самым, мы наблюдаем отход от классического типа рациональности и переход к новому, неклассическому ти- пу. С. Кьеркегор использует другой тип трансценденции. Это не трансценден- ция в оппозиции временность/вечность. Он трансцендирует себя в иную, от- личную от него форму человеческого

бытия, пробует посмотреть на действительность взглядом Другого. Тем самым, у С. Кьеркегора разум «вещает» не с позиции вечности, а с позиции временности человеческого бытия. Истина в данном случае утрачивает определенность и характеризуется мозаичностью и полифоничностью [4, с. 76].

Во-вторых, С. Кьеркегор отмечает двойственное отношение личности к действительности: «Действительность (историческая действительность) обладает двойственным отношением к личности. С одной стороны, она – дар, от которого нельзя отказаться, с другой – задача, которую необходимо реализовать» [5, с. 91]. Заданность будущего предполагает, что имеется цель, требующая реализации, следовательно, будущее выступает не только временной, но и смысловой категорией, реализовать которую можно лишь посредством действия, поступка.

Действие включает в себя свободу личности, его активность и ответственность, при этом на первый план выходит нравственный человек, самостоятельно устанавливающий нормы морали. С. Кьеркегор отмечает, применительно к этике идеальное представляет собой действительность в самом индивидууме. Такая действительность – внутреннее, бесконечно заинтересованное в том, чтобы существовать.

Итак, Кьеркегор в основание активности личности видит цель, определяющую его действия, при этом активность направлена, в первую очередь, на создание, творчество, обуславливающее диалог, полифонию, множественность.

На основании анализа биографий С. Кьеркегора [6] и Б. Паскаля [7] можно выделить следующие причины формирования множественной субъективности (рисунок 2).

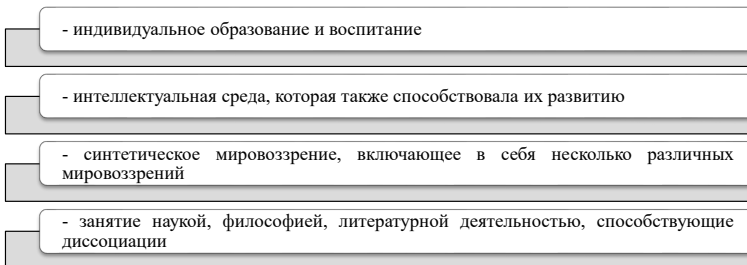

Рис. 2. Причины формирования множественной субъективности

Вышеуказанным философам присущ определенный типаж философствования, в частности, философствование посредством концептуальных персонажей, допускающих демонстрацию множественной субъективности через выделения из нее самостоятельных свойств или мировоззренческой позиции и придания им виртуального существования [8, с. 10].

Анализ литературы позволил выделить следующие основные идеи о множественной субъективности и феномене множественной личности [9, 10]:

1. Множественность объясняется с позиции психоанализа как результат психологической травмы, физическо-

го насилия и т.д. Данный концепт присущ в большей степени западной литературе, поскольку большинство трудов по данной проблематике написана непосредственно психоаналитиками. Кроме того, психоанализ в западных странах очень популярен, что обусловило, в свою очередь, формирование данного концепта [11, 12].

2. Множественность выступает отличительным атрибутом современной эпохи. Данный концепт также имеет широкое распространение в западной литературе и обосновывается тем, что множественность представляет собой итог мутации и адаптации к окружающему миру, образованием в ходе эво-

люционного процесса человека нового вида – homo sapiens multiplus [13, с. 85].

3. Множественная субъективность формируется в переходные эпохи в результате образования эклектики старых и новых мировоззренческих и культурных установок [14, с. 285].

4. Как в зарубежной, так и в отечественной литературе имеется точка зрения, что личность изначально представляет собой множественную субъективность. Указанное обусловлено незавершенностью и свободой личности,

изначальной множественностью «Я» [15, 16].

5. Множественность является характерной чертой у творческих личностей, поскольку творчество обуславливает расщепление «Я» на множество ролей: писателя, критика, читателя [17].

6. В литературе также обосновываются социальные и юридические проблемы, связанные с феноменом множественной личности [18].

Социально-политические причины формирования множественной субъективности представлены на рисунке 3.

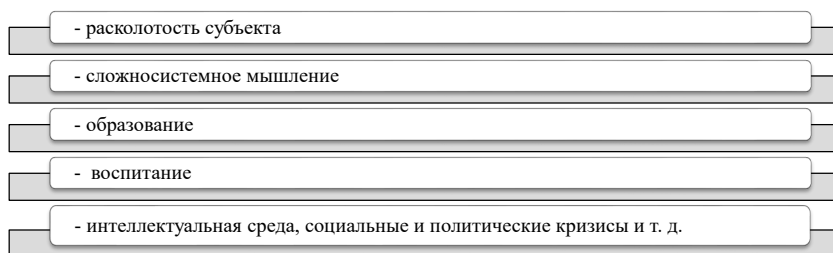

Рис. 3. Социально-политические причины формирования множественной субъективности

Выводы. Анализ, проведенный в настоящей статье позволяет прийти к выводу, что феномен множественной субъективности на сегодняшний день не исследован в полном объеме, что вызывает дискуссии в научных кругах уже достаточно долгое время.

На социальный вызов (как и на природный вызов) сознание отвечает усложнением, что обуславливает формирование множественной субъективности.

К социально-политическим причинам формирования множественной субъективности относятся: расколотость личности, сложносистемное мышление, образование, воспитание, интеллектуальная среда, социальные и политические кризисы и т.д.

Анализ социально-политических причин множественной субъективности позволяет сделать вывод, что рассматриваемый феномен не представляет социальной угрозы, несмотря на то, что ее формирование зачастую обусловлено кризисными явлениями в социуме.

Литература

1. Князева Е.Н. Основания синергетики: человек, конструирующий себя и свое будущее / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. 4-е изд., доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», сор. 2011. 260 с.
2. Делёз Ж. Различие и повторение; пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. СПб.: Петрополис, 1998. 384 с.
3. Кьеркегор С. Заключительное ненаучное послесловие к «Философским крохам» // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1994. № 3. С. 82–97.
4. Тетенков Н.Б. С. Кьеркегор: движение к множественной субъективности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2017. № 1. С. 71–77.
5. Колесников А.С. Проблема субъективности в постструктурализме // Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: Санкт-

- Петербургское философское общество. 2000. С.79–106.
6. Быховский Б.Э. Кьеркегор. [1813–1855]. – М.: Мысль, 1972. – 238 с.
 7. Блез Паскаль: pro et contra: личность и творческое наследие Паскаля в восприятии и оценке русских философов и писателей: антология / [вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. В.Д. Алташиной]. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. акад., 2013. 1094 с.
 8. Исаев С.А. Философско-эстетическое учение С. Кьеркегора: (критический анализ): автореф. дис. на соиск. учен. ст. канд. филос. Наук. М., 1982. 19 с.
 9. Колесников А.С. Формы субъективности в философской культуре XX века. СПб.: СПб. филос. о-во, 2000. 112 с.
 10. Князев Н.А. Причинность: новое видение классической проблемы. М.: Сигма-Ф, 1992. 166 с.
 11. Белопольская Н.Л. Представления о психической норме и патологии: психологические критерии // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 3. С. 74–81.
 12. Билибенко А.В. Модели философского осмысления психического заболевания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 1. С. 9–14.
 13. Бибахин В.В. Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора. Русские и датские интерпретации творчества Сёрена Кьеркегора. М.: Ad Marginem, 1994. С. 82–90.
 14. Вильданов У.С. Гносеологический анализ трансцендентальной субъективности. Уфа: Башк. гос. ун-т, 2000. 401 с.
 15. Корчак А.С. Философия другого Я: история и современность. М.: URSS, 2006. 149 с.
 16. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности: исторические пролегомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетейа, 2007. 731 с.
 17. Долгов К.М. От Кьеркегора до Камю: Философия. Эстетика. Культура. М.: Искусство, 1990. 399 с.

18. Голик Н.В. Трагизм человеческого существования: (Кьеркегор – Стриндберг) // Август Стриндберг и мировая культура: материалы Межвуз. науч. конф.: ст. сообщения / [ред.-сост.: Л.И. Гительман, В.М. Дианова]. СПб.: Левша, 1999. С. 117–126.

SOCIO-POLITICAL REASONS FOR THE FORMATION OF MULTIPLE SUBJECTIVITY

Tetenkov N.B.

Northern (Arctic) Lomonosov Federal University

The social processes taking place in society have a large number of alternative, sometimes mutually exclusive directions for the development of events, while the emerging branches of the development of social complexity are not characterized by equivalence. There is a progress of sociocultural tension in the world, intercultural and intercountry antagonisms are intensifying, while the state of uncertainty, crisis, feeling of stress and impending catastrophe becomes inherent in the public consciousness.

This article discusses the socio-political reasons for the formation of multiple subjectivity. The concept of multiple subjectivity and the relevance of this phenomenon are characterized. The reasons that allowed S. Kierkegaard to come to the idea of multiple subjectivity are revealed. Additionally, other reasons for the formation of multiple subjectivity in foreign and Russian literature are indicated.

The socio-political reasons for the formation of multiple subjectivity include: split personality, complex systemic thinking, education, upbringing, intellectual environment, social and political crises, etc.

An analysis of the socio-political causes of multiple subjectivity allows us to conclude that the phenomenon under consideration does not pose a social threat, despite the fact that its formation is often due to crisis phenomena in society.

Keywords: S. Kierkegaard, multiple subjectivity, causes of multiple subjectivity, aesthetic form of human existence, ethical form of human existence, B. Pascal.

References

1. Knyazeva E.N. Fundamentals of synergetics: a person constructing himself and his future / E.N. Knyazeva, S.P. Kurdyumov. 4th ed., add. M.: Book house "LIBROKOM", cop. 2011. 260 p.

2. Deleuze J. Difference and repetition; per. from fr. N.B. Mankovskaya and E.P. Yurovskaya. St. Petersburg: Petropolis, 1998. 384 p.
3. Kierkegaard S. Final non-scientific epilogue to "Philosophical crumbs" // Dialogue. Carnival. Chronotop. 1994. No. 3. S. 82–97.
4. Tetenkov N.B. S. Kierkegaard: movement towards multiple subjectivity // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. 2017. No. 1. S. 71–77.
5. Kolesnikov A.S. The problem of subjectivity in poststructuralism // Forms of subjectivity in the philosophical culture of the XX century. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society. 2000. C.79–106.
6. Bykhovsky B.E. Kierkegaard. [1813–1855]. – M.: Thought, 1972. – 238 p.
7. Blaise Pascal: pro et contra: Pascal's personality and creative heritage in the perception and evaluation of Russian philosophers and writers: an anthology / [intro. Art., comp., prepared. text and comments. V.D. Altashina]. SPb.: Publishing house Rus. Christian. humanit. acad., 2013. 1094 p.
8. Isaev S.A. Philosophical and aesthetic teaching of S. Kierkegaard: (critical analysis): author. dis. for the competition scientist Art. cand. philosophy Sciences. M., 1982. 19 p.
9. Kolesnikov A.S. Forms of subjectivity in the philosophical culture of the XX century. SPb.: SPb. philosophy o-vo, 2000. 112 p.
10. Knyazev N.A. Causality: a new vision of a classical problem. M.: Sigma-F, 1992. 166 p.
11. Belopolskaya N.L. Ideas about the mental norm and pathology: psychological criteria // Experimental psychology. 2015. V. 8. No. 3. S. 74–81.
12. Bilibenko A.V. Models of philosophical understanding of mental illness // Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2014. V. 14. No. 1. P. 9–14.
13. Bibikhin V.V. Kierkegaard and Gogol // The World of Kierkegaard. Russian and Danish interpretations of Søren Kierkegaard's work. M.: Ad Marginem, 1994. S. 82–90.
14. Vildanov U.S. Gnoseological analysis of transcendental subjectivity. Ufa: Bashk. state un-t, 2000. 401 p.
15. Korchak A.S. Philosophy of the Other Self: History and Modernity. M.: URSS, 2006. 149 p.
16. Komarov S.V. Metaphysics and phenomenology of subjectivity: historical prolegomena to the fundamental ontology of consciousness. St. Petersburg: Aleteya, 2007. 731 p.
17. Dolgov K.M. From Kierkegaard to Camus: Philosophy. Aesthetics. Culture. Moscow: Art, 1990. 399 p.
18. Golik N.V. The tragedy of human existence: (Kierkegaard – Strindberg) // August Strindberg and world culture: materials of Interuniversity. scientific conf.: st. messages / [ed.-comp.: L.I. Gitelman, V.M. Dianov]. St. Petersburg: Levsha, 1999, pp. 117–126.

Анализ ценностно-смысловой репрезентации образа нелегального мигранта в региональных СМИ: по результатам контент-анализа

Гринченко Елизавета Александровна,

младший научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, магистрант 1 курса Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Ключевой исследовательский вопрос данной статьи заключается в рассмотрении того, как в ценностно-смысловом контексте представляется образ нелегального мигранта в региональных СМИ. Цель исследования является выделение основных составляющих образа нелегального мигранта, формируемого в средствах массовой информации, а также определение ценностно-смыслового восприятия проблемы нелегальной миграции в региональных СМИ. Объектом данного социологического исследования являются частотность упоминания категории «нелегальные мигранты», содержащиеся в новостных сообщениях, размещаемых основными электронными информационными ресурсами Ростовской области. Предмет исследования – основные характеристики нелегальных мигрантов и их поведения, представленные в контенте основных электронных информационных ресурсов Ростовской области. Гипотеза исследования – среди категорий мигрантов, чаще всего, объектами новостных сообщений становятся нелегальные и трудовые мигранты. Преобладающей тональностью для новостных сообщений о мигрантах и миграционных процессах, представленных в информационном пространстве, выступает отрицательная тональность. Метод исследования – контент-анализ новостных сообщений о событиях, связанных с нелегальными мигрантами и миграционной политикой, размещенных на интернет-сайтах основных информационных порталов Ростовской области.

Ключевые слова: Нелегальный мигрант, миграция, образ мигранта, ценностно-смысловое восприятие; региональные СМИ, миграционная активность, информационное пространство, контент-анализ, тональность новостных сообщений, поведение мигрантов, Ростовская область.

Введение

Изучение социальной перцепции нелегальной миграции населения приобретает всё большую значимость в современном мире ввиду ускоряющихся темпов глобализации, и оказывает значительное влияние на многие социальные, экономические, демографические, политические и даже экологические процессы, происходящие в жизни общества. Международная нелегальная трудовая миграция – это процесс трансграничного перемещения индивидов, находящегося под влиянием потребности в трудоустройстве и получения оплаты за предоставляемые ими услуги труда, обладающих набором структурных характеристик и фундаментальных различий и находящихся за пределами правового поля в силу различных оснований, которое осуществляется как на определенный, так и на неопределенный срок [1; С. 16]. Нелегальная трудовая миграция как процесс территориального перераспределения населения влияет на архитектуру и тональность межэтнических отношений в региональных сообществах.

Период постсоветской трансформации это время институционального реструктурирования экономической, политико-правовой и культурной сфере, но также время динамичных преобразований в миграционной политике, а также временной отрезок, оказавший непосредственное влияние на переоценку и восприятие миграционных процессов в ценностно-смысловом сознании россиян. На постсоветском пространстве образовалось две категории миграционных потоков. Причина первого потока заключалась в возросшей численности трудовых мигрантов, для которых основной причиной территориального перемеще-

ния явилось резкое ухудшение экономической ситуации в собственной стране. Причина второго потока – возросший градус конфликтности и эскалация социально-политической напряженности в ряде регионов бывшего СССР на этнонациональной почве. Адаптация к новым формам государственного бытия сопровождалась коренными изменениями в этнонациональном мироощущении россиян. Стоит отметить, что триггерообразующем звеном в конструировании негативного отношения местного населения к нелегальному трансграничному перемещению мигрантов объясняется отчасти тем, что собственная экономическая база Российской Федерации находилась в тот временной промежуток в кризисном состоянии и требовала колоссальных финансовых вложений и помощи своим гражданам, улучшения уровня их благосостояния и качества жизненных условий.

Так, по данным правоохранительных органов, на сегодняшний день примерно каждый десятый мигрант находится на территории страны нелегально. Большинство из мигрантов на территории Российской Федерации являются представителями стран «Содружества Независимых Государств». По данным МОМ, внутрирегиональные легальные трудовые миграционные перемещения обусловлены глубокими общими историческими корнями, географической близостью, культурными и родственными связями между странами, тогда как межрегиональные нелегальные перемещения связаны с уже упомянутым разрывом в уровне и качестве жизни, в частности, речь идет о перспективах заработка и доступности возможных ниш занятости [2; С. 33–34]. Отдельно стоит выделить тенденцию нелегальной миграции, связанную с выталкиванием населения – политическая нестабильность, затянувшиеся конфликты, факторы экологического характера и т.д. определяют не только рост объема передвижений беженцев и просителей убежища. Возникающие на основании мотивов потребности в переезде, в свою очередь, становятся детерминантой поиска путей,

возможностей и направлений миграции. Кейс Российской Федерации, в данном контексте, является привлекательным для части постсоветского пространства, чей уровень экономического и политического развития является относительно низким. Это создает ситуацию, при которой Россия становится как выгодоприобретателем (в плане экономики и политического влияния), так и возможной ареной угроз национальной безопасности, которые могут проявляться в различных социально-демографических проблемах. Нелегальная миграция проявляется в последствиях социально-демографического плана, которые необходимо перманентно изучать, а накопленные сведения, информацию и знания применять в российской политике и государственном управлении.

В современных реалиях, наиболее транслируемой проблемой, сопровождающейся негативной коннотаций, является обсуждение в СМИ процесса нелегальной миграции и ее последствий для местного общества [2; С. 34]. Современный этап развития информационного общества характеризуется динамичными трансформациями социокультурного пространства, в частности, смысловыми модификациями, оказывающими влияние на формирование образа нелегального мигранта посредством использования информационных методов четвертой ветви власти – СМИ. В ходе трансформаций информационно-коммуникативных технологий, формирования глобальной информационной среды появляется обширный инструментарий для распространения новостных СМИ и конструирования на данной информационной площадке образа нелегального мигранта, его интенций, ценностей, укоренившихся социокультурных норм и перспектив в трудовой деятельности [3; С. 173]. Постоянство и запрос на анализ транслируемого контента и упоминания данной когорты мигрантов в СМИ, а также последствий его восприятия в контексте изучения нелегальной миграции актуализирует тему исследования в теоретико-практическом плане.

Методологическая база исследования

Современный этап развития информационного рынка акцентирует исследовательский фокус внимания на проблеме репрезентации образа мигранта в средствах массовой информации, оказывающей непосредственное влияние на аккомодацию общественных взглядов и субъективных мнений принимающего общества, что требует особого внимания и актуализации вопросов, изучаемых социологией средств массовой информации. В социологическом понимании средства массовой информации – это социальные институты, которые занимаются сбором, обработкой и анализом информации в массовом масштабе, а также ее распространением в обществе. Одна из основных задач СМИ заключается в ценностно-нормативной интеграции общества при помощи поддержания и распространения общепринятых моделей поведения и сознания в обществе.

Если обратится к методологическим истокам, то необходимо отметить, что в формировании информационной социальной перцепции индивидов в фокусе восприятия социетальных явлений и организационных аспектов социальной жизни, «точкой отсчета» стала научная статья А. Смита о «разделении труда» в которой представлена концепция о коммуникативной функции СМИ, которая обеспечивает взаимодействие между собой гетерогенных субъектов в информационной поле. Последующее развитие протокоммуникативистики выявляет необходимость в количественном учете массовых явлений, отражающих специфику глобальных процессов. Это явилось началом социологии СМИ, которая акцентировала теоретический-методологический фокус, прежде всего, на главной роли коммуникации общества и ценностно-смысловом восприятии индивидов в контексте происходящих социальных процессов и явлений, общественных проблем и трансформаций. Так, в период существования данной теории исследователи пришли к выводу, что коммуникация играет фундамен-

тальную роль в манипулировании общественным сознанием, изменением его под воздействием новой информации. Американский социолог и журналист У. Липпман писал о «картине в голове» – особом представлении о мире, которое сконструировано под влиянием СМИ. Им была выдвинута гипотеза о том, что СМИ создает «псевдо-окружающую среду», не имеющую ничего общего с действительной реальностью. Благодаря ожиданиям аудитории СМИ не только формируют псевдо-реальность, но и манипулируют ею, латентно транслируя в информационном поле четко очерченные экспектации, и последующие закономерные ожидания с целью их исполнения в лице субъектов на которых были направленные смысловые импульсы, тиражируемого контента. Так, теория У. Липпмана актуальна и в рамках анализа ценностно-смыслового восприятия проблемы нелегальной миграции в региональных СМИ. Всю полученную информацию, по мнению автора, индивид не может проверить на факт достоверности, поэтому он вынужден либо доверять фреймированной информации, предоставляемой СМИ, либо ограничить свой доверительный барьер к ней. Фреймировать событие (текст, ситуацию) – значит сделать заметными, важными одни детали и невидимыми, нерелевантными другие, исключить что-то из поля зрения читателя. Фреймы придают новостным вопросам смысл, способствуют конкретным интерпретациям и определениям, предлагают моральные суждения и предлагают решения, а также усиливают прогрессивную динамику властного авторитета и поддерживают статус-кво. Можно верифицировать гипотезу: медийные фреймы обладают символической силой, используют мифы, нарративы и метафоры, которые резонируют в рамках культуры», и рассматриваются как «культурные, а не когнитивные феномены. Более того, исследования показывают, что, акцентируя внимание на конкретных аспектах медийных историй и поощряя читателей рассматривать проблемы в определенном направлении, медиа-фрейминг играет жизненно важ-

ную роль в формировании общественного понимания и поддержки по многим вопросам. Социальные взаимодействия в Интернете, такие как ретвиты, ответы, комментарии и редакционная запись сопутствуют ускорению распространения информации, различных идей и синхронизации коллективного внимания масс, что в конечном итоге может привести к появлению онлайн-тенденций в информационном поле. Коммуникация людей с сетевыми повествованиями, представленными количеством лайков, количеством репостов и привлекательностью персонажа в каждом посте играет особую роль при исследовании аудитории. В частности, различные функции, встроенные в СМИ, позволяют людям напрямую участвовать в сюжетном контенте в каждом сообщении. Более конкретно, из-за массовой видимости средств массовой информации комментарии на цифровых платформах могут иметь более судьбоносные последствия, чем мнения, выраженные в межличностном общении. Комментарии на форумах часто генерируют предполагаемое влияние СМИ, поскольку члены аудитории делают выводы о влиянии, которое сообщения, созданные пользователем, могут оказать на других читателей. Члены целевой аудитории склонны изменять свое поведение, исходя из предположения, что контент в СМИ повлияет на других пользователей. Средства массовой информации создают реальность, в которой люди не сталкиваются с различными мнениями, а скорее слышат эхо своего собственного мировоззрения.

Более того, люди, как правило, поддерживаются от поднятия и последующего дискурса по спорным вопросам. Исключение, если только в присутствии единомышленников, которые, скорее всего, одобряют и поощряют высказывать эти мнения. Эта тенденция следует логике теории когнитивного диссонанса, которая предполагает, что люди стремятся к внутренней согласованности и поэтому склонны избегать противоположных взглядов. Неоднородный климат мнений может снизить доверие к личным мнениям и привести к амбивалентности.

Поэтому СМИ обладают возможностью представлять картину мира в сознание индивида, но данная картина не является отражением действительности, а лишь неким конструктором, заменяющим реальность.

Методы

Настоящая исследовательская работа была выполнена при помощи такого метода исследования, как контент-анализ новостных сообщений о событиях, связанных с нелегальными мигрантами и миграционной политикой, размещенных на интернет-сайтах основных информационных порталов Ростовской области.

Эмпирическая база исследования

Эффективность институциональных изменений сопряжена с ценностной легитимацией социальных процессов в обществе, однако, по данным социологических исследований, миграционные процессы не пользуются должной поддержкой россиян. Если в июле 2017 года такого мнения придерживались 58% россиян, в 2018-м – 67%, то в 2019 году уже 72%¹. Отчасти это может быть связано с тем отношением к мигрантам, которое сформировалось среди принимающего общества. Анализ контента социальных сетей, пользователями которых являются жители Ростовской области (в Южном федеральном округе Ростовская область занимает второе место по миграционному притоку и по показателям экономического развития, и дальше может выступать одним из главных центров притяжения миграционных потоков в ЮФО), позволяет говорить о противоречивом характере отношения к мигрантам, с преобладанием негативного восприятия представителей данной социальной группы. Важность анализа миграционного вопроса связана с влиянием миграции не только на динамику численности населения, но и на ее структуру, демографический, этноконфессиональный состав,

¹ Папия К. От изоляции – к миграции. Как эпидемия скажется на мобильности населения. Газета «Ведомости». 3.06.2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/06/03/831861-izolyatsii-migratsii>

социально-психологические характеристики индивидов, не только прибывших в регион, но и местного населения в результате обмена опытом, знаниями, включением в культуру диалога.

Для анализа ценностно-смыслового восприятия проблемы нелегальной миграции в региональных СМИ в настоящем исследовании был осуществлен эмпирический замер проблемы репрезентации образа нелегального мигранта в СМИ Ростовской области и ее социально-демографических последствий при помощи метода контент-анализа – количественного и качественного анализа публикаций в средствах массовой информации с целью последующей содержательной интерпретации выявленных числовых закономерностей. Были использованы следующие интернет-источники: «161.ru», «Аргументы и факты», «Privet-Rostov», «Комсомольская правда». Рейтинг источников составлен по вовлеченности аудитории в контент. Сплошное исследование всех новостных сообщений, посвященных тематике мигрантов и мероприятиям и актам миграционной политики, размещенных на интернет-сайтах основных информационных порталов Ростовской области в период 1.01.2017–1.04.2022 гг., таким образом, временной промежуток составил 6 лет. Если рассмотреть источники публикации с точки зрения географического положения, то они выглядят следующим образом: Федеральный уровень / другие населенные пункты РФ; Ростовская область в целом (Ростов-на-Дону, Таганрог, Шахты, Новочеркасск, Новошахтинск, Батайск, Азов, Аксай); Сельские поселения / районы; Другие страны.

В проведенном прикладном исследовании коллектива ЮрФ ФНИСЦ РАН были представлены следующие категории мигрантов в зависимости от цели и легальности пребывания «трудовые мигранты», «нелегальные мигранты», «беженцы/вынужденные переселенцы», «иностранные студенты», «иностранные туристы», «без указания».

Персонализация группы трудовых мигрантов представлена по столбцу

в контурах дихотомии в следующем процентном соотношении: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 21,4%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 78,6%. Персонализация когорты «беженцы / вынужденные переселенцы» отображена в следующем срезе: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 3,2%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 96,8%. Иностранные студенты заняли следующие числовые позиции в фокусе персонализации: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 35,7%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 64,3%. Персонализация иностранных туристов была представлена в валидных процентах: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 28,6%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 71,4%. Персонализация новостной повестки категории «без указания принадлежности мигранта» была зафиксирована в соотношении: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 36,1%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 63,9%. Персонализация социальной группы «нелегальные мигранты» была диагностирована в информационном новостном поле в процентном соотношении: в новостном сообщении указана информация о личности мигрантов – 12,1%, в новостном сообщении приведена обобщенная информация – 87,9%. Исходя из полученных данных становится предметно видно, что медийный фокус не направлен на персонификацию личности мигрантов и индивидуальных особенностей и поступков данных представителей. В большой степени, интенции в представлении уникальных особенностей личности мигранта диагностированы в когорте «иностранные студенты». Это может объясняться институциональной потребностью представителей социального института «образование» в освещении профессиональных (учебных, научных, спортивных, культурных,

творческих, общественных) достижений студентов в процессе обучения. Динамика количества сообщений на тему нелегальной миграции имеет волнообразный характер. Зафиксированы определенные подвижки в конкретизации личности мигранта в многочисленной группе «трудовых мигрантов». Персонализация личности, в этом случае, может означать наличие позитивных или, напротив, деструктивных практик мигрантов в профессиональной сфере, т.е. транслирование информационного контента об их заслугах и успехах или же трудовых действиях, которые пагубно отразились на производственном процессе. Можно также заключить, что исследуемая в рамках данной научной работы группа нелегальных мигрантов отображена в региональных СМИ деперсонифицированно, в обобщенном виде.

Общая тональность новостных сообщений в отношении трудовых мигрантов представлена в следующей динамике: положительная тональность – 30,4%, отрицательная тональность – 57,1%, нейтральная тональность – 12,5%. Общий образ трудового мигранта: положительный образ – 69,6%, отрицательный образ – 30,4%. Категория «беженцы / вынужденные переселенцы» в общей тональности новостных сообщений представлена в следующем оценочном фокусе: положительная тональность – 56,5%, отрицательная тональность – 8,0%, нейтральная тональность – 35,5%. Общий образ беженцев / вынужденных переселенцев: положительный образ – 96,6%, отрицательный образ – 3,4%. Качественная репрезентация общей тональности новости в отношении иностранных студентов была определена в следующих числовых единицах: положительная тональность – 14,3%, отрицательная тональность – 64,3%, нейтральная тональность – 21,4%. Общий образ иностранного студента: положительный образ – 35,7%, отрицательный образ – 64,3%. Тональность новостных сообщений в отношении иностранных туристов в СМИ представлена: положительная тональность – 28,6%, отрицательная тональность – 42,9%, нейтраль-

ная тональность – 28,6%. Общий образ иностранного туриста: положительный образ – 42,9%, отрицательный образ – 57,1%. Без указания принадлежности мигранта к той или иной социальной группы валидный процент новостной повестки был зафиксирован: положительная тональность – 17,5%, отрицательная тональность – 74,0%, нейтральная тональность – 8,6%. Общий образ «без указания принадлежности мигранта»: положительный образ – 25,7%, отрицательный образ – 74,3%. Общая тональность новостей в отношении «нелегальных мигрантов» варьируется в процентном соотношении: положительная тональность – 0%, отрицательная тональность – 97,0%, нейтральная тональность – 3,0%. Общий образ нелегального мигранта: положительный образ – 3,0%, отрицательный образ – 97,0%. Валидный процент предметно отражает полное отсутствие положительной тональности (0%) в контексте восприятия когорты нелегальных мигрантов, в то время как отрицательная тональность составляет почти 100%. Категоризация тональности новостных сообщений в отношении когорты нелегальных мигрантов представлена в репрезентации определенного ценностного конфликта между принимающим обществом и мигрантами: описание примеров деструктивного поведения нелегальных мигрантов и проявление агрессии – 60,6%, описание примеров незаконных действий представителей принимающей стороны по отношению к мигрантам – 27,3%, ограничения деятельности мигрантов (запрет на трудовую деятельность и т.д.) – 9,1%. В то время как в контексте категоризации тональности новостных сообщений нулевое процентное значение приобрели следующие смысловые доминанты: «описание примеров положительного поведения мигрантов», «описание культуры и традиций других национальностей», «информация о проведении культурных мероприятий», «описание примеров положительного поведения представителей принимающей стороны по отношению к мигрантам», «оказание господдержки мигрантам (субсидии,

выплаты и т.д.), размещение беженцев, помощь волонтеров и т.д.». Представленное процентное соотношение определяет импульс отчуждения и непринятия данной когорты населения местным сообществом. Такая настороженность в ракурсе социальной перцепции принимающего сообщества трактуется как сознательное олицетворение нелегальных мигрантов, как индивидов, действия которых направлены на разрушение социального порядка и норм.

Во многих публикациях делается акцент на недовольстве местного населения текущей миграционной обстановкой, на росте межэтнических противоречий и нежелании мигрантов адаптироваться ввиду культурно-религиозных противоречий. Со стороны мигрантов, напротив, все чаще встречаются ментальные разочарования в контексте их восприятия и принятия местным сообществом, а также повседневных моделей поведения местного общества, направленных в их адрес. Градус отчуждения и фреймирования нелегальных мигрантов в региональных СМИ объясняется недостаточной политикой, со стороны государства, в области разъяснения местному населению уязвимости данной категории населения. Ведь в причине нелегального пребывания зиждется определенная проблема (трудовая, финансовая, экологическая, психологическая, политическая, этносоциальная), с которой мигрант не всегда может справиться самостоятельно, и в ходе чего вынужден покинуть границы своего государства за поиском нового «билета в жизнь». Это могут быть проблемы, связанные с бедственным материальным положением людей, сложностями понимания необходимых правовых норм для получения гражданства или патента, административными барьерами и сопутствующими коррупционными деяниями уполномоченных лиц в миграционных службах, недостаточной информационной поддержкой в освещении проблем мигрантов в процессе пересечения территории, а также транспарентности СМИ в отношении публикации матери-

ала об автохтонных социальных нормах местного сообщества.

Обостренное негативное отношение к нелегальным мигрантам проявляется, в большей степени, в поле экономических отношений в связи с конкуренцией на рынке труда. Оценивая характерные мигрантам формы социального поведения, население Ростовской области такие экономические практики как «вывозят деньги из страны», «создают конкуренцию на рынке труда», «помогают исключительно экономике своей страны» воспринимают в негативной коннотации больше, чем практики в сфере повседневного бытового взаимодействия. Обостренное негативное отношение к мигрантам проявляется, в большей степени, в поле экономических отношений в связи с конкуренцией на рынке труда. Процессы активной миграции, характерные Ростовской области, вызывают чувство социальной несправедливости и социальной напряженности среди местного населения в связи с переделом собственности на рекреационные ресурсы в пользу других «игроков», при котором местные оказываются в уязвимом экономическом положении. Наиболее острое негативное восприятие мигрантов в связи с создаваемой ими конкуренцией на рынке труда характерно для городских жителей Ростовской области, субъективно оценивающих свое материальное положение как «плохое», а также граждан с низким уровнем доверия к людям.

Так, в региональных средствах массовой информации, когда новостная повестка направлена на информационный дискурс о нелегальных мигрантах, преобладает информация о криминальных происшествиях, связанных с ними. Преобладание негативного материала о мигрантах в СМИ способствует формированию определенных стереотипов общественного восприятия этой проблемы. Одним из стереотипов, распространенных в общественном сознании, является утверждение, что приезжие отнимают работу у местных жителей. Превалирующим негативным стереотипом является утверждение, что мигранты чаще

совершают преступления, чем местные жители. Также в общественном сознании утвердилось мнение, что приезжие не уважают автохтонные традиции.

Целесообразно отметить, что наличие подобной социальной стигматизации в отношении нелегальных мигрантов может привести к различным социальным рискам. Если принимающее сообщество останется также безучастным и не готовым к принятию мигрантов, то рискогенным фактором послужит многократное увеличение сепарации и отчуждения, что стагнирует процесс транзита мигрантов из категории «нелегальные» в категорию «легальные». В современных реалиях отчужденное отношение к нелегальным мигрантам со стороны принимающего сообщества послужит плацдармом для анклавизации, поскольку является средством их физического и культурного выживания. В то же время этнокультурная идентичность мигрантов, претендующих на одновременное проживание, меняется посредством стереотипных образов, находящихся в массовом сознании местных жителей. Анклавизация упрощает жизнь мигранта и сводит к минимуму его травмирующую связь с принимающим сообществом. Однако подобная изолированность жителей внутри анклава негативно сказывается на дальнейшие профессиональные возможности мигранта, так как полностью отсутствует доступ к образованию. В то же время анклавизация способствует вероятности перерастания анклава в «теневую субкультуру» с высоким уровнем коррупции, которая может полностью ограничить присутствие местных жителей страны на тех или иных территориях. И если принимающее общество рассматривать как «единый организм», то в случае дезадаптации мигрантов изменяется социокультурный портрет этого общества, что приводит к культурному конфликту. Эксперты по миграционным процессам считают, что проблема анклавизации в Ростовской области не стоит довольно остро, так как по официальным данным анклавов не отмечаются на карте города и проследить анклавоподобные поселения довольно сложно, так как в значи-

тельной мере они недоступны для «стороннего наблюдателя». Поэтому потенциальные анклавов исследуются только посредством слухов и стереотипов в региональных СМИ, которые настораживают принимающее сообщество.

В этой связи хотелось бы выделить вторую перспективу нелегальной миграции – несовершенство миграционного законодательства. На пути легализации мигранты встречают множество терний – отсутствие информации, отсутствие отлаженной системы легализации (отсутствие унифицированной системы требований к легализации, отсутствие унифицированной системы процедур легализации и т.д.), недостаток денежных средств и т.д. Третья перспектива нелегальной миграции связана с трансформацией пограничной инфраструктуры в сторону ее полноценности – расширение штата и снижение его коррупционности являются одним из средств контроля, управления, предотвращения роста нелегальной миграции [4; С. 90].

Если же рассмотреть сообщения на тему нелегальной миграции за 2020 год по индексу заметности, то в топе преимущественно находятся сообщения, в которых органы власти заявляют об острой нехватке рабочей силы в г. Ростов-на-Дону ввиду пандемии COVID-19 и плана освободить предприятия, которые пользуются услугами трудовых мигрантов от проверок, это, по мнению, парламентариев будет способствовать экономическому росту страны. Тональность публикаций носит преимущественно нейтральный характер, хотя в ряде сообщений четко прослеживается недовольство населения проводимой политикой в отношении трудовых мигрантов, но их количество незначительно и так же низко по индексу заметности. Проанализировав публикации в СМИ, можно сделать вывод, что на данный момент представители органов власти обеспокоены выходом из непростой экономической ситуации, возникшей в ходе пандемии, о чем свидетельствуют сообщения наиболее популярные в СМИ. Также представители власти рассматривают только лишь

зарубежных мигрантов в качестве оптимальной рабочей силы. Возможность привлечь россиян из других регионов для работы в г. Ростов-на-Дону не рассматривается по причинам экономической нецелесообразности.

Несмотря на это, стоит отметить и некоторые позитивные тенденции: после вышесказанных событий органы власти, более тщательно стали прорабатывать вопросы, касающиеся нелегальной миграции, проводились совещания целью которых являлись попытки найти наиболее оптимальный выход из сложившейся ситуации и снятия напряжения в обществе. По смысловым доминантам публикации можно объединить в следующие группы (по убыванию количества сообщений): бизнес и общество, политика, строительство, религия, сельское хозяйство, промышленность, власть. Так же широко освещаются правительственные совещания, на которых обсуждаются варианты упрощения въезда трудовых мигрантов на территорию Российской Федерации. Политический эшелон власти систематически выступал с предложением упростить процедуру въезда и получения патента для трудовых мигрантов.

На основе имеющихся данных была зафиксирована динамика количества упоминаний о нелегальной миграции, трудовой миграции, низкоквалифицированной рабочей силе. По итогам изучения опубликованных текстов следует закономерный вывод: в Ростовской области данная тема является одной из наиболее обсуждаемых на сегодняшний день. Наблюдаются некоторые противоречия между настроениями в обществе и позицией власти в отношении миграции. С одной стороны, местные граждане недовольны существующей миграционной обстановкой, особенно отчетливо это видно в г. Ростов-на-Дону, а с другой стороны представители власти и бизнеса выступают за увеличение числа мигрантов так как использование их труда минимизирует финансовые издержки. Поэтому можно утверждать, что проблема миграции воспринимается в СМИ, в ценностно-смысловом из-

мерении, в первую очередь, как угроза социально – демографической и экономической ситуации в стране, а также ее социокультурным особенностям и национальной безопасности. В этом смысле подтверждается теория У. Липпмана, представленная в методологическом разделе исследования, а именно тезис о том, что масс-медиа создают некий художественный мир, порой отличный от реальности. Парадокс СМИ все чаще показывает расхождение коммуникативной реальности с «настоящей». Медиапространство систематизирует изменчивость жизни, действует как референция, создавая определенные образы, которые легитимируют социальные практики и выстраивают отношение к ним. А также, выполняют функцию репрезентации, то есть воспроизводят и оформляют сознание устоявшихся социальных групп. Полученную информацию из СМИ индивид не может проверить на факт достоверности, поэтому он вынужден либо доверять фреймированной информации, предоставляемой СМИ, либо ограничить свой доверительный барьер к ней.

Необходимо качественно видоизменить новостную повестку в СМИ, ограничить транслирование контента о деструктивных проступках и девиационных интенциях мигрантов. Важно, чтобы мигранты не чувствовали себя «чужаками», а для этого необходимо проводить систематическую информационную работу с местным населением, которое сегодня все еще можно именовать как «не принимающее». Необходимо направить фокус внимания на освещение позитивных примеров трудовой деятельности мигрантов. Это поспособствует изменению восприятия местного населения в отношении нелегальных мигрантов, направив их социальную перцепцию на акцентуацию их положительных поступков и созидательных действий, служащих на благо функционирования человеческого общества.

Заключение

Так, внутри российского кейса были показаны некоторые проявления проблем, обусловленных нарастанием темпов

нелегальной миграции населения. Российское общество принимает мигрантов в качестве рабочей силы, но при этом оценивает их как нечто угрожающее общественной безопасности. Таким образом, исследовательская работа содержит оценку причин, тенденций, последствий и перспектив нелегальной миграции населения.

Превалирующий в настоящее время подход, основанный на постулате национальной безопасности, а по сути сводящей к борьбе с нелегальной миграцией силовыми методами, должен уступить место более взвешенному и экономически обоснованному подходу, базирующемуся на просчитанной экономической потребности в мигрантах и создании адекватных правовых каналов для легализации как временных, так и постоянных мигрантов. Подход, с точки зрения прав человека, также должен найти адекватные институциональные формы и реально обеспечивать мигрантам правовое пространство, ограничение коррупционных каналов и произвол властей и работодателей [5; С. 451].

Сегодня на российском рынке труда наблюдаются устойчивые неконтролируемые схемы привлечения мигрантов без получения патентов на право работы. В случае не продления патента появляются тенденции ухода мигрантов в «теневую занятость», что в дальнейшем приводит к ряду социальных рисков для общества, а также позволяет работодателям уклоняться от неуплаты налогов, способствует формированию коррупционных замкнутых пространств. Предпосылки лежат в основе существующих документов стратегического планирования Российской Федерации. Необходима взаимосвязь национальной, региональной политики, пространственного, межрегионального, демографического развития, составляющих целый комплекс, куда включены все основные вопросы, касающиеся миграции и адаптации.

Литература

1. Винокурова Е.И. Влияние нелегальной миграции на формирование типа социально-трудовых отношений

в России / Е.И. Винокурова // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества: материалы XX международной научно-практической конференции, Москва, 29–30 декабря 2015 года / Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований». – Москва: Научно-информационный издательский центр «Институт стратегических исследований», 2015. – С. 14–17. – EDN VKFOQD.

2. Иванова В.Д. Нелегальная миграция как причина формирования теневого сектора экономики / В.Д. Иванова // Актуальные проблемы экономической безопасности: Сборник статей Международной молодежной научно-практической конференции, Псков, 07–08 декабря 2016 года. – Псков: Псковский государственный университет, 2017. – С. 31–34. – EDN XQSRFJ.
3. Павлова Е.В. Теоретико-правовые проблемы регулирования нелегальной миграции как угрозы национальной безопасности Российской Федерации / Е.В. Павлова // Успехи современной науки и образования. – 2017. – Т. 5. – № 3. – С. 172–175. – EDN YJAOZ.
4. Полякова Н.В. К вопросу о понятиях «миграция» и «нелегальная миграция»: доктрина и законодательство / Н.В. Полякова // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. – 2016. – № 1(30). – С. 87–90. – EDN WWBNIX.
5. Чигирева М.А. Правовое регулирование миграции и нелегальной миграции / М.А. Чигирева, О.П. Копылова // Science Time. – 2017. – № 1(37). – С. 449–455. – EDN XVQITR.

ANALYSIS OF THE VALUE-SEMANTIC REPRESENTATION OF THE IMAGE OF AN ILLEGAL MIGRANT IN REGIONAL MEDIA: BASED ON THE RESULTS OF CONTENT ANALYSIS

Grinchenko E.A.
Southern Federal University

The key research issue of this article is to consider how the image of an illegal migrant is presented in the regional media in a value-semantic context. The object of this sociological research is the frequency of mentioning the category of illegal migrants contained in news reports posted by the main electronic information resources of the Rostov region. The subject of the study is the main characteristics of illegal migrants and their behavior, presented in the content of the main electronic information resources of the Rostov region. The hypothesis of the study is that among the categories of migrants, illegal and labor migrants are most often the objects of news reports. The prevailing tone for news reports about migrants and migration processes presented in the information space is a negative tone. The research method is content analysis of news reports about events related to illegal migrants and migration policy posted on the websites of the main information portals of the Rostov region.

Keywords: Illegal migrant, migration, migrant image, value-semantic perception; regional media, migration activity, information space, content analysis, tone of news reports, behavior of migrants, Rostov region.

References

1. Vinokurova E.I. (2015) The influence of illegal migration on the formation of the type of social and labor relations in Russia / E.I. Vinokurova // Problems and prospects of socio-economic reform of the modern state and society: materials of the XX International Scientific and Practical Conference, Moscow, December 29–30, 2015 / Scientific and Information Publishing Center "Institute for Strategic Studies". – Moscow: Scientific and Information Publishing Center "Institute for Strategic Studies". – Pp. 14–17.
2. Ivanova V.D. (2017) Illegal migration as a reason for the formation of the shadow sector of the economy / V.D. Ivanova // Actual problems of economic security: Collection of articles of the International Youth Scientific and Practical Conference, Pskov, 07–08 December 2016. – Pskov: Pskov State University. – Pp. 31–34.
3. Pavlova E.V. (2017) Theoretical and legal problems of regulation of illegal migration as a threat to the national security of the Russian Federation / E.V. Pavlova // Successes of modern science and education. – Vol. 5. – No. 3. – Pp. 172–175.
4. Polyakova N.V. (2016) On the question of the concepts of "migration" and "illegal migration": doctrine and legislation / N.V. Polyakova // Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – No. 1(30). – Pp. 87–90.
5. Chigireva M.A. (2017) Legal regulation of migration and illegal migration / M.A. Chigireva, O.P. Kopylova // Science Time. – No. 1(37). – Pp. 449–455.

Эмоциональное состояние студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности

Магранов Алексей Сергеевич,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социально-политических исследований Южного федерального университета; ведущий научный сотрудник Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
E-mail: alex_daredevil@mail.ru

В данной статье предпринята попытка проанализировать особенности эмоционального состояния представителей современного студенчества и выделить основные факторы, оказывающие на него влияние. Особое внимание уделяется изучению влияния социально-экономической ситуации в российском обществе на эмоциональный настрой молодых людей. Выделена зависимость эмоционального состояния от неопределенности ближайшего будущего у студентов. Также, рассмотрено эмоциональное состояние у молодых людей, отличающихся по уровню материального достатка, жилищных условий, семейному положению. Статья основана на результатах прикладного социологического исследования, в ходе которого было проведено анкетирование учащихся высших и средних специальных учебных заведений Ростовской области и Республики Крым.

Ключевые слова: Студенчество, молодежь, эмоциональное состояние, социально-экономическая ситуация, образ будущего.

Введение

Эмоциональное состояние студенческой молодежи, как особой социально-демографической группы, неизменно становится объектом изучения исследователей, представляющих различные области гуманитарного знания: психология, педагогика, социология. Эмоциональное состояние представляет собой один из главных факторов, оказывающих воздействие на жизнедеятельность человека, так как оно может привести как к повышению тонуса, так и к упадку жизненных сил. Общее эмоциональное состояние складывается из множества факторов, в том числе самочувствия, активности и настроения [10].

Анализ психоэмоционального состояния представителей студенческой молодежи, а также изучение показателей личностной и реактивной (ситуативной) тревожности у студентов вузов представлен в работах С.И. Филиппченко, Е.В. Балаксиной, Ж.А. Муратовой, Г.А. Соколова [13; 7; 11]. Также, отечественные исследователи обращаются к изучению воздействия физической активности и спорта на улучшение эмоционального состояния учащихся вузов [6; 1; 8].

Особую важность в последние годы приобретает проблематика эмоционального состояния молодежи в условиях социальной неопределенности, представляющей собой один из важнейших рискогенных факторов. Неопределенность образа будущего (как отдаленного, так и ближайшего) приводит к возрастанию тревожности, агрессии, апатии, депрессивному состоянию. Для студенческой молодежи это представляется особенно актуальным ввиду переходности их социального статуса: помимо окончания обучения, им предстоит строить собственную карьеру и создавать свою семью [12]. Большое количество работ посвящены изучению влияния пандемии коронавируса COVID-19

Статья подготовлена в рамках темы 122120200080-4 «Гражданская и этнокультурная идентичность молодежи: ценностные основания и детерминанты формирования в условиях неопределенности» (тема выполнена в рамках госзадания).

на эмоциональное состояние учащихся высших учебных заведений [4; 3; 12; 2]. Действительно, пандемия стала тем событием, которое не только подвергает риску здоровье и жизнь людей, но и создает неопределенность относительно личного будущего, особенно молодежи. Однако после окончания действия всех массовых ограничительных мер, направленных на борьбу с коронавирусом, появились новые «вызовы», создающие состояние социальной неопределенности. В феврале 2022 года началась специальная военная операция на Украине, ставшая событием, которое поделило жизнь россиян на «до» и «после». Непростая социально-экономическая ситуация в стране и страх перед угрозой войны не могли не сказаться на эмоциональном состоянии молодого поколения, и, в особенности студенчества. В связи с этим становится очевидной необходимость проведения исследований, направленных на изучение эмоционального состояния студенческой молодежи в условиях современного российского общества, а также основных факторов, оказывающих влияние на его формирование.

Методология исследования

Во второй половине 2022 года сотрудниками Южно-Российского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ЮФФ ФНИСЦ РАН) было реализовано прикладное социологическое исследование «Гражданская и национальная (этнокультурная) идентичность молодежи: ценностные основания и детерминанты формирования в условиях неопределенности». Основной целью данного исследовательского проекта была эмпирическая верификация ценностных оснований и детерминант формирования гражданской и этнокультурной идентичности молодежи поликультурных регионов. В рамках реализации исследования был проведен анкетный опрос студентов высших и средних специальных учебных заведений (самостоятельное заполнение анкеты исследования). Возраст респондентов: от 16 до 24 лет.

Тип выборки – многоступенчатая квотная. Общая выборочная совокупность составила 4575 человек (студенты вузов – 2521 чел., студенты суззов – 2054 чел.). Опрос проводился в вузах и суззах Ростовской области и Республики Крым. Помимо вопросов, направленных на изучение гражданской и этнокультурной идентичности студенчества, инструментарий исследования включал в себя блоки вопросов, посвященных жизненным ценностям, социальным условиям жизни и эмоциональному состоянию учащихся высших и средних специальных учебных заведений.

Основные результаты исследования

Каково же эмоциональное состояние современного российского студенчества? Согласно результатам проведенного исследования, более половины опрошенных не испытывают значительного стресса: 43,3% чувствуют себя спокойно и уравновешенно, а 18,2% ощущают позитивный эмоциональный подъем (рис. 1). Однако в заметной степени у студентов оказались выражены апатия и тревожность. Чувства агрессии, озлобленности и раздражение в сумме составили около 7%.

Полученные данные продемонстрировали, что представители студенческой молодежи весьма чувствительны к изменениям, происходящим в социальной сфере жизни российского общества. 31,8% указали, что в нашей стране за последнее время существенно возросло социальное напряжение; по мнению 23,1%, оно усилилось незначительно. Менее десятой части респондентов (8,5%) отмечают существенное снижение социального напряжения в России, а 16,2% считают, что оно уменьшилось лишь немного. Всего 4,8% не увидели никаких изменений уровня социального напряжения в стране – ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения. При этом, ощущение сильного возрастания социальной напряженности в обществе оказывает весьма заметное воздействие на эмоциональное состояние молодежи. Среди респондентов, у которых

в заметной степени представлены такие чувства как тревожность, раздражение, озлобленность, около половины

указали на существенное возрастание социального напряжения в современном российском обществе (табл. 1).

Рис. 1. Эмоциональное повседневное состояние студентов, в %

Таблица 1. Корреляция оценок изменения уровня социальной напряженности и эмоционального состояния молодежи (в %)

Уровень социальной напряженности в России в целом	Ощущаю позитивный эмоциональный подъем	Чувствую себя спокойно, уравновешенно	Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	Ощущаю тревогу	Чувствую раздражение	Ощущаю чувство озлобленности	Ощущаю чувство агрессии
Существенно снизилось	20,1	5,8	5,1	4,3	10,4	7	16,3
Немного снизилось	16,7	18,2	15,9	11,4	11	19,3	13,5
Немного возросло	19,5	26,6	24,6	21,4	14,7	10,5	8,7
Существенно возросло	20,9	27,3	36	48,6	47,2	49,1	26,9
Ситуация такая же, как и была раньше	5,3	5,3	4,9	3,3	2,5	1,8	4,8
Затрудняюсь ответить	17,5	16,7	13,6	11	14,1	12,3	29,8

Кроме того, как показали результаты исследования, у студенчества не единого и четкого представления о том, что ждет нашу страну в ближайшие 2–3 года. Около трети респондентов (35,6%) надеются на лучшее и полагают, что в ближайшем будущем социально-экономическая ситуация в России улучшится. Стоит заметить, что 27% затруднились ответить на этот вопрос и не смогли высказать какого-либо

предположения. 16,6% студентов считают, что ситуация в стране в обозримом будущем останется неизменной. Каждый пятый респондент (20,7%) готовится к худшему варианту развития событий. При этом, как видно из данных, полученных в ходе корреляционного анализа (табл. 2), большинство студентов, испытывающих эмоциональный подъем (61,5%), верят в улучшение ситуации в стране. А вот на ухудшение ситуации

указывали, в основном, молодые люди, чувствующие озлобленность, раздра-

жение, агрессию, или же находящиеся в состоянии полной апатии.

Таблица 2. Корреляция мнений об изменении ситуации в стране в ближайшем будущем и эмоционального состояния молодежи (в %)

Как изменится ситуация в стране в ближайшие 2-3 года	Ощущаю позитивный эмоциональный подъем	Чувствую себя спокойно, уравновешенно	Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	Ощущаю тревогу	Чувствую раздражение	Ощущаю чувство озлобленности	Ощущаю чувство агрессии
Ситуация улучшится	61,5	39,9	18,3	20,3	16,6	10,5	17,3
Останется неизменной	12,5	16,3	23,5	14,3	18,4	31,6	13,5
Ситуация ухудшится	8,9	14	29,4	37,1	39,3	42,1	28,8
Затрудняюсь ответить	17,1	29,8	28,9	28,3	25,8	15,8	40,4

Стоит отметить, что эмоциональная окраска отношения студенческой молодежи за последние годы претерпела заметные изменения. Обратимся к сравнительному анализу с данными межрегионального социологического исследования «Противоречия и парадоксы социализации студенческой молодежи в условиях транзитивности современного российского общества», проведенного в 2016 году Центром социально-политических исследований Южного федерального университета. Согласно результатам этого исследовательского проекта, студенты российских вузов 6 лет назад сохраняли, преимущественно, позитивный настрой: 51,6% смотрели в будущее с надеждой и оптимизмом. Третья часть (32%) относились к будущему спокойно, но не питали особых надежд и иллюзий. Тревогу и неуверенность по отношению к грядущему ощущали 10%, а страх и отчаяние – 2,5%. Затруднились оценить свое настроение, с которым они смотрят в будущее, всего 3,8%, что говорит о высоком уровне уверенности в своих оценках [14, с. 296]. При этом результаты указанного исследования также зафиксировали прямую связь между эмоциональным настроением относительно своего будущего и оценками социально-экономической ситуации в стране [5, с. 73–74].

Рассмотрим более подробно влияние на эмоциональное состояние студенчества факторов, обусловленных событиями, происходящими в стране – прежде всего, со специальной военной операцией на Украине (табл. 3).

Как следует из данных корреляционного анализа, представители студенческой молодежи, считающие, что политика действующей власти ведет страну к кризису, в 2 раза больше испытывают тревогу и раздражение, а также практически не испытывают позитивных ощущений. Как видно из таблицы 3, отчасти это связано с ощущением вреда от санкций, и его возможностью в будущем. Однако зависимость эмоционального состояния от оценок правильности решения о начале СВО оказалась более явной. Это связано с тем, что представители молодого поколения опасаются развития худших сценариев, подразумевающих начало боевых действий на территории России. И это, безусловно, весьма негативно сказывается на эмоциональном состоянии студенчества.

Как показали результаты проведенного социологического исследования, на эмоциональное состояние студентов вузов и ссузов оказывают влияние и факторы, связанные с их социальным положением и статусами. Во-первых, огромное значение имеют материаль-

ные факторы: финансовое положение и жилищные условия (табл. 4). Среди представителей молодого поколения, живущих в достатке и хороших жилищных условиях, большинство чувствуют себя, по крайней мере, спокойно и уравновешенно (по 46,9%), или же находятся в позитивном эмоциональном состоянии (28,4% и 23,3% соответственно). А вот студенты, находящиеся в бедственном материальном положении, а также оценивающие свое жилье как плохое, оказались подвержены более тревоге и апатии. Действительно, отсутствие

необходимых материальных возможностей при столь нестабильной социально-экономической обстановке в обществе вызывает у них опасения относительно условий их жизни в будущем. Во-вторых, была зафиксирована и зависимость эмоционального состояния и физического здоровья молодых людей. Однако здесь можно говорить о двусторонней взаимосвязи: как плохое самочувствие может выступать причиной эмоционального спада, так и нахождение в состоянии тревоги, вызванное внешними факторами, может сказываться на физическом здоровье.

Таблица 3. Влияние оценок событий, происходящих в стране на эмоциональное состояние молодежи (в %)

Эмоциональное состояние молодежи	Оценка действий власти		Оценка вреда санкций		Оценка правильности решения о СВО	
	Действующая власть ведет Россию по пути развития	Политика действующей власти ведет Россию к кризису	Санкции со стороны западных стран окажут на Россию весьма негативное влияние	Санкции со стороны западных стран не принесут экономике России заметного вреда	Начало специальной военной операции на Украине было единственно верным решением	Начало специальной военной операции на Украине было необдуманным и ненужным решением
Ощущаю позитивный эмоциональный подъем	20,7	8,9	18,8	17,6	19,7	11,8
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	47,4	27,8	38	49,1	46,8	30,7
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	14,2	23,5	16,5	14,6	14,9	21,4
Ощущаю тревогу	12,6	26,7	18,8	12,7	13,4	24,1
Чувствую раздражение	2,5	5,3	4	3,1	2,5	5,3
Ощущаю чувство озлобленности	0,7	3	1,7	0,8	0,9	2,5
Ощущаю чувство агрессии	1,8	5	2,3	2,2	2	4,3

Находят свое отражение на эмоциональном состоянии студенческой молодежи и их взаимоотношения внутри семьи. Половина студентов, отметивших, что у них есть проблемы в семье, находятся в состоянии апатии (26,8%) или тревожности (24%). Особенно настораживает, что проблемы во взаимоотношениях с родными выступают фактором,

наиболее сильно пробуждающим чувство агрессии у представителей студенчества – 17,3%. Также, согласно полученным данным, для поддержания позитивного эмоционального настроения молодым людям необходимо иметь полноценную возможность проведения повседневного досуга. Помимо этого, у заметного числа опрошенных вызывает тревогу тот

факт, что в условиях неопределенности находится под вопросом и их будущее как специалистов, и они не смогут реализоваться в профессии.

Таблица 4. Корреляция оценок своего социального положения и эмоционального состояния молодежи (в %)

Эмоциональное состояние	Материальное положение			Состояние здоровья			Жилищные условия		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Ощущаю позитивный эмоциональный подъем	28,4	11,8	8,2	26,5	10,1	11,3	23,3	9,8	9,1
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	46,9	44,4	23,8	50,1	40,7	13,4	46,9	39,9	20,1
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	10,1	17,7	27	9,4	20,6	26,6	11,6	22	23,3
Ощущаю тревогу	9,5	19,2	25,1	9,1	21	29,9	12,7	20,5	25,1
Чувствую раздражение	2,9	4	4,1	2,9	4,2	4,2	3,3	3,9	4,6
Ощущаю чувство озлобленности	0,5	1,2	4,1	0,9	1,3	3,6	0,9	1,5	4,1
Ощущаю чувство агрессии	1,7	1,6	7,8	1,2	2	11	1,3	2,5	13,7
Эмоциональное состояние	Отношения в семье			Возможности проведения повседневного досуга			Возможность реализоваться в профессии		
	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо
Ощущаю позитивный эмоциональный подъем	21,2	9,3	7,8	25,3	9,5	10,2	26,1	10,9	9,5
Чувствую себя спокойно, уравновешенно	48	31,7	15,1	48,1	40,7	18,7	48,9	42,4	17,1
Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	12,1	25,8	26,8	10,2	21,7	24,3	10	19,4	27,9
Ощущаю тревогу	13,8	21,7	24	11,7	20	26,2	10,7	19,2	28,1
Чувствую раздражение	2,9	5,8	5	2,3	5,1	4,9	2,1	4,9	5
Ощущаю чувство озлобленности	0,8	2,3	3,9	0,8	1,1	5,2	0,8	1,4	3,3
Ощущаю чувство агрессии	1,2	3,5	17,3	1,5	1,9	10,5	1,5	1,8	9

Можно добавить, что есть некоторая специфика влияния семьи и жилищных условий на эмоциональное состояние со-

временного российского студенчества. Так, наибольшая тревожность характерна для молодых людей, живущих в об-

щежитии (18,8%); наивысший позитивный эмоциональный подъем ощущают студенты, проживающие в собственной квартире (27%), что вполне объясняется их удовлетворением собственной самостоятельностью и независимостью. Ощущение спокойствия несколько чаще остальных (45,1%) испытывают представители молодого поколения, живущие вместе с родителями. Действительно, в условиях неопределенности, в ситуациях, когда от человека требуется усилие, чтобы преодолеть обстоятельства близкие люди и родственные отношения все еще остаются опорой для взрослого [9]. Также, было зафиксировано, что семейное положение оказывает, в некоторой степени, противоречивое воздействие на эмоциональное состояние. Наиболее спокойными и уравновешенными оказались холостые учащиеся вузов и ссузов, – 45,2%. Однако самый большой позитивный эмоциональный подъем характерен для представителей студенчества, которые уже успели создать собственную семью (26,9%), и завести детей (23%). Но, в то же время, для женатых / замужних учащихся оказалось более характерно чувство тревоги (18,1%), а те молодые люди, в чьих семьях уже появились дети, чаще остальных испытывают озлобленность (6,6%) и агрессию (11,2%). Вероятнее всего, это можно объяснить тем, что наличие собственной семьи (особенно если в ней есть дети) налагает огромную ответственность, причем не только за себя, нести которую в условиях социальной неопределенности – весьма непросто, в том числе и морально.

Выводы

Таким образом, результаты проведенного социологического исследования показали, что представители современного российского студенчества, находясь под влиянием социальной неопределенности, в целом, сохраняют спокойствие. Однако, в совокупности, треть опрошенных испытывают чувство тревоги, или испытывают состояние апатии, полного безразличия к происходящему. Огромное воздействие на формирование эмо-

ционального состояния молодежи оказывает, как непосредственно социально-экономическая ситуация в стране, так и неопределенность ближайшего будущего, вызванная ей.

При этом представители современного студенчества, опасаясь не столько последствий экономических санкций, введенных против России странами Запада, сколько реализации худших сценариев, развития дальнейших событий, подразумевающих начало боевых действий на территории Российской Федерации. Иными словами, один из главных страхов, обуславливающий неопределенность будущего для молодых людей, это страх войны.

Помимо этого, достаточно значимыми факторами формирования эмоционального состояния оказались материальное положение, жилищные условия, состояние здоровья и отношения в семье. Вдобавок, достаточно заметным оказался уровень не только тревожности, но и озлобленности среди студентов, успевших вступить в брачный союз и завести детей. Что обусловлено осознанием ими всей трудности исполнить свою ответственность перед семьей в столь нестабильных социальных условиях. Можно отметить, что именно «бедствующие» и «семейные» молодые люди представляют собой определенные «группы риска», наиболее уязвимые перед масштабными трансформациями в социальной сфере общества. Именно они должны, в первую очередь, попадать в поле зрения при разработке целевых мер государственной поддержки.

Литература

1. Илюшин О.В., Абзалова С.В., Шайхиев Р.Р., Никитин А.С. Влияние физической культуры на эмоциональное состояние студентов // Перспективы науки. 2021. № 12 (147). – С. 191–194.
2. Кононов А.Н. Тревога о будущем в условиях пандемии коронавируса: исследование методом контент-анализа // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологиче-

- ские науки. 2020. № 3. С. 18–28. DOI: 10.18384/2310–7235–2020–3–18–28.
3. Корецкая И.А., Васякин Б.С., Кая А.А. Эмоциональное состояние студентов в период пандемии COVID-19 в странах с разными ограничительными мерами // Казанский педагогический журнал. № 3 (146). 2021. С. 172–177.
 4. Куликова Т.И. Психоземotionalное состояние студентов во время перехода на дистанционное обучение в первую волну самоизоляции // Педагогический ИМИДЖ. 2020. Т. 15. № 1(50). С. 112–122. DOI: 10.32343/2409–5052–2021–15–1–112–122.
 5. Магранов А.С., Деточенко Л.С. Социально-экономическая ситуация в России: мнения и оценки современного студенчества // Власть. 2017. Том 25. № 10. С. 72–82.
 6. Мифтахов А.Р. Влияние физической активности на психическое состояние обучающихся вузов // Вопросы педагогики. 2022. № 3–2. С. 154–155.
 7. Муратова Ж.А. Анализ эмоционального состояния студентов // Студенческий спорт: состояние и перспективы развития: сб. мат-лов II Региональной науч.-практ. конф. / Под ред. Н.В. Пешковой, Ж.И. Бушевой, Н.М. Ахтемзяновой. – Сургут: СурГУ, 2019. С. 43–47.
 8. Постольник Ю.А., Бубенцова Ю.А., Кашенков Ю.Б. Изменение эмоционального состояния студентов на основе модернизации процесса физического воспитания в высшем учебном заведении // Евразийский Союз Ученых (ЕСУ). 2020. № 2(71). С. 26–29.
 9. Потапова Ю.В. Влияние психологической сепарации от родителей на эмоциональное состояние студентов в период адаптации к самостоятельному проживанию // Человек и общество в нестабильном мире: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Омск, 3 марта 2017 г.) / отв. ред. Г.И. Тюменцева. – Омск: Омская юридическая академия, 2017. С. 83–87.
 10. Соколов А.Д., Рыспекова Ш.О., Жумакова Т.А., Артыкбаева У.С., Ерлан А.Е., Жунистаев Д.Д., Хасенова К.Х., Джусипбекова Б.А., Алпысбаева К.К. Изменения эмоционального состояния студентов в ходе учебного процесса // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 3–4. С. 556–559.
 11. Соколов Г.А. Оптимизация психоземotionalного состояния студентов в период сессии // Психолог. 2015. № 1. С. 28–43. DOI: 10.7256/2409–8701.2015.1.13888. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13888 (дата обращения: 16.12.2022).
 12. Тихомирова Е.В., Самохвалова А.Г., Вишневецкая О.Н. Психологическое благополучие студентов в условиях высокой неопределенности будущего // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 4(121). С. 88–96. DOI 10.20323/1813–145X-2021–4–121–88–96.
 13. Филиппченкова С.И., Балакшина Е.В. Особенности психоземotionalного состояния студентов технического вуза: векторы исследования // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2022. № 1 (28). С. 70–74. DOI: 10.46573/2409–1391–2022–1–70–74.
 14. Филоненко В.И., Штомпель Л.А., Штомпель О.М., Магранов А.С. Культурные установки и стратегии поведения современного российского студенчества (по материалам межрегионального социологического исследования): научная монография / под общей редакцией В.И. Филоненко. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 304 с.

EMOTIONAL STATE OF STUDENTS IN CONDITIONS OF SOCIAL UNCERTAINTY

Magranov A.S.
Southern Federal University

This article attempts to analyze the features of the emotional state of representatives of modern students and identify the main factors influencing it. Special attention is paid to the study of the impact of the socio-economic situation in Russian society on the emotional mood of young people. The dependence of the emotional state on the uncertainty of the near future among students is highlighted. Also, the emotional state of young people who differ in terms of material wealth, housing conditions, marital status is considered. The article is based on the results of applied sociological study, during which a survey was conducted of students of higher and secondary specialized educational institutions of the Rostov region and the Republic of Crimea.

Keywords: Students, youth, emotional state, socio-economic situation, image of the future.

References

- Ilyushin O.V., Abzalova S.V., Shaykhiev R.R., Nikitin A.S. The influence of physical education on the emotional state of students // *Science prospects*. 2021. No.12 (147). pp. 191–194.
- Kononov A.N. Anxiety about the future in the context of a coronavirus pandemic: a content analysis study // *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2020. No. 3. pp. 18–28. DOI: 10.18384/2310–7235–2020–3–18–28
- Koretskaya I., Vasyakin B., Kaya A. The emotional state of students during the COVID-19 pandemic in countries with different restrictive measures // *Kazan Pedagogical Journal*. 2021. No.3 (146). pp. 172–177.
- Kulikova T.I. Psycho-Emotional State of Students in the Context of Distance Learning in the First Wave of Self-Isolation // *Pedagogical IMAGE*. 2020. Vol. 15. No.1(50). pp.112–122. DOI: 10.32343/2409–5052–2021–15–1–112–122.
- Magranov A.S., Detochenko L.S. Social and Economic Situation in Russia: Modern Students' Opinions and Estimates // *Vlast' (The Authority)*. 2017. Vol. 25. No. 10. pp. 72–82.
- Miftahov A.R. The influence of physical activity on the mental state of university students // *Questions of Pedagogy*. 2022. No.3–2. pp. 154–155.
- Muratova Zh.A. Analysis of the emotional state of students // *Student sport: state and prospects of development: collection of materials of the II Regional Scientific and Practical Conference / Edited by N.V. Peshkova, Zh.I. Busheva, N.M. Akhtemzyanova*. – Surgut: SurgU, 2019. pp. 43–47.
- Postol'nik Ju.A., Bubencova Ju.A., Kashenkov Ju. Changing the emotional state of students based on modernization of the process of physical education in higher education the establishment // *Eurasian Union of Scientists*. 2020. No. 2(71). pp. 26–29.
- Potapova Ju.V. The influence of psychological separation from parents on the emotional state of students during the period of adaptation to independent living // *Man and society in an unstable world: Materials of the All-Russian Scientific and practical conference with international participation (Omsk, March 3, 2017) / ed. by G.I. Tyumentsev*. – Omsk: Omsk Law Academy. 2017. pp. 83–87.
- Sokolov A.D., Ryspekova S.O., Zhumakova T.A., Artykbaeva U.S., Yerlan A.E., Zhunistaev D.D., Hasenova K.H., Dzhushipbekova B.A., Alpycbaeva K.K. Change of emotional condition of students in the educational process // *International journal of applied and fundamental research*. 2016. No. 3–4. pp. 556–559.
- Sokolov G.A. Improvement of Psychoemotional State of Students During Exams // *Psychologist*. 2015. No. 1. pp. 28–43. DOI: 10.7256/2409–8701.2015.1.13888. – URL: https://en.nbpublish.com/library_read_article.php?id=13888 (date of application: 16.12.2022).
- Tikhomirova E.V., Samokhvalova A.G., Vishnevskaya O.N. Psychological well-being of students in conditions of high uncertainty of the future // *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2021. No. 4(121). pp. 88–96. DOI 10.20323/1813–145X-2021–4–121–88–96.
- Filippchenkova S.I., Balakshina E.V. Study of specifics of structural components of socio-psychological climate in the student community // *Vestnik of Tver State Technical University. Series «Social Sciences and Humanities»*. 2022. No.1 (28). pp. 70–74. DOI: 10.46573/2409–1391–2022–1–70–74.
- Filonenko V.I., Shtompel L.A., Shtompel O.M., Magranov A.S. Cultural attitudes and strategies of behavior of modern Russian students (based on materials of interregional sociological research): scientific monograph / edited by V.I. Filonenko. – Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 2017. 304 p.

Распространение слухов в Бангладеше: анализ источников и причин возникновения

Хоссаин Барек,

кандидат наук, соискатель, Российский университет дружбы народов
E-mail: barek.kaiser@gmail.com

Музыкант Валерий Леонидович,

д.т.н., профессор, Российский университет дружбы народов
E-mail: vmouzyka@mail.ru

Нахидуззаман Мд,

магистрант, Российский университет дружбы народов
E-mail: nahiduzzamantusher@gmail.com

История Бангладеш не лишена слухов. Хорошо известный слух был причиной первоначального и наиболее заметного антибританского сопротивления на Индийском субконтиненте. Совсем недавно в Бангладеш произошли различные эпизоды, когда сплетни о злобе и шаткости распространялись путем злоупотребления сетевыми развлечениями. Когда ситуация неопределенна, люди встревожены и не могут найти истину, слухи распространялись быстро. В 1991 году афроамериканскому сообществу сообщили, что употребление газировки делает чернокожих бесплодными. Инцидент в Шапла Чаттар в Дакке 5 мая 2013 года продолжает оставаться предметом слухов. Несмотря на сообщение Кадира Каллола от BBC Bangla о том, что он видел пять тел, различные источники утверждали, что было убито около двух с половиной тысяч человек. Боевики-психологи из BNP, Jamaat и Shibir распространяли сообщения о том, что власти коварно повесили Сайеди. Богра, Раджшахи, Наторе, Джойпурхат, Джхенаида, Сатхир и Читтагонг были среди 34 районов, о которых распространялись слухи.

Только в Богре было убито одиннадцать человек. Индуистские храмы и дома в Насирнагаре, Индия, подверглись вандализму из-за слухов о том, что якобы исламофобная фотография была опубликована в Facebook. Расрадх Дас, индуистский юноша из Харипура, якобы подвергся нападению разгневанной толпы за то, что приклеил изображение Шивы к мусульманской Каабе. Биллоб Чандра сообщил полицейскому участку Бурхануддина в общем дневнике (GD), что его идентификатор Facebook был взломан. Пользователи Facebook поделились скриншотом этого сообщения Messenger. Несколько человек получили ранения, пятеро погибли в результате столкновений

между полицией и толпой. Слухи о том, что для изготовления Padma Scaffold требуются человеческие головы, снова всплыли на Walk 2019.

Facebook был отмечен такими сфабрикованными заявлениями группы. В интернете распространились изображения крови того времени, и люди используют их, чтобы скрыть первоначальную информацию. Сплетни об угоне распространяются, как ветерок в парусе: Сухие вещи становятся свежими, крепнут или посыпают солью порезанную рану. Подозрение в похищении людей ухудшает правопорядок. Беспочвенную панику вызвали слухи о похищении людей разного возраста в нескольких местах вблизи строительной площадки моста Падма. Правоохранительные органы в районе не сообщили ни о каких похищениях. В Бангладеш сообщения о человеческих жертвах при строительстве мостов или других важных сооружений не новы. Слухи были распространены в Facebook, но правительство не предприняло никаких юридических действий. Те, кто сознательно распространяют слухи в политических, религиозных или других целях, делают это со знанием дела. Вся нация испытает хаос, если хотя бы один слух станет эпидемией. В этой статье используется метод анализа вторичных данных, при котором статьи, отчеты, онлайн-источники и документы пытаются объяснить слухи в Бангладеш.

Ключевые слова: слухи, Бангладеш, общественное насилие, социальные медиа, Интернет.

Introduction

Rumors are nothing new in the history of Bangladesh. It is believed that the most prominent and first anti-British resistance in the Indian sub-continent, also known as the historic "Sepoy Revolution 1857" or First War of Independence had occurred due to a well-known rumor (1). According to historical sources, the direct cause of the revolution was the introduction of fat-mixed cartridges in the rifle. The cartridge had to be cut with teeth beforehand use. The rumor was that the British government was conspiring to destroy the religion of both the Hindu and the Muslim communities by introducing cartridges mixed with cow and pig fat in the rifle. This rumor started the revolt (2). However, with the advancement of technology in the last few decades, social media has taken an important place in communication. It allows information to spread quickly from one end of the world to the other. Not only information but also rumors are spread through social media. In the last decade, there have been numerous incidents in Bangladesh where rumors of violence and instability have been spread by misusing social media. Nowadays, almost everyone says that Facebook has become a powerful platform for rumors, and rumors seem to be more viral on Facebook than facts (3). Due to these rumors, many incidents are happening in Bangladesh. The same tools that empower people also give them extraordinary power to create chaos, confusion, and insecurity. Platforms such as these have increasingly become a hub of misinformation, disinformation, conspiracy theories, rumors, hate speech, and so on.

What is Rumor?

Before we talk about rumors, we need to know what the rumors are. Psychologist's belief that Rumors are spread quickly when the situation is going uncertain, anxiety surrounds the people, and peoples are deprived of finding the truth (4). However, human attitude and mentality play a role in listening to rumors. In 1991, a rumor was spread among the Afro-American community about a soft drink called *Tropical Fantasy Soda Pop*. As soon as it came into the market,

rumors spread that black people would become infertile by drinking this soda. Due to this rumor, the sales of that drink decreased by 70%. Angry mob even attacked the trucks that were carrying soda several times (5).

Sociologists Nicholas Defonzo and Prashant Bordia define rumor as having four characteristics.

1. It is not a public opinion but a statement of information. See in the above incident that blacks will be barren- this is a kind of statement.

2. Must be public. In other words, if someone did not preach that drinking causes infertility, then it would not be a rumor.

3. Information obtained from uncertain sources, that is, which cannot be verified or sorted. For example, the above incident has spread by word of mouth. No one knows who said it first.

4. Rumors will be such that there is an answer to what people want to know. That is what is called 'Instrumental Relevant' in English. People will think this information is essential. Because this information is related to his life, it has relevance. For example, many people believe that eating much food reduces a man's sexual ability (6).

Joseph Goebbels was the Information Minister of Hitler's Nazi government during World War II. He has become infamous in history for his ability to spread rumors. His famous saying is, "If you tell the same lie repeatedly, it turns into truth." Moreover, he was able to propagate all such lies against the Jews. After hearing his lies for six long years, the anti-Nazis became anti-Semitic. Because of the information that Goebbels spread, even the neutral Germans assumed that to be patriotic and politically neutral, one had to be anti-Semitic (7).

If we look at the types of rumors on social media, then it is divided seven types. The top seven topics in social media rumors are politics, health & education, crime & human rights, religion, political, entertainment, and others. Additionally, the mainstream and online media are the two primary sources of rumors on social media, with the three outcomes being positive, adverse, and unknown. Some of the study's significant findings are as follows: The bulk of rumors on social media are negative and come from

online sources, with social media itself serving as the primary online source. Most rumors are political, yet they are losing ground to religious rumors regarding share.

Rumors in Bangladesh

From time to time, various rumors have spread in Bangladesh. Many people have lost their lives due to this rumor. Communal violence has also occurred at various times. Political various groups have also tried to take advantage of this by spreading rumors. However, the government and various agencies have taken the necessary measures to prevent various rumors. Notable rumors in Bangladesh are Ramu Buddhist Temple Rumors (2012), Shapla Chattar Rumors (2013), Nasirnagar Violence in Brahmanbaria (2017) and communal violence in Comilla (2020). These rumors create a lot of tension to the people and many innocent people die due to the false news or rumors.

Ramu Violence Due to Rumors

On 29th September 2012, a rumor was spread that a young Buddhist named Uttam Barua from Haitupi village in Ramu had posted pictures insulting Islam, Quran, and Prophet on his Facebook account. However, the image later posted on Facebook proved to be made through Photoshop. The extremists launched a barbaric attack on the Buddhist community around 12:30 pm on 29th September based on this rumor. The most affected were Buddhist villages in Ramu Upazila. Twelve Buddhist monasteries and 26 dwelling houses were set on fire. The remnants of Ramu spread to Ukhia, Teknaf, and Patia areas of Chittagong. Attacks, looting, and vandalism were carried out in 6 more Buddhist monasteries and more than 100 houses. The next day, on the afternoon of 30th September, four more Buddhist monasteries were attacked in Ukhia and Teknaf. Archaeological remains in Bihar have been burnt for thousands of years. The victims complained that they did not get any help from the administration. They say Ramu Thana is half a kilometer away from the temple. But the police came to the spot after 3 pm. There was an army camp just 4 kilometers away. The administration did not seek the cooperation of the army.

Nineteen cases were filed in connection with the attack on a Buddhist village. The plaintiff in one of the cases filed at Ramu police station is Sudhanshu Baraya, and the plaintiff in the remaining 18 cases is the police. There were 365 accused named in these cases. The total number of accused in 6 cases at Ramu police station is 7,875. Although 111 of them had names and addresses, the police arrested 64. One hundred thirty-two people were detained as suspects. Although there were 5,624 accused in 6 cases of the Ukhia police station, 116 people were arrested. In 2 cases of Teknaf police station, 63 out of 653 accused were arrested, and in 2 cases of Cox's Bazar Sadar Model police station, 98 out of 1,030 accused were arrested. However, due to the lengthy trial process, everyone got out of jail step by step on bail. Uttam Baraya has been missing since the night of the attack. His family does not even know his whereabouts. Barristers Jyotirmoy Barua and Yunus Ali Akand had filed separate writ petitions in the High Court challenging the inaction of the police during the attacks on Ramu and Ukhia on October 2 and 3 (8).

Shapla Chattar rumors

Rumors about the incident at Shapla Chattar in Dhaka on 5th May 2013 continue to grow. Although BBC Bangla's Qadir Kallol reported seeing five bodies, various sources claimed that about two and a half thousand people had been killed. On that day, thousands of supporters of Hefazat-e-Islam, an organization based in Qaumi Madrasa, gathered at Shapla Chattar. They had a blockaded Dhaka that day as part of a campaign against several bloggers accused of insulting Islam. Supporters of Hefazat-e-Islam occupied the entrances of Dhaka from dawn. At one stage, thousands of madrasa students and teachers were stationed at Shapla Chattar in Dhaka. The scene that sparked the TV screens that day was the scene of arson and vandalism of various buildings in the vicinity of Baitul Mukarram Mosque from Shapla Chattar, Paltan Junction, to Baitul Mukarram Mosque.

On that day, Shapla Chattar was transformed into a battlefield. The whole Motijheel area seemed like a war-torn area by

the following day. Shapla Chattar was evacuated during the night in a joint operation of thousands of RAB and police BGB. Hundreds of Hefajat-e-Islam activists and supporters were seen leaving the area with their hands over their heads. Hundreds of rounds of bullets, sound grenades, tear gas, and flashes of light created a terrifying atmosphere that night. In contrast to Hefajat's allegation that 2,000 of its leaders and activists perished in the incident, the official death toll was just 13, which included three police officers. Hefajat was unable to substantiate its assertion with names and addresses. Nevertheless, on the night of 5th May, the number of people killed in the police raid on the Hifajat-e-Islam rally was high. There were various rumors. There were various types of Facebook posts throughout the night. However, reporters after the raid said they had not seen large-scale casualties. At that time, the news of genocide was at the peak in various news on Facebook. There were allegations of disappearing the body by truck, and with that, various pictures were spread on Facebook. Nevertheless, the acting Home Ministry said 26 people had been killed across the country in two days on May 5 and 6 (9).

Attack on Hindu community in Nasirnagar

Nasirnagar is about 30 km away from Brahmanbaria district headquarters. Speaking of 30th October 2017. The attack that took place there that day was also due to rumors. At least five Hindu temples and several houses were vandalized in Nasirnagar following rumors of an alleged Islamophobic photo being posted on Facebook. Moreover, in this incident, a person named Rasraj came to the fore. However, the incident started two days before the attack. Rasraj Das is a Hindu youth in a village called Haripur, about twelve kilometers from Nasirnagar. The villagers were outraged by the allegation of posting pictures from a Facebook profile in his name. It was alleged that Rasraj had attached a picture of the Hindu god Shiva to the Kaaba of the Muslims. The locals grabbed Rasraj Das, beat him up, and handed him over to the police on the same day. A case was filed against him the next

day, and he was also given a consignment. The matter did not stop there. On that day, several local Islamist groups called for a protest rally. Suddenly, angry mobs rallied and started attacking Hindu homes in Nasirnagar. At least 300 houses, temples, and idols of gods and goddesses were vandalized on the first day in eight Hindu neighborhoods. Rasraj's house was also vandalized. Following this incident, on 4th November, another attack was carried out on the Hindus of Nasirnagar. The late Chhayedul Haque, a local MP and the then Fisheries and Water Resources Minister of the government, was outraged by his alleged harsh remarks about Hindus. There are allegations of incitement of local Awami League leaders in this incident. Two and a half months after the incident, Rasraj was released on bail. He said that he did not know how to run Facebook when he came out. He has no idea what a password is. So many incidents surrounding this post were not found later. A total of eight cases were registered in connection with the attack in Nasirnagar. According to local police, only one of them has been charged. The intelligence department is investigating a case. Nasirnagar police are investigating the other six (10).

Communal violence in Comilla

Rumors of religious insults spread communal violence in the Comilla district for two consecutive years. The first incident occurred on 1st November 2020. Shankar Debnath, a teacher from Korbanpur village, and Anik Bhowmik, from Andikut village, commented on the caricature of the Prophet (PBUH) displayed in France from their Facebook IDs. When the matter came to the notice of the locals, tension was created in the area. Protests took place in the area on the night of 31st October. Police arrested the two men through mobile tracking for their alleged involvement in the incident. The next day, on 1st November, to calm the situation, the OC of Bangra Police Station of Muradnagar Upazila called a reconciliation rally at Korbanpur High School ground in the afternoon. Local Islamic leaders were present. From that rally, a group of people got up and attacked the house of Union Parishad Chairman Bankumar Shiva and

set it on fire. Another group went to Shankar Debnath's house and attacked the temple. Later, the fire service people brought the fire under control in the chairman's house. On that day, 8/10 houses were attacked and vandalized (11).

The following incident occurred on 13th October 2021, the eighth day of Durga Puja. Six temples and houses of the Hindu community in Comilla were attacked for allegedly desecrating the Holy Quran at a puja mandapa in Nanua Dighirpara. Following this incident, houses, temples, and mandapas of the Hindu community were attacked in several country districts, including Chandpur, Chittagong, Noakhali, Feni, and Pirganj in Rangpur. A total of 6 people were killed in these coordinated attacks (12). According to Bangladesh's Home Minister Asaduzzaman Khan Kamal, the Comilla event that led to widespread racial riots across the nation may have been the fault of a third party. According to the Dhaka Tribune, the minister said that a third party might have been involved in the violence that occurred in Bangladesh during the festivities of Durga Puja. "It seems to us that a vested group was behind it, and it was a motivated act."

Rumors are the reason for the recent trend of increasing devotion

In recent times in Bangladesh, rumors show signs of increasing people's devotion. What is the reason for this? There are currently more than 30 television channels in Bangladesh. There are also established newspapers. Yet why do people think social media information is more accurate than mass media? Analysts believe that a crisis of confidence in the mainstream media has been created. In several cases, including elections, people have seen distorted information in the media. As a result, people have lost faith in the media.

In many cases, the media has seemed biased. As a result, people's reliance on social media for easy access to information increases. When the government passed a sedition bill to suppress the independent media during the British rule, Rabindranath gave a speech in the town hall opposing it (13). He said rumors spread when news-

papers were barred from publishing information. Nobel laureate economist Amartya Sen has shown through research that there is less chance of famine where the media is independent. Recent research has shown that a huge ratio of the news on T.V. is biased or not reality; as shown in the news, that becomes a huge difference in people thinking, and they started believing more in social media news than the real channel news. Because on social media, the news circulates by ordinary people. Ordinary people accept the news of other common people because he thinks that there is no benefit of falseness in the news for the common people. Nevertheless, it has also shown that now common people also start spreading the rumors just for the publicity or the money, which is not a good thing to end the rumors spreading chapter. Because there has always been hurtful and polarizing stuff, social media undermines faith in democracy, erodes faith in established institutions, and encourages the adoption of ludicrous conspiracy theories. It also diminishes belief in science and medicine. However, no matter how far back in human history, you will still see the same prejudice, misinformation, and intentional falsehoods. There has been awful stuff, but it did not divide society the way it does now. The material has not changed, yet something has. Having devoted a significant portion to researching how software systems might increase human potential and intellect, it is evident that social media has the opposite effect. It weakens and distorts collective intellect and the capacity to make wise choices for the future. It accomplishes this by altering how people view the public realm. Therefore, it is essential to develop independent media and restore public confidence in the media to prevent rumors. The government has no choice but to take advantage of the situation if it is considered a way to find fault without fear of self-criticism (14).

Conclusion

The government has not taken any legal steps to spread rumors on Facebook. It can be said that Facebook is a new tool to spread rumors. We all have the education

and skills to use this modern information technology-based medium which is causing disasters. People should get an education for spreading the news on social media. As social media has become a vast platform for spreading information, individuals must correct all the rumors and stop if they find it will create a fuss. The solution to this problem is that a news checker facility should be on such a platform that helps filter the news and the rumors. It is running already in some places, but there is still a need in large quantity for the fact check so that innocent people do not kill other innocents just based on the rumor. Those who deliberately leave rumors for political, religious, or any other reason do so knowingly. They are still spreading rumors to spread religious tensions, create political unrest or create chaos in the society (15). And more often than not, ordinary Facebook users fall into the trap of spreading rumors without realizing it. Therefore, those who create rumors must be identified and brought under the law. In order to prevent rumors, we need to keep in mind that a true fact must be suppressed rather than spreading a hundred rumors. If even a single rumor spreads in the form of an epidemic, it will create chaos in the whole nation. There may be communal or sectarian riots. There have been many instances of such incidents in the recent past. I have not mentioned here yet that the nation has not forgotten those events.

Литература

1. Khan, A.R. (26th March, 2028). Roar Media. Mangal Pandey: The sepoy revolution started with the help of which. Retrieved From: <https://roar.media/bangla/main/biography/mangal-pandey-with-whom-started-the-sipahi-revolt>
2. Kobayashi-Hillary, M. (2004). Indian History and Religion. In Outsourcing to India (pp. 7–23). Springer, Berlin, Heidelberg. Retrieved From: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-662-09168-5_2
3. Paros, S.H. (15th October, 2017). Samakal. Rumors spread through social media. Retrieved From: <https://samakal.com/todays-print-edition/tp-last-page/article/17102872/%E0%A6%AF%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%9B%E0%A7%9C%E0%A6%BE%E0%A6%9B%E0%A7%9C%E0%A6%BF>
4. Faye, C. (6 April, 2020). Behavioral Scientist. Loose Lips: The Psychology of Rumor During Crisis. Retrieved From: <https://behavioralscientist.org/loose-lips-the-psychology-of-rumor-during-crisis-coronavirus/>
5. Curry, G. (14th May, 1991). Chicago Tribune. KLAN RUMOR NEARLY SINKS SODA BOTTLER. Retrieved From: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1991-05-14-9102120628-story.htm>
6. Difonzo, N. & Bordia, P. (2007). Rumor Psychology Social and Organizational Approaches (First edition). American Psychological Association (APA): Washington. P. (16–22).
7. Morshed, M.H. (25th June, 2018). Libretto. Paul Joseph Goebbels: The Minister of Propaganda. Retrieved From: <https://itibritto.com/amp/biography-of-paul-joseph-goebbels/>
8. Debnath, S. 26th October, 2021. Bhorer Kagoj. Ramu's wounds have not yet dried. Retrieved From: <https://www.bhorerkagoj.com/2021/10/26/%E0%A6%B0%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%81%E0%A6%B0-%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%B7%E0%A6%A4-%E0%A6%8F%E0%A6%96%E0%A6%A8%E0%A7%8B-%E0%A6%B6%E0%A7%81%E0%A6%95%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%A8%E0%A6%BF/>
9. Nazrul, A. (10th May, 2013). Prothom Alo. To stop the death march. Retrieved From: <https://www.prothomalo.com/opinion/%E0%A6%AE%E0%A7%83%E0%A6%A4%E0%A7%8D%E0%A6%AF%E0%A6%AC%E0%A6%A8%E0%A7%8D%E0%A6%A7-%E0%A6%95%E0%A6%B0%E0%A6%A4%E0%A7%87-%E0%A6%B9%E0%A6%B2-%E0%A7%87>
10. Bhikkhu, P. (5th November, 2016). Bdnews24. Rumors of blasphemy are

tools. Retrieved From: <https://opinion.bdnews24.com/bangla/archives/42556>

11. Rony, A. (23rd October, 2021). Bangla Tribune. All the communal attacks in the country are on the 'fake news' of Facebook. Retrieved From: <https://www.banglatribune.com/law-and-crimel/708780/%E0%A6%AB%E0%A7%87%E0%A6%B8%E0%A6%AC%E0%A7%81%E0%A6%95%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E2%80%98%E0%A6%AD%E0%A7%81%E0%A7%9F%E0%A6%BE-%E0%A6%96%E0%A6%AC%E0%A6%B0%E0%A7%87%E0%A6%87%E2%80%99-%E0%A6%A6%E0%A7%87%E0%A6%B6%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%B8%E0%A6%AC%E0%A6%B8%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%8D%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%A6%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%BF%E0%A6%95-%E0%A6%B9%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A6%B2%E0%A6%BE>
12. House, F. (2017). Freedom on the Net, Bangladesh. Retrieved From: <https://archive.nyu.edu/handle/2451/42377>
13. Debnath, S. (31st October, 2021). Bhorer Kagoj. For two consecutive years, communal violence has been raging in Comilla. Retrieved From: <https://www.bhorerkagoj.com/2021/10/31/%E0%A6%AA%E0%A6%B0%E0%A6%AA%E0%A6%B0-%E0%A6%A6%E0%A7%81%E0%A6%AC%E0%A6%9B%E0%A6%B0%E0%A6%87-%E0%A6%B8%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%8D%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%A6%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%BF%E0%A6%95/>
14. Shakil, M. (20th November, 2019). Channelonline. The Power of Rumors Rumors of Devotion. Retrieved From: <https://www.channelonline.com/%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%B6%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF-%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87-%E0%A6%AD%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF/>

SPREADING RUMORS IN BANGLADESH: AN ANALYSIS OF SOURCES AND CAUSES

Hossain Berek, Muzykant V.L., Nahiduzzaman Md.
Peoples' Friendship University of Russia

Bangladesh's history is not devoid of rumors. A well-known rumor was the cause of the initial and most prominent anti-British resistance in the Indian subcontinent. Somewhat recently, there have been various episodes in Bangladesh where gossipy tidbits about viciousness and shakiness have been spread by abusing web-based entertainment. When the situation is uncertain, people are anxious and unable to find the truth; rumors spread quickly. In 1991, the Afro-American community was told that drinking soda pop would make black people infertile. The incident at Shapla Chatter in Dhaka on May 5, 2013, continues to be the subject of rumors. Despite Qadir Kallol's report from the BBC Bangla that he saw five bodies, various sources claimed that approximately two and a half thousand people had been killed. Psychological militants from BNP, Jamaat, and Shibir spread reports that the public authority had subtly hanged Sayedee. Bogra, Rajshahi, Natore, Joypurhat, Jhenaidah, Satkhir, and Chittagong were among the 34 districts where rumors spread.

In Bogra alone, eleven people were killed. Hindu temples and homes in Nasirnagar, India, were vandalized due to rumors that an alleged Islamophobic photo had been shared on Facebook. Rasraj Das, a Hindu youth from Haripur, was allegedly attacked by angry crowds for gluing a Shiva image to the Muslims' Kaaba. Biplob Chandra informed the Burhanuddin police station in a general diary (GD) that his Facebook ID had been hacked. Facebook users shared a screenshot of that Messenger message. Several people were injured, and five were killed in clashes between police and crowds. Bits of hearsay that it will take human heads to fabricate Padma Scaffold surfaced again in Walk 2019.

Facebook has been tagged with such fabricated statements by a group. On the internet, pictures of the blood of the time have spread, and people are using them to conceal the original information. Bits of gossip about hijacking spread like a breeze in the sail: Dry Things become fresh, get stronger, or apply salt to a cut wound. The suspicion of kidnapping is deteriorating law and order. Rumors have caused unfounded panic that people of various ages are kidnapped in several locations near the Padma Bridge construction site. Law enforcement in the neighborhood did

not report any kidnappings. In Bangladesh, reports of human sacrifice during the construction of bridges or other significant structures are not new. Rumors have been disseminated on Facebook without the government taking any legal action. Those who knowingly spread rumors for political, religious, or other purposes do so with knowledge. The entire nation will experience chaos if even a single rumor becomes an epidemic. This article uses secondary data analysis method where articles, reports, online sources, and documents are tried to explain rumors in Bangladesh.

Keywords: Rumor, Bangladesh, communal violence, social media, Internet

References

1. Khan, A.R. (26th March, 2028). Roar Media. Mangal Pandey: The sepoy revolution started with the help of which. Retrieved From: <https://roar.media/bangla/main/biography/mangal-pandey-with-whom-started-the-sipahi-revolt>
2. Kobayashi-Hillary, M. (2004). Indian History and Religion. In Outsourcing to India (pp. 7–23). Springer, Berlin, Heidelberg. Retrieved From: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-662-09168-5_2
3. Paros, S.H. (15th October, 2017). Samakal. Rumors spread through social media. Retrieved From: <https://samakal.com/todays-print-edition/tp-last-page/article/17102872/%E0%A6%B8%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A6%BE%E0%A6%9C%E0%A6%B0%E0%A6%AC%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%9B%E0%A7%9C%E0%A6%BE%E0%A6%9B%E0%A7%9C%E0%A6%BF>
4. Faye, C. (6 April, 2020). Behavioral Scientist. Loose Lips: The Psychology of Rumor During Crisis. Retrieved From: <https://behavioralscientist.org/loose-lips-the-psychology-of-rumor-during-crisis-coronavirus/>
5. Curry, G. (14th May, 1991). Chicago Tribune. KLAN RUMOR NEARLY SINKS SODA BOTTLER. Retrieved From: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1991-05-14-9102120628-story.htm>
6. Difonzo, N. & Bordia, P. (2007). Rumor Psychology Social and Organizational Approaches (First edition). American Psychological Association (APA): Washington. P. (16–22).
7. Morshed, M.H. (25th June, 2018). Libretto. Paul Joseph Goebbels: The Minister of Propaganda. Retrieved From: [- itibritto.com/amp/biography-of-paul-joseph-goebbels/
 8. Debnath, S. 26th October, 2021. Bhorer Kagoj. Ramu’s wounds have not yet dried. Retrieved From: <https://www.bhorerkagoj.com/2021/10/26/%E0%A6%B0%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%81%E0%A6%B0-%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%B7%E0%A6%A4-%E0%A6%8F%E0%A6%96%E0%A6%A8%E0%A7%8B-%E0%A6%B6%E0%A7%81%E0%A6%95%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%A8%E0%A6%BF/>
 9. Nazrul, A. \(10th May, 2013\). Prothom Alo. To stop the death march. Retrieved From: <https://www.prothomalo.com/opinion/%E0%A6%AE%E0%A7%83%E0%A6%A4%E0%A7%8D%E0%A6%AF%E0%A7%81%E0%A6%B0-%E0%A6%AE%E0%A6%B-F%E0%A6%9B%E0%A6%BF%E0%A6%B2-%E0%A6%AC%E0%A6%A8%E0%A7%8D%E0%A6%A7-%E0%A6%95%E0%A6%B0%E0%A6%A4%E0%A7%87-%E0%A6%B9%E0%A6%B2%E0%A7%87>
 10. Bhikkhu, P. \(5th November, 2016\). Bdnews24. Rumors of blasphemy are tools. Retrieved From: <https://opinion.bdnews24.com/bangla/archives/42556>
 11. Rony, A. \(23rd October, 2021\). Bangla Tribune. All the communal attacks in the country are on the ‘fake news’ of Facebook. Retrieved From: <https://www.banglatribune.com/law-and-crime/708780/%E0%A6%AB%E0%A7%87%E0%A6%B8%E0%A6%AC%E0%A7%81%E0%A6%95%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E2%80%98%E0%A6%AD%E0%A7%81%E0%A7%9F%E0%A6%BE-%E0%A6%96%E0%A6%AC%E0%A6%B0%E0%A7%87%E0%A6%87%E2%80%99-%E0%A6%A6%E0%A7%87%E0%A6%B6%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%B8%E0%A6%AC-%E0%A6%B8%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%8D%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%BF%E0%A6%95-%E0%A6%B9%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A6%B2%E0%A6%BE>
 12. House, F. \(2017\). Freedom on the Net, Bangladesh. Retrieved From: <https://archive.nyu.edu/handle/2451/42377>
 13. Debnath, S. \(31st October, 2021\). Bhorer Kagoj. For two consecutive years, communal violence has been raging in Comilla. Retrieved From: <https://www.bhorerkagoj.com/2021/10/31/%E0%A6%AA%E0%A6%B0%E0%A6%AA%E0%A6%B0-%E0%A6%A6>](https://

</div>
<div data-bbox=)

%E0%A7%81%E0%A6%AC%E0%A6-%9B%E0%A6%B0%E0%A6%87-%E0%A6%B8%E0%A6%BE%E0%A6%AE%E0%A7%8D%E0%A6%AA%E0%A7%8D%E0%A6%B0%E0%A6%A6%E0%A6%BE%E0%A7%9F%E0%A6%BF%E0%A6%95/

14. Shakil, M. (20th November, 2019). Channelonline. The Power of Rumors Rumors of Devotion. Retrieved From: [https://www.](https://www.channelonline.com/%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%B6%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF-%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87-%E0%A6%AD%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF/)

channelonline.com/%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87%E0%A6%B0-%E0%A6%B6%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF-%E0%A6%97%E0%A7%81%E0%A6%9C%E0%A6%AC%E0%A7%87-%E0%A6%AD%E0%A6%95%E0%A7%8D%E0%A6%A4%E0%A6%BF/

TABLE OF CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Kopaliani V.Z. The role of modern communication technologies in the functioning of social movements on the example of France..... 5

Kravchenko A.I. Metaphorization of the scientific language in the nanomir 15

Pivovarova I.V., Barbakov G.O. Standards for managing operational elements in sociological and marketing research 25

EMPIRICAL STUDIES

Ardashev R.G. Cybersuicide and cyberbullying in modern society 32

Gritskikh N.V., Kononova O.N., Rybak N.S. Development of creative industries in the context of digitalization..... 39

Gurinovich L.A., Reshetnikova E.V., Lubercev P.P. Living space for working youth..... 48

Kalinich V.S., Verpatova O.Y. Volunteering as a means of showing patriotism 66

Maslodudova N.V. The influence of the information society on social relations 74

Makhova K.B. Sociology of tourism in Russia: review of publications from 2012 to 2021..... 83

Medvedev A.V., Medvedev R.A. Limitation of the use of personal vehicles in favor of public opinion 89

Ravochkin N.N., Bobrikov V.N. Emotions of youth in a post-COVID city: a sociological analysis. Analysis of changes 98

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Dzagurova N. Kh. Subjective satisfaction with the quality of life of young women (on the example of residents of Vladikavkaz)..... 104

Zhang Haopeng. The structure of the model of social stratification of Chinese society..... 109

Shchedrina E.V., Ivashova O.N., Paliivets M.S. Category “digital well-being” in the quality of life assessment system 114

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Ananishnev V.M., Zotova M.V., Gavrilov D.V., Pugachev N.M. Management technologies in the process of forming political parties in Russia..... 122

Wang Beibei. Study of the mechanism of functioning and practical way of the social work station in social management 128

Trifonova V. Yu. The influence of the gender factor on managerial potential in the company’s mission and values system..... 133

SOCIOLOGY OF CULTURE

Kudinova A.V., Morozov S.A. Reproduction and development of culture in cultural industries: to the formulation of the problem 139

Ruyu Yin, Sihan Li. China’s cultural self-confidence after the 20th National Congress and the construction of cultural soft power 147

THEORY AND HISTORY OF PHILOSOPHY

Davydov V.A. Epistemological aspects of the processes of reconstruction and construction of the historical past 151

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY

Makarenko E.D. The influence of public administration on the accumulation and disclosure of human capital in the context of the implementation of smart city technologies 155

Tetenkov N.B. Socio-political reasons for the formation of multiple subjectivity 163

APPLIED RESEARCH

Grinchenko E.A. Analysis of the value-semantic representation of the image of an illegal migrant in regional media: based on the results of content analysis 169

Magranov A.S. Emotional state of students in conditions of social uncertainty 180

Hossain Barek, Muzykant V.L., Nahiduzzaman Md. Spreading Rumors in Bangladesh: An Analysis of Sources and Causes 189

